ISSN 2713-2951

Социолингвистика
Sociolingvistika

http:// sociolinguistics.ru № 3(19) 2024

Институт языкознания РАН
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева

ISSN 2713-2951

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

№ 3 (19)

2024

Основан в 2020 г.

Выходит четыре раза в год

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
научный журнал
№ 3 (19) 2024
ISSN 2713-2951
DOI: 10.37892/2713-2951

Главные редакторы
В.М. Алпатов (академик РАН, д.ф.н., Институт языкознания РАН)
А.Н. Биткеева (д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Ответственные редакторы номера
И.И. Челышева (д.ф.н., Институт языкознания РАН),
Т.И. Ретинская (д.ф.н., Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева)

Заместитель главных редакторов
Т.И. Ретинская (д.ф.н., Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева)

Ответственный секретарь
С.В. Кириленко (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

Б.М. Атаев	д. филол. н., проф., Махачкала, Россия
Л. Болд	акад. Монгольской академии наук, д. ф. н., проф., Улан-Батор, Монголия
Т.Г. Боргоякова	д. филол. н., проф., Абакан, Россия
Н.Б. Вахтин	член-корреспондент РАН, д. филол. н., проф., Санкт-Петербург, Россия
М. Вингендер	д. филол. н., проф. Гиссен, Германия
Е.В. Головко	член-корреспондент РАН, д. филол. н., Санкт-Петербург, Россия
Л. Гренобль	д. филол. н., проф., Чикаго, США
Г.А. Дырхеева	д. филол. н., проф., Улан-Удэ, Россия
К.Ю. Замятин	к. филол. н., Москва, Россия
Н.И. Иванова	д. филол. н., Якутск, Россия
О.А. Казакевич	к. филол. н, Москва, Россия
М.Я. Каплунова	к. филол. н., Москва, Россия
А.А. Кибрик	д. филол. н., Москва, Россия
Ли Юймин	д. филол. н., проф., Пекин, КНР
В.Ю. Михальченко	д. филол. н., проф., Москва, Россия
Дж.Н. Мустафина	д. филол. н., проф., Набережные Челны, Россия
М.Р. Овхадов	д. филол. н., проф., Чеченская Республика, Россия
Т. Поншон	д. филол. н., проф., Шампань-Арденн, Франция
М. Тамин	проф., Шампань-Арденн, Франция
Э.А. Салихова	д. филол. н., проф., Республика Башкортостан, Россия
Юкиясу Араи	проф., Саппоро, Япония
Э.В. Хилханова	д. филол. н., доцент, Москва, Россия
Ван Хьеп Нгуен	доктор философии, Ханой, Вьетнам
Чжао Жунхуэй	д. филол. н., проф., Шанхай, КНР
Чжао Шицзюй	д. филол. н., проф., Ухань, КНР

© Институт языкознания Российской академии наук, 2024
© Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2024

ISSN 2713-2951

SOCIOLINGVISTIKA

No. 3 (19)

2024

Established in 2020

Published four times a year

SOCIOLINGVISTIKA
Scientific Journal
No. 3 (19) 2024
ISSN 2713-2951
DOI: 10.37892/2713-2951

Editors-in-Chief
Vladimir M. Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)
Aysa N. Bitkeeva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Executive editors of the issue
Irina I. Chelysheva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences),
Tatjana I. Retinskaya (Orel State University)

Deputy Editor-in-Chief
Tatjana I. Retinskaya (Orel State University)

Executive Secretary
Svetlana V. Kirilenko (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

B.M. Ataev	DSc in Philology, Professor, Makhachkala, Russia
L. Bold	Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia
T.G. Borgoyakova	DSc in Philology, Professor, Abakan, Russia
N.B. Vakhtin	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, Professor, St. Petersburg, Russia
M. Wingender	DSc in Philology, Professor, Giessen, Germany
E.V. Golovko	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, St. Petersburg, Russia
L. Grenoble	DSc in Philology, Professor, Chicago, USA
G.A. Dyrkheeva	DSc in Philology, Professor, Ulan-Ude, Russia
K.Yu. Zamyatin	PhD in Philology, Moscow, Russia
N.I. Ivanova	DSc in Philology, Yakutsk, Russia
O.A. Kazakevich	PhD in Philology, Moscow, Russia
M.Ya. Kaplunova	PhD in Philology, Moscow, Russia
A.A. Kibrik	DSc in Philology, Moscow, Russia
Li Yuming	DSc in Philology, Professor, Beijing, China
V.Yu.Mikhalchenko	DSc in Philology, Professor, Moscow, Russia
Dzh.N. Mustafina	DSc in Philology, Professor, Naberezhnye Chelny, Russia
M.R. Ovkhadov	DSc in Philology, Professor, Chechen Republic, Russia
T. Ponchon	DSc in Philology, Professor, Champagne-Ardenne, France
M. Tamin	Professor, Champagne-Ardenne, France
E.A. Salikhova	DSc in Philology, Professor, Republic of Bashkortostan, Russia
Arai Yukiyasu	Professor, Sapporo, Japan
E.V. Khilkhanova	DSc in Philology, Associate Professor, Moscow, Russia
Van Hiep Nguyen	PhD in Philosophy, Hanoi, Vietnam
Zhao Ronghui	DSc in Philology, Professor, Shanghai, China
Zhao Shijiu	DSc in Philology, Professor, Wuhan, China

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2024
© Orel State University, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 7

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Либертини Р., Челышева И.И. Язык города в прошлом и в настоящем: итальянская исследовательская традиция 8

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

Курбанова-Ильютко К.И. Французский язык в Валь д'Аосте: особенности употребления регионализмов в административно-правовой сфере. 28
Смирнова М.А., Бегоян А.С. Идиом тальян в Бразилии в историческом и социолингвистическом аспекте.. 46

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

Путилина У.А., Челышева И.И. Реконструкция языковой ситуации в Дубровнике XIV–XVI вв.: романско-славянские контакты 63
Лавра М., Семенова Е.А., Школьникова О.Ю. Малые балкано-романские языки: современная социолингвистическая ситуация. 81

ЯЗЫК И ИДЕНТИЧНОСТЬ

Разумова Л.В., Кряжева Н.И. Устная речь как маркер квебекской идентичности.. 97

ЯЗЫК И ОБРАЗОВАНИЕ

Канесе В., Перальта де Агуайо Э.М. Двуязычное образование в Парагвае: социолингвистический аспект 118

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Retinskaya T.I., Ponchon T. French argotology in Russia in the first quarter of the 21st century 135
Нарумов Б.П. Понятия «язык» и «диалект» в приложении к итало-романскому ареалу 147

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Рецензия: Ретинская Т.И. Французские профессиональные арго: Социолингвистический и функционально-стилистический анализ: монография (***Раевская О.В.)*** 161

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

К юбилею д.ф.н., проф. И.И. Челышевой (***Гулыга О.А)*** 165

Требования и рекомендации к оформлению статей 168

CONTENTS

Editorial preface. 7

THEORETICAL ASPECTS OF SOCIOLINGUISTICS

Rosangela Libertini, Irina I. Chelysheva The language of the city in the past and present: the Italian research tradition.. 8

LANGUAGE POLICY

Kamilla I. Kurbanova-Ilyutko The French language in the Aosta valley: peculiarities of the use of regionalisms in the administrative and legal sphere. 28
Maria A. Smirnova, Araksja S. Begojan The idiom of Talian in Brazil in historical and sociolinguistic aspect of study.. 46

LANGUAGE SITUATION

Uliana A. Putilina, Irina I. Chelysheva Reconstruction of the language situation in Dubrovnik in the 14th–16th centuries: Romanic-Slavic contacts. 63
Marilena Lavra, Ekaterina A. Semenova, Olga Yu. Shkolnikova Minor Balkan Romance languages: modern sociolinguistics situation. 81

LANGUAGE AND IDENTITY

Lina V. Razumova, Nadia I. Kriajeva Oral speech as a marker of Quebec identity.. 97

LANGUAGE AND EDUCATION

Valentina Canese, Estela Mary Peralta de Aguayo Bilingual education in Paraguay: sociolinguistic aspect 118

SCIENTIFIC HERITAGE

Tatiana I. Retinskaya, Thierry Ponchon French argotology in Russia in the first quarter of the 21st century. 135
Boris P. Narumov Concepts of “language” and “dialect” in the Italo-Romance area. 147

CRITICS AND REVIEWS

Olga V. Raevskaya [Review] Retinskaya, T.I. French professional argot: A sociolinguistic and functional stylistic analysis: Monograph. 161

CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

In honor of the anniversary of Irina I. Chelysheva, Doctor in Philology, professor (***Gulyga O.A.***). . 165

Style sheet 168

ОТ РЕДАКЦИИ

EDITORIAL PREFACE

Уважаемые читатели!

Этот номер журнала посвящен романским языкам. Социолингвистическая проблематика в странах романской речи уже была предметом исследования в публикациях журнала «Социолингвистика» (№ 4, 2020). В представленных статьях исследование проведено как на материале крупных романских языков (французский, итальянский, испанский), так и на материале миноритарных языков, диалектов и идиомов с дискуссионным статусом (окситанский, малые балкано-романские языки, диалекты Италии, язык тальян в Бразилии и др.). Проанализированы языковые ситуации в Европе и в регионах «Новой Романии» (Квебек, Парагвай, Бразилия). Особый интерес вызывают страны и области, где романские языки выступают в сочетании с другими языками как один из элементов многоязычной социолингвистической ситуации (славянские языки, индейский язык гуарани).

В этом выпуске журнала в статьях российских и зарубежных исследователей к обсуждению предлагаются такие теоретические проблемы, как развитие и функционирование городских наречий в современной Европе; роль и место арго профессиональных и социальных групп в иерархии языковых вариантов и традиции их изучения; реконструкция языковых ситуаций прошлого в рамках исторической социолингвистики; взаимодействие языков коренных народов и принесенных на новые территории европейских языков; социолингвистическая проблематика в образовательном процессе; лингвистическое законодательство, отражающее или искажающее реальную языковую ситуацию. Публикуемые исследования подводят итоги исторического развития языков с точки зрения социолингвистики, анализируют и классифицируют языковые ситуации в сегодняшнем мире, намечают возможные перспективы и прогнозы языковой динамики в странах романской речи. Часть исследований содержит материалы, полученные авторами в результате социолингвистического эксперимента и анкетирования носителей языков.

Романские идиомы исключительно разнообразны с точки зрения структуры, социолингвистического и законодательного статуса, культурно-исторической специфики. В романистике сложилась богатая исследовательская традиция и выработана основательная теоретическая и методологическая база, основанная на огромном накопленном и проанализированном материале. Все это дает основания предполагать, что социолингвистические работы, посвященные романским языкам, будут интересны и полезны не только романистам, но и тем, кто посвятил себя изучению и описанию иных лингвистических ареалов.

И.И. Челышева

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

THEORETICAL ASPECTS OF SOCIOLINGUISTICS

УДК 81’272 DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-8-27

ЯЗЫК ГОРОДА В ПРОШЛОМ И В НАСТОЯЩЕМ: ИТАЛЬЯНСКАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Розанджела Либертини
Католический Университет, Ружомберок, Словакия
Ирина И. Челышева
Институт языкознания Российской академии наук, Российская Федерация

Статья посвящена городским наречиям Италии в диахронии и в синхронии и традиции изучения языка города в итальянистике на примере городских диалектов Рима, Флоренции, Венеции, Триеста и некоторых других городов. В городах Италии итальянский литературный язык сосуществует с территориальным диалектом и с различными переходными формами: региональный итальянский, итальянизированный диалект, локальный говор и др. Именно соотношение литературной нормы и местных территориальных вариантов является основной темой в исследованиях языка итальянского города. Лингвистическое пространство каждого города складывалось веками, и языковая ситуация в современных городах отличается как с точки зрения структуры ее составляющих, так и с точки зрения сферы их использования и престижности языковых форм. Городские наречия Италии, с одной стороны, отличаются большой дробностью: языковой узус может меняться от квартала к кварталу, но, с другой стороны, сфера использования исходно городского диалекта может выходить далеко за пределы города. Так, язык Венеции был престижным идиомом по всей северо-восточной Италии и отчасти вытеснил, отчасти трансформировал исходные диалекты области Венето. Особое место в истории итальянского языка принадлежит Флоренции, поскольку флорентийский стал основой для итальянского языка, но вместе с тем в настоящее время говор Флоренции достаточно заметно отличается от общеитальянского литературного языка.

Ключевые слова: *социолингвистика города, итальянский язык, диалекты Италии, региональный итальянский, койне Италии, диалектная литература*

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Р. Либертини, И.И. Челышева, 2024

THE LANGUAGE OF THE CITY IN THE PAST AND PRESENT: THE ITALIAN RESEARCH TRADITION

Rosangela Libertini
Catholic University, Ružomberok, Slovakia
Irina I. Chelysheva
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article is devoted to the urban dialects of Italy in diachrony and synchrony and the tradition of studying the language of the city in Italian studies using the example of the urban dialects of Rome,

Florence, Venice, Trieste and some other cities. In the cities of Italy, the Italian literary language coexists with the territorial dialect and with various transitional forms: regional Italian, Italianized dialect, local dialect, etc. It is the relationship between the literary norm and local territorial variants that is the main topic in the studies of the language of the Italian city. The linguistic space of each city has been formed for centuries, and the linguistic situation in modern cities differs both in terms of the structure of its components and in terms of the scope of their use and the prestige of language forms. The urban dialects of Italy, on the one hand, are distinguished by great fragmentation: the language usage can change from quarter to quarter, but, on the other hand, the scope of use of the originally urban dialect can go far beyond the city. Thus, the language of Venice was a prestigious idiom throughout northeastern Italy and partly displaced and partly transformed the original dialects of the Veneto region. Florence has a special place in the history of the Italian language, since Florentine became the basis for the Italian language, but at the same time, the Florentine dialect is currently quite noticeably different from the general Italian literary language.

Keywords: *sociolinguistics of the city, Italian language, dialects of Italy, regional Italian, koine of Italy, dialectic literature*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Rosangela Libertini,, Irina I. Chelysheva, 2024

1. Введение

Изучение языка города является одной из актуальных тем современной социолингвистики. При этом исследовательская традиция по-разному складывалась в приложении к разным языкам. Несмотря на то, что предмет исследования именуется более или менее одинаково, различаются подходы и методы; обнаруживаются расхождения в терминологии; есть свои основоположники и свои авторитеты. Наша статья посвящена традиции исследования городского лингвистического пространства в Италии и тем особенностям языка городов, на основании которых эта традиция сложилась.

Говоря о лингвистической картине городов, итальянские исследователи чаще всего концентрируются на тех языковых формах, которые могут соотноситься с идеей dialetto urbano ‘городского диалекта’ [Dialettologia urbana, 1989]. Выбор этого термина требует некоторых пояснений. Термин «dialetto» ‘диалект’ в приложении к итальянским лингвистическим реалиям многозначен. Следует учесть, что в Италии термином lingua italiana ‘итальянский язык’ именуют литературный язык, сложившийся на основе флорентийского наречия тосканского диалекта и утвердившийся в XVI в. как общий письменно-литературный язык Италии. Диалектами же именуются территориальные разновидности, противопоставленные этому языку. Причем в обыденной жизни итальянцы не делают различия между миноритарными языками Италии (сардинский, ладинский, фриульский, франкопровансальский) и теми языковыми образованиями, которые определяются как диалекты, тем более что с функциональной точки зрения все они находятся «под крышей» итальянского языка.

Для итальянца вполне естественно звучит формулировка «Parlo italiano e dialetto» ‘Я говорю на итальянском и на диалекте’, а вот формулировка «dialetti della lingua italiana» ‘диалекты итальянского языка’ до сих пор вызывает отторжение. Корректное наименование в приложении к территориальным вариантам Апеннинского полуострова – dialetti italiani ‘итальянские диалекты’ или dialetti d’Italia ‘диалекты Италии’. Диалекты Италии являются потомками народной латыни разных ареалов, развивавшихся в разной степени изолированности и автономности на разных субстратных основах. Соответственно, и язык того или иного города формировался и развивался в рамках соответствующего диалектного ареала.

Еще одна терминологическая особенность заключается в том, что термин «диалект» (в единственном или во множественном числе) даже в лингвистических работах оказывается одинаково приложим как к языковым образованиям, выделяемым на уровне области *(итал.* regione): dialetto piemontese ‘пьемонтский диалект’, dialetti veneti ‘венетские диалекты’, так и к городским наречиям: dialetto napoletano ‘неаполитанский диалект’, dialetto veneziano ‘венецианский диалект’, хотя эти города включаются соответственно в ареал диалектов областей Кампании и Венето. Лишь по отношению к флорентийскому избегают термина «диалект»; предпочтительнее в этом случае оказывается наименование vernacolo ‘говор’: vernacolo fiorentino ‘флорентийский говор’, поскольку именно флорентийский вариант тосканского лег в основу литературного языка Италии. Однако эти терминологические противоречия снимаются широким использованием субстантивированного относительного прилагательного: il torinese ‘туринский’, il bustocco ‘наречие Бусто Арсицио’, l’aretino ‘говор Ареццо’и др.

Проблема языка города, с одной стороны, исследуется в итальянистике в рамках традиционной классической диалектологии. При этом часто не вычленяется один город, а городские наречия некоторого ареала противопоставляются сельским говорам того же ареала. По-итальянски такое противопоставление удачно передается терминами «urbanità» vs. «ruralità». Как правило, город рассматривается как территория, утратившая некоторые яркие диалектные характеристики. Например, в области Венето метафония (изменение ударного гласного под влиянием последующего безударного) утрачена в городах, но сохраняется в архаичных сельских говорах: mes ‘месяц’, но mis ‘месяцы’ < mesi под влиянием конечного [i], позднее утраченного [Челышева, 2001: 120].

С другой стороны, языковое пространство города исследуется и социолингвистическими методами. Как мы далее покажем, лингвистика города сочетает в себе и диалектологический, и социолингвистический аспект. Однако в нашей статье в центре внимания будет именно социолингвистическая проблематика, причем с особым вниманием к отдельным, на наш взгляд, наиболее показательным для Италии проблемам.

2. Языковое варьирование в Италии и особенности итальянской традиции изучения языка города

Среди исследований, посвященных лингвистике городов, есть работы, которые считаются, в какой-то мере, основополагающими для того или иного языка (например: [Ларин, 1972; Labov, 1966]). Разница в исследовательских подходах во многом определяется разным пониманием того, что можно назвать «городом». Эти различия могут ассоциироваться с двумя наименованиями города на латыни, на которые указывал еще Э. Бенвенист: город как urbs, т.е. городское пространство внутри городских стен (или в иных территориальных границах), и город как civitas, т.е. как сообщество людей, в нем проживающих [Benveniste, 1995: 240]. В итальянской традиции, на наш взгляд, преобладает восприятие города как urbs. При этом всегда учитывается диахронический аспект: история города в Италии во многом определяет настоящее, в том числе и его лингвистическую составляющую.

Отличительной особенностью Италии является до сих пор сохраняющееся своеобразие и «отдельность» даже небольших городов. Например, от Флоренции до Сиены всего около 80 км, но у Сиены своя государственная и политическая история, свои традиции и памятники, свои святые и праздники, и свой диалект, который, как и флорентийский, принадлежит к группе тосканских диалектов, но входит в их южную подгруппу вместе с говором города Ареццо, от которого сиенский также отличается.

В итальянистике хорошо разработана проблематика лингвистической истории городов (например: [Tomasin, 2010; Trifone, 2008]. Показательна в этом плане коллективная монография «Города Италии. История языков и культур» [Città italiane, 2015]. Ее отдельные главы посвящены крупнейшим итальянским городам: Турину, Милану, Венеции, Флоренции, Риму, Неаполю и Палермо. Последовательность глав отражает итальянскую традицию рассматривать территориальное варьирование языка, двигаясь с севера, точнее с северо-запада на юг, поэтому Рим оказался далеко не на первых страницах книги. В изложении выбираются ключевые моменты (для каждого города разные), которые определили современное состояние языка и культуры в описываемом городе. Для Флоренции, например, важным оказывается уловить те элементы, которые не вошли в итальянский язык и определяются как «слова и вещи флорентийской идентичности» [Frosini, 2015: 237]. Проблемы языка недавних мигрантов очень ограниченно представлены лишь в главе, посвященной Риму, на примере языка двух иностранных рабочих [Città italiane, 2015: 292].

Основной темой при изучении языка современного города в Италии до сих пор остается проблема соотношения литературного языка и территориального диалекта в рамках города.

В 2014 г. был завершен проект «La lingua delle città» ‘Язык городов’, над которым работали лингвисты из нескольких университетов Италии. Это исследование охватывало жителей 18 городов по всей Италии. В отличие от многих англо- и франкоязычных работ, ориентированных на изучение многоязычия современного города и уделяющих внимание мигрантам в первом и последующих поколениях, итальянские исследователи сосредоточиваются именно на итальянском языке в его региональных вариантах. Респондентов выбирали с учетом такого критерия, как autoctoneità ‘автохтонность’, т.е. опрос проводили среди коренных жителей городов и выясняли, какие элементы словаря отличаются от литературного итальянского [Nesi, Poggi Salani, 2014]. Эти отличия обычно были связаны или с диалектной, или с региональной лексикой.

В европейских языках формы, отличные от литературной нормы, часто маркированы как принадлежность сниженных социолектов, характерных для города или для пригорода. Примером таких вариантов могут служить арго французских пригородов, собранные по всей Франции в словарь [Tengour, 2013]. Разговорные варианты, молодежный сленг, просторечие разного происхождения часто выступают как «голоса города» [Calvet, 2005]. В Италии же рассмотрение диастратического варьирования языка города неразрывно связано с варьированием диатопическим. Особенность итальянской языковой ситуации заключается в том, что сниженные формы речи ассоциировались, прежде всего, с территориальным диалектом. Таким образом, итальянское просторечие, в том числе просторечие городское, оказывалось территориально ограниченным. Поэтому для Италии нехарактерны исследования городского просторечия в целом, как, например, в отечественном труде «Городское просторечие» [1984]. Лишь с XXI в., с формированием так называемого italiano neostandard, уже можно говорить и об общей разговорной форме итальянского или, по крайней мере, об общих структурных характеристиках такой формы.

Изучение языка итальянских городов нередко содержит филологическую или, иначе говоря, литературно-языковую составляющую. Письменные памятники и литература существуют на многих диалектах Италии, и творчество некоторых авторов отмечает вехи развития языка города. Язык их произведений не только отразил лингвистическую ситуацию определенной эпохи, но и обрел особую значимость как «голос» этого города. Например, история языка Рима в XIX – первой половине XX в. укладывается в формулу «от Белли до Трилуссы». Перу Дж. Белли (1791–1863) принадлежат «Римские сонеты», написанные от лица разных персонажей, населявших Рим в первой половине и в середине XIX в. (2279 сонетов!). Трилусса (псевдоним-анаграмма К.А. Салустри, 1871–1950) писал стихи на римском языке, отразив те изменения, которые произошли в языке города в XX в.

Для миланского диалекта, кроме наименования milanese, используется лингвоним meneghino ‘менегино’, имеющий литературное происхождение. Это имя персонажа комедий К.М. Маджи (1630–1699), драматурга и поэта, писавшего на миланском диалекте. Маска Менегино как образа миланца закрепилась в комедии дель арте, а в приложении к городскому наречию подчеркивает историчность и традиционность идиома.

При этом литературная языковая картина города для итальянцев должна соотноситься с реальностью. Известный современный итальянский писатель А. Камиллери (1925–2019), автор интеллектуальных детективов, писавший на языке, в котором сочетались итальянские и сицилийские элементы, поместил своих персонажей в воображаемый город Вигату, расположенный в вымышленной сицилийской провинции Монтелуза. При этом Монтелузу он позаимствовал у классика итальянской литературы Л. Пиранделло (1867–1936), который использовал этот топоним в своем творчестве. Таким образом, Камиллери избавился от необходимости отражать определенное наречие конкретного сицилийского города.

Разумеется, немало авторов интересных работ, посвященных городам Италии, опирается на теоретические основы, выработанные на материале иных лингвистических ареалов. В качестве примера отметим диссертацию о языке города Кальяри на Сардинии, выполненную в аспекте социофонетики У. Лабова [Mereu, 2017].

В последние годы появляются работы, посвященные языку мигрантов в том или ином городе, однако они скорее сосредоточены на изучении лингвистического узуса отдельных семей, чем на воссоздании общей многоязычной картины города [Lingue migranti e nuovi paesaggi, 2014]. Но и тут отметим специфическую для Италии тематику: поскольку много лет происходила миграция итальянцев с юга Апеннинского полуострова в промышленные города севера страны, актуальной оказывается проблема овладения городским диалектом северного типа носителями южных диалектов. Например, при социолингвистическом анкетировании жителей столицы Пьемонта Турина (северо-запад Италии) были выбраны в качестве информантов и потомственные туринцы, и переселенцы с юга Италии в первом и последующих поколениях. Причем особый интерес вызывало именно включение туринского в языковой обиход тех, кто привык к южным диалектам [Cerruti, 2003].

3. Итальянский город как лингвистическое пространство

Изучение языка города предполагает определение того, какая территория подпадает под понятие «город». В Италии этот вопрос оказывается не столь простым, как можно было бы предполагать. На Апеннинском полуострове рано сформировались городские центры, и многие итальянские города существуют с античных (и даже доримских) времен. Вплоть до объединения

в Италии сосуществовали государственные образования, отличающиеся друг от друга и по государственному устройству, и по территории, и по населению. Среди них было немало городов-государств. Эти государства не были ограничены городскими стенами, а сфера их влияния могла охватывать обширные территории. Флоренция, например, была в средние века коммунальной республикой, которая, помимо собственно города, включала в себя и контадо – территорию, подконтрольную Флоренции с военной, юридической и экономической точек зрения, куда входили пригородная сельская местность и отдельные города, над которыми флорентийцы устанавливали свою власть. Естественно, язык города влиял на наречия окружающих территорий.

Поскольку именно флорентийский стал базой для формирования итальянского литературного языка, положение Флоренции уникально, и вполне справедлив вывод Дж. Фрозини: «Если город всегда играет роль образца для некоей территории (для городской периферии, провинции, области и даже шире), то в случае с Флоренцией престиж города распространился на всю нацию… Флоренция воздействует не на примыкающую к городу территорию, а на всю Италию» [Frosini, 2015: 203].

Сложность определения в применении к Италии понятия «язык города» хорошо иллюстрирует ситуация с венецианским языком. В итальянской терминологии различаются два определения: veneto ‘венетский’ – по наименованию области Венето, и veneziano ‘венецианский’ – по городу Венеция. Город Венеция расположен в ареале венетских диалектов северо-восточной Италии. Венецианскому языку во всех объемных работах по диалектологии уделяют немало места, и его структурные характеристики достаточно определенны [Marcato, 2002].

Венеция представляла собой патрицианскую морскую республику с многовековой историей, где языковая неоднородность городской среды отмечается уже со средних веков. С одной стороны, по данным истории языка, документы XIII–XV вв., созданные в центральной части города, отличаются по языку от грамот, написанных на островах лагуны, которые входили в состав города. С другой стороны, ареал диалекта Венеции, который в итальянских работах иногда именуют veneziano lagunare ‘лагунный венецианский’, поскольку центр представляет собой остров в Венецианской лагуне, охватывает побережье и включает прибрежные городки: от Кьоджи на юге до Каорле на севере. К острову примыкает и квартал Местре, расположенный на terraferma, буквально на ‘твердой земле’, т.е. не на островной, а на континентальной территории. Местре, Каорле, Кьоджа – это небольшие самостоятельные коммуны, но их вполне можно сравнить с городской периферией, с отдаленным кварталами большого города.

Влияние Венеции простиралось на весь северо-восток Апеннинского полуострова. По другую сторону Адриатики под крыло «Серебряного Льва», как метафорически именовали

Венецию по городскому символу, попали обширные славянские земли. На этих территориях венецианский диалект стал влиятелен и престижен. В результате городской диалект Венеции вышел далеко за пределы города. Добавим, что на венецианском языке существовала и литературная традиция, на нем писали и сочиняли. В XVII–XVIII вв. на венецианский переходили образованные люди и городская буржуазия в Венето и во Фриули. Можно говорить и об особой форме «заморского венецианского», veneziano «de là da mar», который использовался на восточном побережье Адриатики [Folena, 1990]. Таким образом, язык Венеции никак не сводим к языку тех 50 тысяч жителей, которые ныне проживают в историческом центре города.

Не ограничен городской территорией и диалект Генуи, столицы Лигурии; вся центральная часть области определяется диалектологами как территория генуэзского языка. Ряд наречий других городов сформировался как колониальные диалекты либо на основе генуэзского (говор Бонифаччо на Корсике), либо под влиянием генуэзского (диалект провинции Сассари на Сардинии) [Forner, 1997].

Обращаясь к не столь отдаленным временам, отметим, что в Италии веками не меняются границы городов. В результате вокруг крупных городов складывается пояс пригородов, жители которых оказываются противопоставлены горожанам intra muros, в том числе и с лингвистической точки зрения. Пригороды, которые имеют свою историю, свои культурные и бытовые традиции, также нередко оказываются территориями, где складывается особая языковая ситуация и особая иерархия языковых уровней, отличная от центральных районов города. Некоторые периферийные кварталы, например пояс предместий Рима, так называемые borgate, заслуживают особого внимания: тип borgataro – жителя римского пригорода – запечатлен в итальянской литературе и кинематографе XX в., отразивших и особенности языка таких персонажей. Сиенский университет для иностранцев провел в октябре 2018 г. конференцию под названием «Borgate Romane», где были представлены доклады по языку, традициям и культуре пригородов итальянской столицы. Таким образом, уже упомянутая дихотомия urbanità/ruralità дополняется третьей составляющей – suburbanità.

4. Проблемы формирования городских диалектов

Как мы уже отметили, города Италии расположены в соответствующих диалектных ареалах. Однако развитие городских диалектов далеко не всегда было последовательным: в условиях города интенсивные контакты, вовлеченность в исторические события, быстрый рост или, напротив, утрата населения оказывали влияние на судьбы городского идиома.

Особое внимание привлекают те случаи, когда формирование городских наречий оказалось в какой-то степени нелинейным, т.е. экстралингвистические обстоятельства привносят изменения, оказывающие влияние не только на функционирование, но и на структуру языка города.

Наиболее известным примером является судьба римского диалекта. Рим не только столица Италии, но и главный город области Лацио. Диалекты Лацио относятся к центрально-южной подгруппе южных диалектов Италии. Средневековый (до XVI в.) римский диалект, именуемый в исследованиях romanesco antico ‘староримский’ обладал основными характеристиками диалектов этой подгруппы. Однако современное римское наречие гораздо ближе, чем говоры окружающей Рим области, к тосканскому диалекту и, следовательно, к итальянскому литературному языку. В отличие от староримского современный romanesco утратил многие южные характеристики, например исчезла метафония неаполитанского типа, когда под влиянием конечного гласного [i] во множественном числе имен возникали дифтонги: occhio ‘глаз’, но uocchi ‘глаза’.

Утрата южных черт (*итал*. smeridializzazione) и тосканизация романеско происходила в несколько этапов. В 1527 г., в период Итальянских войн, в городе в течение десяти месяцев бесчинствовали германские наемники и преступные банды. Это событие, получившее наименование Sacco di Roma ‘Разграбление Рима’, привело к тому, что коренные жители погибли или покинули город, а позднейшее заселение произошло во многом за счет приезжих. Папы-флорентийцы, не раз занимавшие Святой Престол, также способствовали продвижению своих земляков. Столица Папского государства притягивала и объединяла выходцев из разных стран и городов. Все это сказывалось на языковой ткани римского диалекта, сглаживая местные особенности.

После объединения страны, когда в 1871 г. Рим стал столицей Италии, в правящей верхушке появилось много северян, «пьемонтцев», как их называли, поскольку объединение произошло под эгидой Савойской династии, чьей вотчиной был Пьемонт. Активное развитие столицы привлекло в город и многих южан, в частности крестьян из Абруццо и Кампании. Это также приводило к размыванию типично римских черт городского наречия. Романеско стал восприниматься как язык простонародья, городских низов, и следы такого восприятия сохраняются до сих пор (см. об этом ниже).

Ярким примером трансформации языковой картины города является угасание одного городского диалекта и утверждение другого в Триесте, столице области Фриули-Венеция Джулия. С лингвистической точки зрения эта ситуация интересна тем, что ушедший диалект и заменивший его соотносятся с разными языками. Триест, город на северо-восточной границе

современной Италии, отличался сложным этническим и языковым составом. Романоязычное население соседствовало в нем со славянами (словенцы, которые до сих пор составляют часть населения Триеста, и особенно окружающих город сельских районов), с носителями немецкого языка, который к тому же был официальным в землях Австро-Венгрии, а также с греческой, армянской, еврейской общинами и немалым числом выходцев с Ближнего Востока, объединенных наименованием «левантинцы».

Исторически романский элемент в Триесте был представлен городским диалектом, получившим в исследованиях наименование tergestino (от латинского названия Триеста – Tergestum), который с лингвистической точки зрения являлся диалектом фриульского типа. Письменных свидетельств tergestino немного, и не все исследователи согласны классифицировать его как диалект фриульского. Есть и компромиссный взгляд, согласно которому это был венетский диалект на фриульской основе (см. обзор: [Heinemann, 2015]).

С точки зрения лингвистической географии Триест оторван от фриульского языкового континуума: его отсекает от ареала распространения фриульского полоса венетских диалектов. Старый городской диалект стал угасать с начала XIX в., сохраняясь в среде потомственных триестинцев до середины века. Его место в языковой палитре города заняло наречие, именуемое triestino, т.е. прилагательным, производным от итальянского названия города Trieste. Новый диалект принадлежит к венетской подгруппе северной группы диалектов Италии и сложился под влиянием венецианского. Такому переходу способствовали преобразования периода царствования императрицы Марии-Терезии (1740–1780), когда городское население увеличилось в разы и Триест превратился в главную средиземноморскую гавань Австрийской империи. Соответственно, сильно изменился состав населения, а авторитет Венеции по всей северо-восточной Италии привел к тому, что в Триесте утвердился городской язык на венецианской основе.

Заметим, однако, что уникальная судьба этого города, окончательно присоединенного к Италии лишь в 1954 г., отразилась и на судьбе нового городского диалекта: triestino развивался в последующие века вне Италии, не без влияния словенского и немецкого, и сохранил свою оригинальность.

Природные катастрофы, изменившие судьбы городов, также могли привести к языковым трансформациям. В 1915 г. город Авеццано, центр района Марсика в области Абруццо, был полностью разрушен землетрясением. Погибла значительная часть жителей, а для восстановления города были привлечены приезжие из разных районов Италии. В этот период основным средством устного общения в Италии еще оставался диалект, и avezzanese ‘авеццанский’ изменился под влиянием наплыва инодиалектных говорящих. Он утратил

некоторые характеристики, общие для говоров Марсики, и приобрел определенную специфичность. Резюмируя ситуацию, Дж. Питони пишет о «terremoto linguistico» ‘лингвистическом землетрясении’, постигшем Авеццано после природного бедствия [Libertini, 2014: 188]. Заметим, что итальянское слово terremoto метафорически точнее, чем русское «землетрясение», оно передает то, что произошло с языком в Авеццано, поскольку корень -moto буквально обозначает ‘движение, сдвиг’.

Аналогичные процессы происходят и в настоящее время. В 2009 г. сильное землетрясение разрушило город Аквилу, столицу Абруццо. Восстановительные работы продолжаются по сей день. По свидетельствам очевидцев, состав городского населения меняется на глазах, и эти перемены не могут не отражаться на судьбе диалекта Аквилы.

Мы уже упоминали об исключительной роли венецианского в лингвистической истории областей Венето и Фриули. В результате изменялся язык городов этих регионов: городские наречия венецианизировались, утрачивая некоторые исконные характеристики. Поэтому вполне обосновано высказывание Дж. Фолены: «Современные венетские диалекты – это в какой-то степени наречия венецианского, или неовенецианские диалекты» [Folena, 1990: 232]. В Падуе, одном из крупнейших городов Венето, и в Падуанском контадо в XIV–XVII вв. сложилась местная литературная традиция на pavano ‘павано’, наречии на падуанской основе, которое отражено в том числе в драматургии известного комедиографа XVI в. Рудзанте (Анджело Беолько, 1496–1542). Но в XVII–XVIII вв. язык Падуи пережил существенную венецианизацию, и павано остался лишь в литературных памятниках прошлого. Современный язык Падуи его не продолжает.

Мы привели лишь некоторые примеры трансформации языка города под влиянием экстралингвистических обстоятельств; не столь кардинальные, но заметные изменения можно в динамике проследить во многих городах Италии.

5. Проблема единства городского диалекта

Язык города в Италии отличается большой дробностью, существенно изменяясь не только от города к городу, но и внутри города от квартала к кварталу. Эти различия имеют очень глубокие корни. Еще Данте указывал, что в разных кварталах Болоньи говорят по-разному. Одним из факторов сохранения языкового своеобразия отдельных кварталов стало характерное для Италии постоянство жителей: люди поколениями живут в одном и том же квартале, дома передаются по наследству и бывают очень долговечны. Авторам этой статьи известен случай, когда представители одной семьи проживали во Флоренции в одном и том же доме около четырех веков.

Особенности функционирования идиомов в разных кварталах городов часто оказываются лишь одной из составляющих, на основании которых проводится разделение жителей внутри городского пространства. В Риме есть традиция сравнивать и противопоставлять жителей южной части города – Roma Sud, обитателям северного Рима – Roma Nord, причем расхождения в языковом узусе представляют собой лишь часть этого противопоставления, которое основано на целом ряде бытовых стереотипов. Жители Roma Nord (кварталы Париоли, Прати, Фламинио) считаются более состоятельными, среди них много людей либеральных профессий и людей искусства, их упрекают в некотором снобизме и высокомерии. Коренных обитателей Roma Sud представляют более эмоциональными и шумными потомками римского простонародья. Эти бытовые стереотипы во многом шутливые, но реальная основа в этом разделении несомненна. Считается, что римляне «с северной стороны» реже используют диалект, прибегая к отдельным словам и выражениям нарочито, в качестве языковой игры. А для жителей южной части романеско является обычным средством неформального повседневного общения.

Во Флоренции до сих пор считается, что vernacolo fiorentino ‘флорентийский говор’ лучше всего сохранился в квартале Санто-Спирито Ольтрарно, который представляет собой один из четырех исторических кварталов Флоренции и единственный из них расположен на правом берегу реки Арно.

Очень сложная ситуация с городскими наречиями в Неаполе. К социальному расслоению города добавляется этническая история его жителей. Так, один из районов в историческом центре Неаполя носит название Quartieri Spagnoli ‘Испанские кварталы’, поскольку в XVI в. там селились выходцы с Пиренейского полуострова, поступавшие на службу к вице-королю Испании. Диалектные черты по-разному распределяются в том или ином районе города, что дает возможность исследовать отдельные структурные характеристики языка от квартала к кварталу.

Испанские кварталы сохраняли некоторую обособленность и локальную идентичность, что способствовало языковому консерватизму. Например, такое явление, как ротацизм в приложении к фонеме /d/ в языке обитателей Испанских кварталов воспроизводится весьма устойчиво. Речь идет о достаточно распространенном в области Кампания феномене, когда в интервокальном положении, в том числе и на стыке слов, /d/ переходит в дрожащий [r]: dentə ‘зуб’, но с определенным артиклем o rentə, а в сильной позиции (при синтаксическом усилении/удвоении, которое проявляется после парокситонов и ряда односложных слов) происходит задержка смычки в артикуляции, традиционно обозначаемая как [dd]: tre ddientə ‘три зуба’ [Milano, 2016: 405]. В настоящее время процесс итальянизации и в этой части Неаполя идет очень активно, но ротацизм, который раньше воспринимался как характеристика

простонародной речи может поддерживаться как яркий показатель локальной идентичности, в том числе и в молодежной среде.

Мы уже упомянули о пригородах как об особом лингвистическом пространстве. Исследования языковой ситуации в пригородах обычно сосредоточены на тех городских кварталах, которые оставили свой особый след в истории Италии и известны далеко за пределами города, в состав которого входят, как уже упомянутые римские borgate. Жители таких районов ощущают свою отдельность и гордятся своими особенностями, к числу которых могут относиться и лингвистические характеристики. Например, район Вомеро (Vomero) в Неаполе с итальянской точки зрения не является старинным – застройка холма Вомеро массово началась лишь в конце XIX в. Но до сих пор итальянцы помнят, что именно в Вомеро начались события, получившие название Quattro giornate di Napoli ‘Четыре дня Неаполя’ – восстание 27–30 сентября 1943 г., приведшие к освобождению города от нацистов. Язык жителей Вомеро в некоторых чертах не совпадает с языком жителей центральных районов; отличается и восприятие правильности и престижности местного наречия [Obermeier, 2022].

6. Городской диалект в структуре языковой ситуации

Современная языковая ситуация в Италии характеризуется сокращением сферы использования диалектов и утверждением национального языка как основного средства выражения не только в письменном узусе (это стало уже свершившимся фактом к концу XVI в.), но и в устной сфере. При исследовании языкового пространства города, как и итальянской социолингвистической ситуации в целом, оппозиция итальянский язык / территориальный диалект включает в себя ряд переходных форм, в разной степени тяготеющих к этим двум полюсам: региональный итальянский язык, итальянизированный диалект, диалектное койне, говоры отдельных районов города и пригородов и др. Гамма этих переходных форм в каждом городе имеет свои оттенки.

Среди переходных форм в городах в настоящее время на первое место выходит региональный итальянский язык, для которого, следуя идеям Т.Де Мауро, выделяют четыре основных варианта: северный итальянский, южный итальянский, тосканский итальянский и римский итальянский

Языковая ситуация в крупных городах оставляет за диалектом в узком смысле слова достаточно ограниченную сферу бытования, но осознание оппозиции итальянский язык vs. диалект присутствует всегда. Лишь в Риме и во Флоренции можно говорить о практически полном размывании границ между этими формами существования языка.

Во Флоренции нет четкого противопоставления язык/диалект, поскольку на флорентийской основе и создан государственный язык Италии. Но флорентийский говор включает в себя ряд языковых характеристик разного уровня, которые не входят в литературный язык. Отдельные флорентинизмы, как в произношении, так и в лексике, устойчиво сохраняются в речи высокообразованных флорентийцев (в том числе филологов) и являются своего рода маркером флорентийского происхождения говорящего. Это, например, произношение аффрикаты /ʤ/ как [ʒ] в интервокальном положении, притом что фонема /ʒ/ в литературной норме отсутствует: i giovani [i ʒovani] вместо [i ʤovani] или gorgia toscana, тосканское придыхание в произношении смычных. Мы неоднократно слышали из уст сотрудников Академии делла Круска, авторитетного центра изучения итальянского, женские имена собственные, оформленные определенным артиклем: la Silvia, la Delia, что противоречит норме итальянского языка, но вполне приемлемо во Флоренции.

В Риме сегодня можно говорить, скорее, о широком распространении римского варианта итальянского языка. Исторически, как мы уже писали, римский в своих структурах сблизился с тосканским. Собственно римские характеристики стали восприниматься как принадлежащие языку городских низов, и социолингвистическая привязка здесь ощущается сильнее, чем в других городских наречиях. Показательно название известной статьи П. Д'Акилле и К. Джованарди, которые много занимались языком Рима: «Romanesco, neoromanesco o romanaccio? La lingua di Roma alle soglie del Duemila» 'Римский, новоримский или романаччо. Язык Рима на пороге XXI века' [D'Achille, Giovanardi, 1995]. О различиях между «староримским» и «новоримским» мы упоминали выше. Если romanesco – нейтральное наименование римского диалекта, то труднопереводимое romanaccio представляет собой это же название, оформленное пейоративным суффиксом -accio; ср. *итал.* filmaccio 'плохой фильм', giornataccia 'неудачный день'. Наименование romanaccio как бы переводит лингвоним в сферу просторечия, в статус жаргона. В итальянской литературе XX в. заметен такой «образ» римского диалекта. Известные романы П. Пазолини «Ragazzi di vita» (1955) и «Vita violenta» (1959), в русском переводе «Шпана» и «Жестокая жизнь» отразили римский говор неблагополучной, люмпенизированной части обитателей пригородов. Однако было бы неправильным считать, что римские характеристики всегда маркируются как сниженные. Многие жители Рима, в том числе высокообразованные, сохраняют в устной речи отдельные фонетические, лексические, синтаксические характеристики романеско. Осознание того, что романеско является частью римской идентичности присутствует и у молодежи. Надо отметить, что в крупных городах Италии такое отношение к местному наречию не является редкостью.

Есть еще один аспект лингвистической картины города, актуальный для Италии. Он состоит в том, насколько соответствует стандарту литературный итальянский язык, особенно в устной форме, в том или ином городе. Н. Галли де Паратези еще в 80-х годах XX в. высказала мысль, что менее всего от литературной нормы отклоняются в своей речи образованные миланцы, хотя миланский, принадлежащий к ломбардским диалектам северной диалектной группы, от итальянского литературного языка весьма далек. На втором месте оказались флорентийцы, у которых диалект в принципе совпадает с языковой основой, на которой выстроен литературный язык, а на третьем – римляне [Galli de Paratesi, 1984]. Вероятно, такое распределение позиций актуально до сих пор.

Городской диалект может стать основой для формирования языкового образования, которое вписывается в языковую ситуацию не столько города, сколько области в целом. В Турине во второй половине XVIII в. сложилось так называемое пьемонтское койне. Этому способствовало то, что Турин был столицей Пьемонтского королевства, где правила Савойская династия. Как и во Франции, в этом случае можно говорить о влиянии языка королевского двора и состоятельных столичных горожан. Эта языковая форма используется при общении на диалекте по всей области, и к нему прибегают носители разных говоров, в том числе и в долинах Пьемонта с окситанским языком. При этом наличие койне никогда не мешало широкому использованию местных говоров, в том числе в литературе. В исследовании, посвященном современной поэзии на пьемонтском (вторая половина XX–XXI в.), есть раздел, посвященный поэтам, пишущим на койне, и раздел о поэзии на местных диалектах [Pasero, 2018]. Обращение к этой языковой форме объясняется не только туринским происхождением авторов. Большое значение имело в данном случае следование традициям крупнейшего поэта Пьемонта Пинина Пакота (1899–1964, итальянская форма имени и фамилии – Джузеппе Пакотто), который писал на туринском койне.

Та форма территориального диалекта, которая используется в городе, нередко образует несколько страт, отражающих как социальное, так и поколенческое варьирование. В Триесте, где диалект считается почти обязательным маркером городской идентичности, выделяют triestino patoco — чистый диалект, почти не итальянизированный, которым владеет старшее поколение и который используется в фольклорной традиции; triestino negron – практически угасший говор малограмотных, необразованных чернорабочих, в основном в порту; triestino slavazzado – «размытый» триестинский, в котором ряд характеристик стерся, именно такой язык преобладает сегодня среди жителей города (см. обзор: [Смирнова, 2019].

7. Заключение

В заключение можно сказать, что в каждом городе Италии сложилась своя социолингвистическая ситуация, которая имеет общие фундаментальные характеристики, но отличается в деталях и подробностях. В разных вариантах в городском пространстве отражается дихотомия литературный язык / территориальный диалект с сокращением сферы использования диалекта вплоть до преобразования его в переходную, в разной степени итальянизированную форму. Важно отметить, что непроницаемой границы между языковыми образованиями, входящими в коммуникативную сферу горожан, нет, и переключение кодов (code-switching) является очень распространенным явлением по всей Италии.

Язык города в Италии, как и сами итальянские города, – явление сложное, многомерное, уходящее корнями в далеке прошлое и вместе с тем подверженное быстро возникающим инновативным изменениям. Н. Мараскио, подводя итог конференции, посвященной языку городов Италии, процитировала слова из работы Т. Де Мауро, которого считают одним из основоположников изучения лингвистики города: ‘Наш язык – как старый город: лабиринт улочек и маленьких площадей, старых и новых домов, дворцов, в разные годы перестроенных, а вокруг – пояс новых пригородных кварталов, прямые, ровные улицы, совершенно одинаковые строения… Представить язык – значит представить некую форму жизни…’ (цит. по: [Maraschio, 2014: 23]).

Литература

Бенвенист Э. (1995) Словарь индоевропейских социальных терминов. I. Хозяйство, семья, общество. II. Власть, право, религия. М.: Прогресс. 453 с.

Городское просторечие (1984) / Отв. ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелев. М.: Наука. 188 с.

Ларин Б.А. (1977) О лингвистическом изучении города // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание: Избранные работы. М.: Просвещение. С. 175–189.

Смирнова М.А. (2019) Триестинский диалект: Лингва франка между романским, германским и славянским миром // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 10 (826). С. 73–90.

Челышева И.И. (2001) Диалекты Италии // Языки мира. Романские языки. М.: Academia. С. 90–146.

Calvet, J.-L. (2005) Les voix de la ville revisitées: Sociolinguistique urbaine ou linguistique de la ville // Revue de l’Université de Moncton. Vol. 36. No. 1. Pp. 9–30.

Città d’Italia. Dinamiche linguistiche postunitarie. Per i 50 anni della «Storia linguistica dell’Italia unita» di Tullio De Mauro. (2014) Firenze: Accademia della Crusca. 336 p.

Città italiane. Storie di lingue e di culture / A c. di P. Trifone (2015) Roma: Carocci. 438 p.

Cerruti, M. (2003) Il dialetto oggi nello spazio sociolinguistico urbano: Indagine in un quartiere di Torino // Rivista Italiana di Dialettologia. No. 27. Pp. 33–88 Available at: https://www.researchgate.net/publication/304170694 Access date: 15.02.2024

D’Achille, P., Giovanardi, C. (1995) Romanesco, neoromanesco o romanaccio? La lingua di Roma alle soglie del Duemila // Dialetti e lingue nazionali. Atti del 2 Congresso della Società di linguistica italiana: Lecce, 28–30 ottobre 1993. Roma: Bulzoni. Pp. 397–412.

Dialettologia urbana: problemi e ricerche. (1989) Atti del XVI Convegno del Centro di studio per la Dialettologia italiana (Lecce, 1–4 ottobre 1986). Pisa: Pacini. 258 p.

Folena, G. (1990) Introduzione al veneziano «de là da mar» // Culture e lingue nel Veneto medievale. Padova: Ed. Programma. Pp. 226–267.

Forner, W. (1997) Liguria // The dialects of Italy / Ed. by M. Maiden, M. Parry. L.; N. Y.: Routledge. Pp. 245–252.

Frosini, G. (2015) Firenze // Città italiane: Storie di lingue e di culture / A c. di P. Trifone. Roma: Carocci ed. Pp. 203–246.

Galli de Paratesi, N. (1984) Lingua toscana in bocca ambrosiana: Tendenze verso l'italiano standard. Bologna: Mulino. 276 p.

Heinemann, S. (2015) Tergestino /mugliesano // Manuale di linguistica friulana. Berlin; München; Boston: De Gruyter. Pp. 226–245.

Labov, W. (1966) The Social Stratification of English in New York City. Washinton D.C.: Center for Applied Linguistics. 655 P.

Libertini, R. (2014) Sànte 'Middjé…je tarramùte!... Letteratura marsicana, identità popolare e il terremoto del 1915. Debrecen: Università di Debrecen Available at: https://dea.lib.unideb.hu/dea/bitstream/handle/2437/193503/disszertacio.Libertini_titkositott.pdf?sequence=1&isAllowed=y Access date: 20.09.2023.

Lingue migranti e nuovi paesaggi (2014) / A c. di V. Calvi, I. Bajini, M. Bonomi. Milano: Ed. Universitarie LED. 240 p.

Maraschio, N. (2014) L'italiano alla conquista delle città, Processo antico e accelerazioni postunitarie. Osservazioni a conclusione del convegno // Città d'Italia. Dinamiche linguistiche postunitarie. Per i 50 anni della «Storia linguistica dell'Italia unita» di Tullio De Mauro. Firenze: Accademia della Crusca. Pp. 3–24.

Marcato, G. (2002) Il Veneto // I dialetti italiani / Storia, struttura, uso, a c. di M. Cortelazzo et al. Torino: UTET. Pp. 296–328.

Milano, E. (2016) Il rotacismo nei Quartieri Spagnoli a Napoli // Nuovi e antichi equilibri nello spazio linguistico urbano Il dialetto nel tempo e nella storia / A c. di G. Marcato. Padova: CLEUP. Pp. 404–417.

Mereu, D. (2017) Il sardo parlato a Cagliari: Uno studio sociofonetico. Bergamo: Università di studi di Bergamo. Available at: https://aisberg.unibg.it/retrieve/e40f7b86-e766-afca-e053-6605fe0aeaf2/TDUnibg_Mereu-Daniela.pdf Access date: 23.02.2024

Nesi, A., Poggi Salani, T. (2014) Dall'esperienza della «Lingua delle città»: Spunti e riflessioni per la lessicografia italiana. Available at: https://accademiadellacrusca.it/it/contenuti/dallesperienza-della-lingua-delle-citta-spunti-e-riflessioni-per-la-lessicografia-italiana/59 Access date: 13.12.2023.

Obermeier, A. (2022) La Napoli linguistica dalla prospettiva dei parlanti. Un confronto sociolinguistico urbano di Napoli tra Centro antico e Vomero. München: Lüdwig-Maximilians-Universität.

Pasero, D. (2018) Profilo della letteratura piemontese contemporanea. Available at: https://poetidelparco.it/profilo-della-letteratura-piemontese-contemporanea/ Access date: 21.01.2014.

Tengour, A. (2013) Tout l'argot des banlieux. Dictionnaire de la zone. P.: Les éditions de l'Opportun. 736 p.

Tomasin, L. (2010) Storia linguistica di Venezia. Roma: Carocci. 154 p.

Trifone, P. (2008) Storia linguistica di Roma. Roma: Carocci. 128 p.

References

Benveniste, E. (1995) Slovar' indoevropeiskih sotsial'nyh terminov [Dictionary of Indo-European Concepts and Society]. M.: Progress. 453 p. (In Russ.)

Gorodskoe prostorechie. (1984) / Otv. red. E.A. Zemskaya, D.N. Shmelev [Urban colloquiallisme / Ed. by E.A. Zemskaya, D.N. Shmelev]. M.: Nauka. 188 p. (In Russ.)

Larin, B.A. (1977) O lingvisticheskom izuchenii goroda [On the urban sociolinguistic] // Larin B.A. Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie. M.: Prosveshchenie. Pp. 175–189. (In Russ.)

Smirnova, M.A. Triestinskiy dialect: Lingua franca mezhdu romanskim, germanskim I slavyanskim mirom [The Triestine dialect: A lingua franca in between the romance, german and slavic world]. Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki. Vyp. 10 (826). Pp. 73–90. (In Russ.)

Chelysheva, I.I. (2001) Dialekty Italii. YAzyki mira. Romanskie yazyki [Dialects of Italy. Languages of the world. Romanic languages]. M.: Academia. Pp. 90–146. (In Russ.)

Calvet, J.-L. (2005) Les voix de la ville revisitées: Sociolinguistique urbaine ou linguistique de la ville [The voices of the city revisited: Urban sociolinguistics or linguistics of the city]. Journal of the University of Moncton. Vol. 36. No. 1. Pp. 9–30. (In French)

Città d'Italia. Dinamiche linguistiche postunitarie. Per i 50 anni della «Storia linguistica dell'Italia unita» di Tullio De Mauro [Post-unification linguistic dynamics. For the 50th anniversary of the «Linguistic history of united Italy» by Tullio De Mauro] (2014) Florence: Accademia della Crusca. 336 p. (In Ital.)

Città italiane. Storie di lingue e di culture [Italian cities. Stories of languages and cultures] / A c. di P. Trifone (2015) Rome: Carocci ed. 438 p. (In Ital.)

Cerruti, M. (2003) Il dialetto oggi nello spazio sociolinguistico urbano: Indagine in un quartiere di Torino [Dialect today in the urban sociolinguistic space: Investigation in a neighborhood of Turin] // Italian Journal of Dialectology. No. 27. Pp. 33–88 Available at: https://www.researchgate.net/publication/304170694 Access date: 15.02.2024 (In Ital.)

D'Achille, P., Giovanardi, C. (1995) Romanesco, neoromanesco o romanaccio? La lingua di Roma alle soglie del Duemila. Dialetti e lingue nazionali. Atti del 2 Congresso della Società di linguistica italiana: Lecce, 28–30 ottobre 1993 [Romanesco, neo-Romanesco or romanaccio? The language of Rome on the threshold of the new millennium. Dialects and national languages. Proceedings of the 2nd Congress of the Italian Linguistic Society: Lecce, 28–30 October 1993]. Rome: Bulzoni. Pp. 397–412. (In Ital.)

Dialettologia urbana: Problemi e ricerche. (1989) Atti del XVI Convegno del Centro di studio per la Dialettologia italiana (Lecce, 1–4 ottobre 1986) [Urban Dialectology: Problems and Research. (1989) Proceedings of the XVI Conference of the Study Center for Italian Dialectology (Lecce, 1–4 October 1986)]. Pisa: Pacini. 258 p. (In Ital.)

Folena, G. (1990) Introduzione al veneziano «de là da mar» // Culture e lingue nel Veneto medievale. Padova: Editoriale Programma [Introduction to the Venetian «beyond the sea» // Cultures and languages in medieval Veneto. Padova: Editoriale Programma]. Pp. 226–267. (In Ital.)

Forner, W. (1997) Liguria // The dialects of Italy / Ed. by M. Maiden, M. Parry. L.; N. Y.: Routledge. Pp. 245–252 (In Engl.)

Frosini, G. (2015) Firenze. Città italiane. Storie di lingue e di culture [Florence. Italian Cities. Stories of Languages and Cultures] / A c. di P. Trifone. Roma: Carocci ed. Pp. 203–246. (In Ital.)

Galli de Paratesi, N. (1984) Lingua toscana in bocca ambrosiana: Tendenze verso l'italiano standard [Tuscan language in an Ambrosian mouth: Tendencies towards standard Italian]. Bologna: Mulino. 276 p. (In Ital.)

Heinemann, S. (2015) Tergestino / mugliesano [Tergestino / Mugliesan] // Manual of Friulian linguistics. Berlin, München, Boston: De Gruyter. Pp. 226–245. (In Ital.)

Labov, W. (1966) The Social Stratification of English in New York City. Washinton D.C.: Center for Applied Linguistics. 655 p.

Libertini, R. (2014) Sànte 'Middjé… je tarramùte!.. Letteratura marsicana, identità popolare e il terremoto del 1915. Debrecen: Università di Debrecen [Sànte 'Middjé… je tarramùte!.. Marsican literature, popular identity and the 1915 earthquake. Debrecen: University of Debrecen]. Available at: https://dea.lib.unideb.hu/dea/bitstream/handle/2437/193503/disszertacio.Libertini_titkositott.pdf?sequence=1&isAllowed=y Access date: 20.09.2023. (In Ital.)

Lingue, migranti e nuovi paesaggi [Languages, migrants and new landscapes]. (2014) / A c. di V. Calvi, I. Bajini, M. Bonomi. Milano: Edizioni Universitarie LED. 240 p. (In Ital.)

Maraschio, N. (2014) L'italiano alla conquista delle città, Processo antico e accelerazioni postunitarie. Osservazioni a conclusione del convegno // Città d'Italia. Dinamiche linguistiche postunitarie. Per i 50 anni della «Storia linguistica dell'Italia unita» di Tullio De Mauro [Italian conquers cities, Ancient process and post-unification accelerations. Remarks at the conclusion of the conference // Cities of Italy. Post-unification linguistic dynamics. For the 50th anniversary of the «Linguistic history of united Italy» by Tullio De Mauro]. Florence: Accademia della Crusca. Pp. 3–24. (In Ital.)

Marcato, C. (2002) Il Veneto. I dialetti italiani / Storia, struttura, uso, a c. di M. Cortelazzo et al. Torino, UTET [Veneto. Italian dialects / History, structure, use, edited by M. Cortelazzo et al. Turin, UTET]. Pp. 296–328. (In Ital.)

Milano, E. (2016) Il rotacismo nei Quartieri Spagnoli a Napoli // Nuovi e antichi equilibri nello spazio linguistico urbano. Il dialetto nel tempo e nella storia [Rhotacism in the Spanish Quarters of Naples // New and ancient balances in the urban linguistic space. Dialect in time and history] / Edited by G. Marcato. Padova: CLEUP. Pp. 404–417. (In Ital.)

Mereu, D. (2017) Il sardo parlato a Cagliari: Uno studio sociofonetico [Sardinian spoken in Cagliari: A sociophonetic study]. Bergamo: University of Bergamo. Available at: https://aisberg.unibg.it/retrieve/e40f7b86-e766-afca-e053-6605fe0aeaf2/TDUnibg_Mereu-Daniela.pdf Access date: 23.02.2024 (In Ital.)

Nesi, A., Poggi Salani, T. (2014) Dall'esperienza della «Lingua delle città »: Spunti e riflessioni per la lessicografia italiana [From the experience of the «Language of cities»: Ideas and reflections for Italian lexicography]. Available at:: https://accademiadellacrusca.it/it/contenuti/ dallesperienza-della-lingua-delle-citta-spunti-e-riflessioni-per-la-lessicografia-italiana/59 Access date: 16.01.2024 (In Ital.).

Obermeier, A. (2022) La Napoli linguistica dalla prospettiva dei parlanti. Un confronto sociolinguistico urbano di Napoli tra Centro antico e Vomero [Linguistic Naples from the perspective of the speakers. An urban sociolinguistic comparison of Naples between the Old Town and Vomero]. Munich: Ludwig Maximilian University. (In Ital.)

Pasero, D. (2018) Profilo della letteratura piemontese contemporanea [Profile of contemporary Piedmontese literature]. Available at: https://poetidelparco.it/profilo-della-letteratura-piemontese-contemporanea/ Access date: 21.01.2014 (In Ital.)

Tengour, A. (2013) Tout l'argot des banlieux. Dictionnaire de la zone [All the slang of the suburbs. Dictionary of the area]. Paris: The Opportun editions. 738 p. (In French)

Tomasin, L. (2010) Storia linguistica di Venezia [Linguistic history of Venice]. Rome: Carocci. 154 p. (In Ital.)

Trifone, P. (2008). Storia linguistica di Roma [Linguistic history of Rome]. Rome: Carocci. (In Ital.)

Либертини Розанджела – PhD, преподаватель Католического Университета г. Ружомберок, Словакия.
Адрес: 034 01, Словакия, Ружомберок, Грабовская ферма 1А.
https://orcid.org/0000-0003-2009-3438
Эл. адрес: rosangela.libertini@ku.sk

Челышева Ирина Игоревна – доктор филологических наук, профессор, зав. отделом индоевропейских языков Института языкознания РАН.
https://orcid.org/0000-0003-4467-4974
Адрес: 125009, Москва, Большой Кисловский пер. д. 1/12.
Эл. адрес: chelirin@gmail.com

Libertini Rosangela – PhD, lecturer at the Catholic University of Ružomberok, Slovakia.
Address: Hrabovská cesta 1A, Ružomberok, Slovakia, 034 01.
https://orcid.org/0000-0003-2009-3438
E-mail: rosangela.libertini@ku.sk

Chelysheva Irina Igorevna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Indo-European Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.
https://orcid.org/0000-0003-4467-4974
Address: Bolshoy Kislovsky per. 1/12, Moscow, Russia, 125009
E-mail: chelirin@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Для цитирования: *Либертини Р., Челышева И.И.* Язык города в прошлом и в настоящем: Итальянская исследовательская традиция // Социолингвистика. 2024. № 3 (19). С. 8–27. DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-8-27

For citation: *Libertini, R, Chelysheva, I.I.* The language of the city in the past and present: The italian research tradition // Sociolingvistika. 2024. No. 3 (19). Pp. 8–27. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-8-27

The article was submitted 11.03.2024;
approved after reviewing 23.07.2024;
accepted for publication 05.09.2024.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

LANGUAGE POLICY

УДК 811.133.1 DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-28-45

ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК В ВАЛЬ Д'АОСТЕ: ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ РЕГИОНАЛИЗМОВ В АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СФЕРЕ

Камилла И. Курбанова-Ильютко
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Российская Федерация

В предлагаемой статье мы обращаемся к истории формирования языковой ситуации и основным принципам языковой политики Валь д'Аосты начиная с эпохи романизации и до наших дней. Описав становление вальдостанской франкофонии вплоть до середины XIX в., мы переходим к вопросам итальянизации региона, ее причинам и последствиям в социолингвистическом плане. Далее в статье представлено административно-территориальное и административно-политическое устройства Валь д'Аосты, необходимые для понимания режима автономии, установленного в регионе. Изучая особенности французского языка в Валь д'Аосте, в качестве фокуса исследования мы выбираем особый пласт лексики, который, как правило, характеризуется относительно низким уровнем представленности регионализмов. Тем не менее, взяв за основу тексты административно-правового характера, мы проводим анализ и делаем соответствующие выводы о наличии и особенностях употребления вальдостанских статализмов, под которыми мы понимаем лексические единицы, обозначающие политико-административные, социо-экономические реалии, специфические для данного варианта французского языка. Корпусом исследования служат тексты документов разного характера (акты, законы, указы и пр.), опубликованные на официальном сайте автономного региона Валь д'Аоста в 2023 г. (https://www.regione.vda.it/). Помимо выявления статализмов, в нашу задачу также входит поиск и/или составление дефиниций ранее не описанных единиц, определение их происхождения, а также сравнение с другими вариантами французского языка при совпадении формы.

Ключевые слова: *социолингвистическая ситуация, вальдостанский вариант французского языка, регионализм, статализм, витальность*

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© К.И. Курбанова-Ильютко, 2024

THE FRENCH LANGUAGE IN THE AOSTA VALLEY: PECULIARITIES OF THE USE OF REGIONALISMS IN THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL SPHERE

Kamilla I. Kurbanova-Ilyutko
Lomonosov Moscow State University,
Russian Federation

In this article we study the history of the formation of the language situation and the basic principles of the language policy of the Aosta Valley, from the period of Romanization to the present day. Having described the formation of the francophone space in the Aosta Valley up to the middle of the 19th century, we move on to the issues of Italianization of the region, its causes and consequences in sociolinguistic terms. The following paragraph presents the administrative-territorial and

administrative-political structure of the Aosta Valley, which are necessary for understanding the autonomy regime established in the region. Studying the peculiarities of the Valdôtain French, we choose as the focus of the research a special layer of vocabulary, which is normally characterized by a relatively low level of representation of regionalisms. However, taking texts of an administrative and legal nature as a basis, we analyze and draw appropriate conclusions about the use of Valdôtain statalisms, by which we mean lexical units denoting political, administrative, socio-economic realities specific to the Aosta Valley. The research corpus consists of texts of documents of various nature (acts, laws, decrees, etc.), published on the official website of the autonomous region of the Aosta Valley in 2023 (https://www.regione.vda.it/). In addition to identifying statalisms in the corpus, our task also includes searching and/or drawing up definitions of previously undescribed units, determining their origin, as well as their comparison with other regional varieties of the French language in the case of formal coincidence.

Keywords: *sociolinguistic situation, Valdôtain French, regionalism, statalism, vitality*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Kamilla I. Kurbanova-Ilyutko, 2024

1. Введение. История становления французского языка в Валь д'Аосте

Прежде чем перейти к анализу особенностей французского языка Валь д'Аосты, необходимо совершить небольшой экскурс в историю ее языковой ситуации, а главное – осветить принципы языковой политики, кардинально сменяемой с присоединением региона к тому или иному государственному образованию.

Территория Долины Аоста относительно недавно (с XIX в.) стала принадлежать к ареалу распространения итальянского языка, что само по себе является результатом жесткого языкового регулирования, о котором речь пойдет ниже. Будучи романизованной в I в. до н.э., Долина с центром в городе Аугуста Претория (Augusta Praetoria) становится в дальнейшем переходной языковой зоной: доподлинно известно, что знаменитый мост Сен-Мартен (pont Saint-Martin), сохранившийся до наших дней на въезде в Долину, служил своего рода водоразделом между североитальянскими диалектами, оставшимися географически южнее моста, и франкопровансальскими говорами к северу от упомянутого моста (далее к северу и западу от Долины последуют зоны распространения французского и окситанского языков, отчасти совпадающие территориально). Таким образом, при формировании различных ареалов романских языков Валь д'Аоста окажется неким мостом между франкоязычным и италоязычным ареалами.

Возвращаясь к эпохе романизации и дальнейшему развитию латыни на территории Долины Аоста, подчеркнем, что уже к VIII–IX вв. здесь отмечается образование особого варианта народной латыни, послужившей основой для формирования франкопровансальских говоров. В настоящее время носители вышеупомянутых говоров называют их «патуа», обращаясь к данному наименованию как лингвониму, а лингвисты прибегают к термину

«франкопровансальский язык[1]», под которым понимается особый структурный тип романских наречий, объединяющий группу франкопровансальских говоров, родство которых было доказано итальянским лингвистом Г.И. Асколи [Загрязкина, Челышева, 1998: 304–306].

Однако в XI в. Валь д'Аоста оказывается под контролем Савойского графства, впоследствии герцогства, вплоть до середины XIX в. История вальдостанской франкофонии связана именно с этим государственным объединением и имеет довольно ранние истоки. Известно, что уже в XIV в. сеньоры Долины Аоста владели французским языком, что подтверждается, например, ранними литературными памятниками в форме сентенций, найденных в замке Фенис (Долина Аоста) и датируемых началом XV в. В 1561 г. по эдикту Риволи герцога Савойского Эммануила Филиберта в Валь д'Аосте латинский язык официально заменяется французским в административных актах. Дата подписания вышеуказанного эдикта свидетельствует об относительно раннем признании французского языка в Савойском герцогстве, если учитывать тот факт, что во Франции ордонанс Виллер-Котре, обязывающий среди прочего использовать французский язык вместо латыни при составлении всех административных документов, был подписан Франциском I двадцатью двумя годами раннее – в 1539 г.

Так в течение веков французский и франкопровансальский сосуществуют на территории Долины Аоста в состоянии диглоссии: языком повседневного общения (langue vernaculaire) для большинства вальдостанцев остается франкопровансальский, тогда как французский играет роль языка более высокого престижа (high variety – по Ч. Фергюсону), используется как язык письменности, язык администрации, церкви, позднее школы (с XVII в.). Несомненно, помимо внешних сношений Валь д'Аосты с сопредельными франкоязычными регионами распространению французского языка способствуют высшие учебные заведения, в первую очередь духовные (напр., Collège de Saint-Bénin). К XVIII в. французский становится основным языком письменной речи, для высших сословий также языком повседневной жизни; тем не менее, в крестьянской среде, несмотря на обучение французскому языку в школе, в семье продолжает использоваться франкопровансальский, то есть ситуация диглоссии остается по-прежнему актуальной. Подводя промежуточный итог о вальдостанской франкофонии, следует подчеркнуть, что она имела многовековую историю в Валь д'Аосте: будучи официальным языком региона с XVI в., для части населения уже в XVIII в. французский язык стал единственным языком общения, однако франкопровансальский не терял свои позиции и сохранялся преимущественно в устной речи менее привилегированных слоев населения Долины.

[1] На сегодняшний день франкопровансальский язык распространен не только на территории Италии (Валь д'Аоста, отдельные альпийские долины Пьемонта), но и на юго-востоке Франции (деп. Луара, деп. Рона, юго-восток деп. Сона-и-Луара, бóльшая часть деп. Изер, деп. Савойя, деп. Верхняя Савойя и др.), на юго-западе Швейцарии (Невшатель, Женева, Во и запад кантонов Вале и Фрибур).

Теперь перейдем к поворотному моменту в истории Валь д'Аосты. Как уже было сказано, до XIX столетия Валь д'Аоста не имеет отношения к италоязычному ареалу. Однако в связи с присоединением большей части Савойи к Франции в 1860 г. и вхождением Долины в состав Королевства Италия в 1861 г. языковая политика региона кардинально меняется, и ее приоритетом становится искоренение французского языка и массированное насаждение итальянского языка.

Итальянизация достигает своего апогея во время фашистского режима в Италии: запрещается преподавание французского языка в школах, производится итальянизация топонимики (франц. *Val d'Aoste* > итал. *Valle d'Aosta*, франц. *Mont Rose* > итал. *Monte Rosa* и т.д.), разрабатывается проект по итальянизации фамилий, имен собственных (например, существовал запрет на именование французскими личными именами: так, *Joseph* в документах записывали как *Giuseppe*, а в повседневной жизни продолжали называть именем во французской огласовке[2]). Происходит спланированный приток мигрантов с юга Италии, поскольку итальянский вводится как единственный официальный язык, и при приеме на работу владением им обязательно. Соответственно, большинство франкоязычных изданий также упраздняется, в том числе и франкоязычная пресса («Le Duché d'Aoste», «La Patrie valdôtaine» и др.).

Тем не менее борьба франкоязычных вальдостанцев за свои языковые права не прекращалась на протяжении всего XX столетия: здесь нужно отметить, что движение в защиту французского языка и языкового меньшинства в целом почти сразу объединилось с курсом на автономию Валь д'Аосты. Например, изначально Вальдостанская лига («Ligue valdôtaine») создавалась в 1909 г. как комитет по защите французского языка в Валь д'Аосте, т.е. как рабочая группа по выработке нового плана языкового урегулирования. Однако в дальнейшем ее члены вошли в различные региональные объединения политического характера, наиболее известным из которых в годы Второй мировой войны стало движение Сопротивления (« Résistance valdôtaine») во главе с Э. Шану, чье имя в настоящее время носит главная площадь города Аоста и некоторые социальные объекты Долины. Таким образом, проблемы защиты языка, местной альпийской культуры напрямую связывались с глобальным стремлением к отделению/автономии Валь д'Аосты и сохранению национальной идентичности вальдостанцев.

В результате после окончания войны, уже в 1948 г., был подписан документ, даровавший Долине особый статус автономного региона (Statut spécial pour la Vallée d'Aoste / Statuto speciale della Valle d'Aosta[3]), действующий по сей день. В соответствии со Специальным статутом от 26

[2] Из собственных социолингвистических опросов, проведенных в Валь д'Аосте в 2015–2023 гг. при поддержке Комитета вальдостанских традиций, Фонда имени Э. Шану, Вальдостанского управления французского языка.
[3] Statut spécial pour la Vallée d'Aoste / Statuto speciale della Valle d'Aosta. URL: https://www.regione.vda.it/autonomia_istituzioni/lostatuto_f.aspx (дата обращения: 05.03.2024).

февраля 1948 г. Валь д'Аоста[4] получает существенную финансовую и административную автономию, относительную законодательную автономию. С точки зрения языкового урегулирования французский был признан соофициальным наравне с итальянским языком во всех сферах, кроме судопроизводства согласно статье 38 раздела VI «Язык и система образования» вышеуказанного Специального статута.

Итак, французский язык восстанавливает свои права после Второй мировой войны: начинается процесс ревитализации языка, к которому можно отнести обязательное изучение французского языка на всех ступенях школьного и дошкольного образования, прописанное в Специальном статуте в статьях 39, 40, но в действительности реализованное только в 80-х годах XX в. Официально признанное двуязычие позволяет также вносить коррективы в национальные программы образования Италии с целью обучения французскому языку в равной доле с итальянским, а также предусматривает преподавание некоторых дисциплин на французском языке (подробнее о вальдостанской модели билингвального образования см.: [Cavalli, 2005])[5].

Кроме того, необходимо сказать о поправках 1993 и 1998 гг., позволивших включить статью 40bis о немецком языковом меньшинстве, проживающем в Вале дю Лис (Vallée du Lys) региона Валь д'Аоста и пользующемся исключительным правом на сохранение своих языковых и культурных традиций. Несмотря на то, что немецкий язык не является официальным языком региона, в школах, административно относящихся к коммунам Вале дю Лис, предусмотрено обучение немецкому языку в рамках школьной программы. Следует заметить, что в данном случае речь идет о вальсерском или валисском языковом меньшинстве, представители которого являются носителями одного из горноалеманнских диалектов немецкого языка, фиксируемого в Швейцарии, Австрии, Лихтенштейне и Италии (Валь д'Аоста).

При перечислении статей Специального статута, посвященных языкам и системе образования Валь д'Аосты, может сложиться ложное представление, что в Долине говорят на французском и итальянском языках в равной степени, а также существует некое германоязычное меньшинство. Такова правовая сторона вопроса о языках. Однако реальная социолингвистическая ситуация в регионе оказывается гораздо более сложной и многогранной.

[4] Начиная с середины XX в. отмечается приоритетное использование коррелятов *Vallée d'Aoste* / *Valle d'Aosta* в официальной документации, что относит исторически более ранний вариант топонима *Val d'Aoste*, произносившегося как [valdɔst], на второй план. В настоящее время в речи вальдостанских франкофонов фиксируются оба произношения – приближенное к итальянскому аналогу [aɔst] и к аутентичному [ɔst]. Однако в устных интервью носителей нами была замечена следующая тенденция: к стяжению в устаревшей франкоориентированной форме *Val d'Aoste* [valdɔst] (ср. также компонент *Va*l во франц. названиях Val Thorens, Val-d'Isère) и произношение, приближенное к написанию в современной форме *Vallée d'Aoste* [valedaɔst]. Обратим также внимание, что в орфографии топонима Val(-)d'Aoste возможна вариативность.

[5] Тем не менее в высшей школе, в частности в Университете Валь д'Аосты (Università della Valle d'Aosta / Université de la Vallée d'Aoste), преподавание на двух языках факультативно и ведется преимущественно на педагогических факультетах, готовящих будущие кадры для вальдостанских школ и детских садов.

Описывая историю формирования вальдостанского многоязычия, мы не раз упоминали франкопровансальский язык, который так и не получил статус официального. При этом он остается одним из трех основных языков Долины, функционируя, в первую очередь, в среде устного бытового общения.

В рамках настоящей статьи мы не ставим перед собой задачу системного описания языковой ситуации в Валь д'Аосте, но нам представляется необходимым упомянуть результаты социолингвистического опроса фонда им. Э. Шану[6], проведенного в 2000–2001 гг. Исследования показали функциональную иерархию языков Долины, а также определили степень их владения вальдостанцами: в начале XXI в. Итальянский язык занимал доминирующее положение, им владели 95% жителей в устной форме и 90% в письменной; на французском языке говорили 58% и писали 45% населения; франкопровансальским языком владели 67% вальдостанцев, из них высоко оценивали свои устные компетенции 45% носителей франкопровансальского (patoisants), а письменные – только 7%. Как мы видим, по результатам данного опроса французский язык занимал второе место в количественном и качественном отношении, его использование отмечалось как в устном, так и в письменном формате.

Более свежие данные предоставляются Итальянским институтом статистики[7], в соответствии с которыми в 2015 г. итальянским языком как основным владели 90,4% жителей Валь д'Аосты, французским языком – 83% вальдостанцев (средний и высокий уровень владения отмечался у 44% и 14% соответственно); результаты по франкопровансальскому языку не указаны. Интересно, что из всех регионов Италии (в том числе автономных с официальным многоязычием) в Валь д'Аосте наблюдается наивысший процент массового билингвизма, что свидетельствует о развитом многоязычии в Долине.

Рассмотрев основные этапы становления вальдостанской франкофонии вплоть до середины XIX в., мы перешли к вопросам итальянизации региона, ее причинам и последствиям в правовом и социолингвистическом плане. На сегодняшний день французский язык, являясь сооффициальным, развивается в Валь д'Аосте при контакте с другими языками, в первую очередь итальянским и франкопровансальским, что непременно отражается на особенностях его употребления (подробнее о социолингвистическом статусе французского языка в регионе Валь д'Аоста см.: [Курбанова-Ильютко, 2021]). В последующих разделах мы обратимся к региональной лексике французского языка Валь д'Аосты в области политики и

[6] Fondation Émile Chanoux – Sondage linguistique. URL: https://www.fondchanoux.org/les-resultats-vallee-daoste/ (дата обращения: 06.03.2024).
[7] ISTAT — L'Uso della lingua italiana, dei dialetti e delle lingue straniere, anno 2015. URL: https://www.istat.it/it/archivio/207961 (дата обращения: 02.03.2024).

администрирования, но прежде, на наш взгляд, следует дать пояснения об основных принципах вальдостанской автономии.

2. Краткая характеристика административно-политического устройства региона Валь д'Аоста

Первое замечание об устройстве описываемого региона зиждется на статье 116 конституции Итальянской Республики от 1 января 1948 г.: «Фриули-Венеция Джулия, Сардиния, Сицилия, Трентино-Альто-Адидже (Южный Тироль) и Валле-д'Аоста имеют особые формы и условия автономии согласно соответствующим специальным статутам, установленным конституционными законами» [Маклаков, 2012: 294–295]. Иными словами, Валь д'Аоста является одним из пяти автономных регионов Италии, наделенных особым статусом. В административно-территориальных единицах подобного рода в Италии проживают языковые меньшинства, языковые права которых защищены официальным двуязычием/ многоязычием. На этом основании, как и в других автономных регионах, в Валь д'Аосте помимо итальянского признается еще один официальный язык, в данном случае – французский.

Второе замечание об административно-территориальном делении Валь д'Аосты связано с ее географическим и демографическим положением внутри страны: это наименьший по территории регион Италии, занимающий 3262 км^2 с общей численностью населения 123 тыс.[8] человек. Будучи самым маленьким регионом Италии[9], Валь д'Аоста имеет особое административно-территориальное деление. Если большая часть итальянских областей подразделяется на провинции и метрополитанские города, а те, в свою очередь, на коммуны, то в Валь д'Аосте отсутствует средний уровень административного деления. Таким образом, регион Валь д'Аоста включает 74 коммуны (Communes), объединяемые в 8 союзов коммун (Unités des Communes valdôtaines) и отдельную коммуну города Аоста.

Наш третий комментарий касается непосредственно административно-политического устройства региона, регулируемого местными органами законодательной и исполнительной власти. Вальдостанская автономия заключается не только в особом административном режиме управления, но и в распоряжении экономическими и финансовыми ресурсами региона, природным и культурным наследием и пр. Области распространения вальдостанской автономии

[8] ISTAT — Popolazione residente al 1 gennaio 2023: Valle d'Aosta / Vallée d'Aoste. URL: http://dati.istat.it/Index.aspx?lang=it&SubSessionId=a4f3b9be-7e9c-44e1-9ffe-3026ec7665da (дата обращения: 08.03.2024).

[9] Это положение объясняет, среди прочего, количество представителей от региона Валь д'Аоста в сенате Республики. См. статью 57 конституции Итальянской Республики: «Ни одна область не может иметь меньше семи сенаторов, за исключением области Молизе, избирающей двух сенаторов, и Валле-д'Аоста, избирающей одного сенатора» [Маклаков, 2012: 282].

подробно изложены в ранее упомянутом нами Специальном статуте региона Валь д'Аосты (Раздел II), а также в ряде региональных законов.

К основным органам региональной власти относят Совет Валь д'Аосты (Conseil de la Vallée) и Региональное правительство (Gouvernement régional). Совет Валь д'Аосты является законодательным органом, состоящим из 35 советников (conseillers régionaux), из числа которых избирается Глава регионального Совета (Président du Conseil régional), его Бюро (Bureau du Conseil régional) и Комиссии (Commissions du Conseil régional).

Исполнительную власть осуществляет Региональное правительство (Gouvernement régional), основу которого составляют 7–8 региональных министров (assesseurs[10]). Таким образом, Региональная администрация находится под управлением Главы региона (Président de la Région), который его представляет на региональном и государственном уровне. Более подробную информацию об административных органах региона можно найти в Специальном статуте региона Валь д'Аосты (Раздел V).

Приведенная информация об административно-территориальном делении и административно-политическом устройстве Валь д'Аосты представляется совершенно необходимой для корректного описания и толкования региональной терминологии в данной области. Как мы увидим далее, появление многих регионализмов связано с особым режимом автономии Валь д'Аосты, нехарактерным для других франкоязычных регионов.

3. Определение «статализма». Особенности употребления статализмов в вальдостанском варианте французского языка

Согласно Большому терминологическому словарю («Grand dictionnaire terminologique»), термин statalisme 'статализм' был предложен лингвистом Ж. Полем [Pohl, 1984]: под ним понималась любая лексическая единица, обозначающая политическую, административную, социоэкономическую и культурную реалию, свойственную определенному языковому или политическому объединению[11]. Кроме того, границы данного понятия могли расширяться и включать обозначения особых природных явлений и объектов, характерных для места проживания той или иной языковой группы.

Однако в нашем исследовании мы будем опираться на более узкое определение «статализма». Обратим внимание, что, например, в словаре франко-швейцарского варианта «Dictionnaire suisse romand» под редакцией А. Тибо и П. Кнехта выделяется отдельная категория

[10] О происхождении и функционировании термина assesseur см. раздел 3 настоящей статьи.
[11] Grand dictionnaire terminologique: statalisme. URL: https://vitrinelinguistique.oqlf.gouv.qc.ca/fiche-gdt/fiche/8359112/statalisme (дата обращения: 08.03.2024).

лексики «Администрация, государство, политика» [DSR, 2012: 842–843], отражающая особый административно-политический строй Швейцарии в швейцарском варианте французского языка. Не прибегая к термину «статализм», авторы отделяют тем не менее данную категорию гельветизмов от таких концептуальных полей (champs conceptuels в терминологии составителей), как «Фольклор, народные обычаи и традиции», «Флора», «Фауна», «Климат, метеорология» и пр. Таким образом, в нашей работе под вальдостанскими статализмами мы будем понимать лексические единицы, обозначающие политико-административные, социо-экономические реалии, специфические для французского языка региона Валь д'Аоста.

Насколько нам известно, статализмы вальдостанского варианта французского языка не становились объектом самостоятельного исследования, тем не менее некоторые из них включались в словари / описания варианта. В рамках данного лингвистического эксперимента мы не ставим перед собой задачу составить исчерпывающий список вальдостанских статализмов, но мы постараемся их выделить и дать дефиниции наиболее частотным из них. Для этого мы обратимся к официальной документации (в форме нормативно-правовых актов, законов, постановлений, указов и пр.), опубликованной на официальном сайте автономного региона Валь д'Аоста в 2023 г. (https://www.regione.vda.it/). Собранный нами корпус составляет приблизительно 2160 тыс. словоупотреблений. «Официальный бюллетень автономного региона Валь д'Аоста» («Bollettino Ufficiale della Regione Autonoma Valle d'Aosta» / «Bulletin Officiel de la Région Autonome Vallée d'Aoste») является официальным еженедельным изданием региона Валь д'Аоста и предполагает перевод всех документов на два официальных языка – итальянский и французский. В левой колонке фигурирует текст документа на том языке, на котором он был составлен, а в правой – его перевод; каждый из этих текстов имеет равную юридическую силу.

В нашем исследовании мы опираемся на франкоязычную часть «Официального бюллетеня» за 2023 г. вне зависимости от того, был ли это оригинальный текст документа или его перевод. Для поиска итальянских соответствий мы обращаемся, следовательно, к италоязычной части бюллетеня.

Итак, методом сплошной выборки нами был выделен список наиболее употребительных вальдостанских регионализмов, неизвестных в других региональных вариантах французского языка и требующих тем самым дополнительных пояснений. Здесь нужно отметить, что некоторые их них можно назвать вальдостанскими инновациями, т.е. единицами, означаемое и означающее которых не используются в других вариантах, а некоторые – семантическими инновациями, поскольку данные лексические единицы функционируют во французском языке Франции и/или других франкоязычных регионах, но в ином значении.

При нахождении того или иного статализма мы в первую очередь обращаемся к различным толковым словарям французского языка, чтобы убедиться в том, что лексема не является устаревшей, диалектной или узкоспециальной во французском языке Франции (например, по словарю «Trésor de la Langue Française informatisé» (TLFi), «Dictionnaire des régionalismes de France» и др.). Во-вторых, мы проверяем наличие/отсутствие изучаемой единицы в сборниках региональных вариантов (в «Dictionnaire des francophones» (DDF), «Base de données lexicographiques panfrancophone» (BDLP) и др.). Если лексема не фигурирует ни в одном из известных источников, нам следует дать ей толкование, а также найти итальянское соответствие, помогающее, как правило, понять не отмеченную ранее словарями вальдостанскую инновацию. В некоторых случаях, как мы уже отмечали выше, вальдостанские статализмы схожи по своей форме с регионализмами других вариантов французского языка, но отличны по значению – тогда нам необходимо определить это семантическое расхождение. В самых затруднительных случаях, как мы увидим, данные словарей и электронных баз могут содержать неточные сведения, противоречащие принципам административного устройства региона Валь д'Аоста, ранее изложенным в настоящей статье. При таких обстоятельствах нам приходилось изучать региональные законы, резюмировать или цитировать наиболее существенные для нас отрывки, чтобы дать корректное определение вальдостанского статализма.

Таким образом, описание каждого статализма содержит сведения о его частотности в корпусе, анализ его происхождения, дефиницию, подобранную нами или подтвержденную из других источников, а также итальянское соответствие при необходимости.

Перейдем к изложению практических результатов исследования. Наиболее употребительными статализмами в нашем корпусе можно по праву считать существительное *assesseur.s*, обнаружившее 121 вхождение в 2023 г., и его дериват *assessorat.s* с 239 вхождениями в 2023 г. Высокая частотность выше перечисленных лексем достаточно предсказуема, не только потому, что они относятся к ключевым понятиям автономии Валь д'Аосты, но и факт их описания в словарях региональных вариантов говорит нам о важности и распространенности данных лексических единиц. Однако стоит внимательно разобраться с предлагаемыми дефинициями, прежде чем дать переводной эквивалент на русский язык. Дело в том, что в словаре франкофонов DDF предлагается следующее определение assesseur: «En Vallée d'Aoste, désigne les membres du Conseil de la Vallée (conseil régional), ainsi que des Conseils communaux»[12].

[12] Dictionnaire des francophones, URL: https://www.dictionnairedesfrancophones.org/form/assesseur/sense/wkt%3Asense%2Fdae786b782f0a6e0d17742c9d5f0ab8 (дата обращения: 09.03.2024).

Перевод: «В Валь д'Аосте обозначает членов Совета Валь д'Аосты (Регионального совета), а также муниципальных советов» (здесь и далее перевод наш. – *К.К.-И.*). Данное толкование не соответствует действительности, поскольку, как мы знаем, члены Совета Валь д'Аосты называются советниками (conseillers) и являются представителями законодательной власти региона. Тогда как Региональное правительство является органом исполнительной власти, а его члены – региональными министрами, называемыми в Валь д'Аосте assesseurs.

Что касается происхождения данного статализма, то нужно отметить, что во французском языке Франции существительное *assesseur* употребительно в настоящее время и обозначает 'асессор, член суда присяжных', т.е. данная лексема используется в другом значении. Так мы делаем вывод, что во французском языке Валь д'Аосты сущ. *assesseur* претерпело семантический сдвиг и может считаться вальдостанской семантической инновацией. В основе процесса лежало семантическое калькирование или по-другому – семантическое заимствование итальянского коррелята *assessore*. Необходимость обозначения нового денотата (регионального министра), появившегося в реалиях Валь д'Аосты после получения статуса автономного региона в 1948 г., объясняет появление данного статализма.

Кроме того, параллельные тексты нашего корпуса подтверждают корреляцию фр.-влд. *assesseur* и итал. *assessore* в абсолютно всех случаях. См. примеры: фр.-влд. *assesseurs régionaux* VS итал. *assessori regionali* 'региональные министры'; фр.-влд. *assesseur régional à l'agriculture et aux ressources naturelles* VS итал. *assessore regionale all'agricultura e risorse naturali* 'региональный министр сельского хозяйства и природных ресурсов'.

Дериват *assessorat* требует аналогичного комментария с нашей стороны, потому что лексема *assessorat* также наличествует во французском языке Франции в значении, отличном от вальдостанского. Согласно TLFi, *assessorat* означает «Fonction d'assesseur»[13], т.е. 'пост, должность асессора', тогда как в вальдостанском французском *assessorat* калькировало итальянское значение 'региональное министерство / управление' соответствующего коррелята *assessorato*. В данном случае мы также имеем дело с вальдостанской семантической инновацией, примеры употребления которой мы приводим в следующих сочетаниях: фр.-влд. *Assessorat des biens culturels, du tourisme, des sports et du commerce* VS итал. *Assessorato beni culturali, turismo, sport e commercio* 'Министерство культурного наследия, туризма, спорта и торговли'; фр.-влд. *Assessorat de l'environnement, des transports et de la mobilité durable* VS итал. *Assessorato ambiente, trasporti e mobilità sostenibile* 'Министерство окружающей среды, транспорта и устойчивой мобильности'.

[13] TLFi, URL: http://stella.atilf.fr/Dendien/scripts/tlfiv5/advanced.exe?8;s=752074305; (дата обращения: 09.03.2024).

На втором месте по количеству вхождений в корпусе в 2023 г. оказалась лексема *syndic* и ее дериваты: *syndic.s* – 60 употреблений, *syndique* – 3, *vice-syndic.s* – 18, *vice-syndique* – 0. Этимология и употребление слова *syndic* во французском языке Валь д'Аосты представляет собой особый интерес, поскольку мнения ученых по этому вопросу расходятся. Начнем с того факта, что лексему *syndic* нельзя считать исключительно вальдостанским статализмом, поскольку сущ. *syndic* с тем же значением известно в Романской Швейцарии. В словаре франко-швейцарского варианта DSR [DSR, 2012: 709] значится, что *syndic* – это 'мэр, глава муниципалитета'. Для обозначения женщины-мэра используется форма *syndique*. С точки зрения этимологии, авторы словаря характеризуют *syndic* как архаизм французского языка, поскольку лексема существовала во Франции до Великой французской революции. В соответствии с французским этимологическим словарем FEW, должность и соответствующее ее именование были упразднены во Франции в 1789 г., но существительное сохранилось в узусе в Савойе до 1860 г[14].

Иными словами, существительное *syndic* было некогда употребительно во Франции, на сегодняшний день его витальность подтверждается в двух регионах франкофонии – Романской Швейцарии и Валь д'Аосте. В вальдостанском французском, помимо *syndic* и особой формы женского рода *syndique*, нами был обнаружен дериват *vice-syndic* 'заместитель мэра, главы муниципалитета'. Принимая во внимание данные французских этимологических словарей, нам представляется необходимым отметить еще одно важное положение относительно фр.-влд. *syndic*: дело в том, что итальянским эквивалентом является коррелятивная форма *sindaco* 'мэр' и *vice-sindaco* 'заместитель мэра' (форм для обозначения женского рода в итальянских текстах нами найдено не было).

Примеры употребления франковальдостанского и итальянского коррелятов в контексте: «*Arrêté n° 417 du 16 août 2023, portant convocation des électeurs en vue de l'éléction du syndic, du vice-syndic et des conseillers de la Commune de Gaby*», «*Decreto 16 agosto 2023, n. 417. Convocazione dei comizi elettorali per l'elezione del Sindaco e del Vice Sindaco, nonché dei consiglieri del Comune di Gaby*». Перевод: «Приказ № 417 от 16 августа 2023 г. о приглашении избирателей на выборы главы, заместителя главы муниципалитета, а также членов совета муниципалитета Габи».

Формальное сходство франко-вальдостанского *syndic* и итальянского *sindaco*, их одновременное введение с установлением режима автономии в Валь д'Аосте говорят также в

[14] eFEW, Französisches Etymologisches Wörterbuch. Eine darstellung des galloromanischen sprachschatzes, URL: https://lecteur-few.atilf.fr/index.php/page/lire/e/244062 (дата обращения: 10.03.2024).

пользу гипотезы о влиянии итальянской формы (*sindaco* VS *syndic*), особенно, в ситуации официального двуязычия в регионе.

Однако на этом история вальдостанского *syndic* не заканчивается, поскольку нам предстоит рассмотреть фр.-влд. *syndic* в значении ‘управляющий, уполномоченный совладельцев (дома)’, встретившееся нам в корпусе четыре раза. Если фр.-влд. *syndic* в значении ‘мэр, глава муниципалитета’ отмечалось исследователями раннее, то фр.-влд. *syndic* ‘управляющий дома’ встретилось нам впервые в сочетании *syndic d’immeuble*, например:

«Lorsque *le logement de vacances est situé dans un immeuble en copropriété, le bailleur est tenu de communiquer au syndic d’immeuble, s’il existe, <…> la date de début de l’activité de location»*. Перевод: «Если гостевое жилье расположено в здании кондоминиума, арендодатель обязан сообщить управляющему дома, если таковой существует, <…> дату начала аренды» (цитата из регионального закона № 11 от 18 июля 2023 г., ст. 4). Новое значение фр.-влд. *syndic* тем не менее не позволяет нам считать эту единицу инновацией, так как *syndic* в данном значении употребляется также во французском языке Франции (см. определение *syndic de copropriété* в TLFi [15]).

Подводя итог об употреблении лексической единицы *syndic* во французском языке Валь д’Аосты, подчеркнем еще раз, что мы рассмотрели пример регионального статализма (в значении ‘мэр, глава муниципалитета’), свойственного не только вальдостанскому, но и швейцарскому варианту французского языка. Кроме того, *syndic* фигурирует в нашем корпусе в современном французском языке в значении ‘управляющий дома’, таким образом не являясь регионализмом в данном случае.

Третье место по уровню частотности в корпусе заняло существительное *consorterie.s*, характеризуемое нами как вальдостанская инновация, так как данная форма не фиксируется ни во Франции, ни в других регионах франкофонии. Фр.-влд. *consorterie* ‘кооператив’ было заимствовано из итальянского и ассимилировано во французском, сравните: итал. *consorteria* VS фр.-влд. *consorterie*. В нашей подборке лексема *consorterie* встретилась 35 раз и в параллельных текстах неизменно соответствовала своему итальянскому корреляту: «Les *arbres abattues devront être laissés sur place à la disposition des Consorteries des Quatre Villages et d’Extrepierre <…>*«, «*Le piante abbatute saranno lasciate a disposizione delle Consorterie Quatre Villages e Extrepierre <…>*«. Перевод: «Срубленные деревья необходимо оставить на месте в распоряжение кооперативов Катр-Виллаж и Экстрепьер» (цитата из приказа № 207 от 12 апреля 2023 г.)).

[15] TLFi, URL: http://stella.atilf.fr/Dendien/scripts/tlfiv5/advanced.exe?8;s=2690628420; (дата обращения: 10.03.2024).

Таким образом, фр.-влд. *consorterie* можно считать вальдостанским статализмом социо-экономического характера, появившимся вследствие заимствования из итальянского языка.

Четвертая по количеству вхождений в корпусе единица – это фр.-влд. *avocature*, зафиксированная нами 25 раз. Лексема *avocature* неизвестна в других региональных вариантах французского языка, и потому по праву может считаться вальдостанской инновацией, отражающей реалию Валь д'Аосты. Данная лексема не была описана, а значит требует подробного комментария. Существительное *avocature* было обнаружено нами в следующих контекстах: фр.-влд. *Avocature régionale, l'Avocature de la Région autonome Vallée d'Aoste*; итал. *Avvocatura regionale, l'Avvocatura della Regione autonoma Valle d'Aosta*. Как и многие другие вальдостанские статализмы, отражающие реалии административно-политического устройства Италии, фр.-влд. *avocature* было заимствовано из итальянского языка и в дальнейшем ассимилировано орфографически и морфологически, сохранив значение языка-донора – 'юридическая служба'. Различают *l'Avocature de l'État* 'Государственная юридическая служба' и *l'Avocature de l'Administration régionale* 'Региональная юридическая служба'. В функции Региональной юридической службы входит представлять и защищать интересы Региональной администрации в различных судебных и административных инстанциях (см. региональный закон № 6 от 15 марта 2011 г.).

Относительно известным вальдостанским статализмом считается лексема *junte*, встретившаяся нам тем не менее только 18 раз в корпусе, что, как мы увидим, имеет логическое объяснение. В первую очередь нужно сказать, что во французском языке Франции *junte* функционирует в настоящее время и используется в узкоспециальном административно-политическом значении 'хунта'. Таким образом, фр.-влд. *junte*, будучи отличным по семантике от французской лексемы, может быть квалифицировано как семантическая инновация. Новое вальдостанское значение существительного *junte* связывается с семантическим калькированием итальянского коррелята *giunta* со значением 'административного исполнительного органа в Италии'. Описываемый статализм, как и некоторые другие в Валь д'Аосте, относится к эквивалентной лексике, отражающей административные реалии Италии, и вводится в узус в связи с установлением режима автономии в регионе.

Теперь следует обосновать достаточно низкую представленность лексемы в корпусе. Дело в том, что ранее основной орган исполнительной власти в регионе, именуемый по-итальянски *Giunta regionale*, передавался на французский язык коррелятивной формой *Junte régionale* 'Региональное правительство', что определяло его высокую частотность. Сегодня, как мы указывали в разделе 2 настоящей статьи, Региональное правительство обозначается по-французски сочетанием *Gouvernement régional*, собственно французской единицей, формально

не сходной с итальянской. Это положение подтверждается данными нашего корпуса: *Junte régionale* – 0 вхождений.

Фр.-влд. *junte* употребляется в сочетании *Junte communale*, что соответствует итальянскому *Giunta comunale*. Как известно, на уровне каждой коммуны также существуют органы местного самоуправления – муниципалитеты, в состав которых входят *Conseil communal* ‘Совет муниципалитета’ (законодательная власть), *Junte communale* ‘Администрация муниципалитета’ (исполнительная власть) под управлением главы муниципалитета (*syndic*) и его заместителя (*vice-syndic*), если количество жителей коммуны превышает 1000 человек (см. региональный закон № 54 от 7 декабря 1998 г.).

Итак, в вальдостанском французском лексему *junte* мы определяем как семантическую инновацию, витальность которой подтверждается исключительно в сочетании *Junte communale.*

Дополнительного комментария заслуживает также сочетание фр.-влд. *maison communale,* французским соответствием которого было бы существительное *mairie* ‘мэрия’, т.е. место заседания муниципалитета (часто фигурирует в виде надписи на здании муниципалитета в коммунах Валь д’Аосты). В нашем корпусе зафиксировано только три случая употребления *maison communale*, что может объясняться спецификой выборки. Итальянскими эквивалентами в корпусе служат различные сочетания: *sede comunale, civico palazzo, palazzo civico, municipio.*

Приведем примеры употребления в контексте: фр.-влд. «*La maison communale, qui est le siège de la Commune, de ses organes, de ses commissions et de ses bureaux, est située au Plan-des-Crêtes*», итал. «*Il civico palazzo, sede del comune, dei suoi organi, commissioni ed uffici è sito in localita Le Plan-des-Crêtes»*. Перевод: «Здание муниципалитета, которое является местом заседания муниципалитета, его органов, комиссий и бюро, расположено в Ле-План-де-Крет» (цитата из решения муниципалитета Полен №19 от 28 июня 2023 г.).

В завершение раздела напомним, что мы рассмотрели специфический пласт лексики, называемый статализмами, во французском языке Валь д’Аосты. Как и предполагалось, изучаемая тематика потребовала от нас не только лингвистического анализа материала, к которому мы относим поиск вальдостанских лексем в различных словарях и базах данных, этимологические исследования, формальный и семантический анализ отобранных единиц, но и обращения к экстралингвистическим материалам (сводам региональных законов, приказов, Специальному статуту и пр.), без которых составление толкования для ранее не описанных единиц было бы невозможно.

4. Заключение

Настоящую статью мы открыли описанием основных этапов становления французского языка в Валь д'Аосте, т.е. вводно-исторической информацией, снабженной комментариями социолингвистического характера о статусе французского языка в регионе в ту или иную эпоху. Последним, наиболее значимым событием в лингвистической истории Валь д'Аосты, как нам представляется, можно считать обретение статуса автономии в 1948 г., позволившее региону, в частности, взять курс на ревитализацию французского языка.

Статус автономного региона Италии коренным образом изменил внутреннее административно-политическое устройство Валь д'Аосты, что, следовательно, должно было найти свое отражение в языке, точнее в двух официально признанных языках – итальянском и французском. Данное положение определило развитие специфического пласта лексики во французском языке Валь д'Аосты, ставшего основным фокусом проведенного нами исследования.

Обработав определенный корпус административно-правовой документации, опубликованной на официальном сайте автономного региона Валь д'Аоста в 2023 г., мы пришли к следующим выводам: во-первых, не все статализмы, обнаруженные в нашей подборке, можно назвать исключительно вальдостанскими, некоторые из них имеют аналоги в других регионах франкофонии; во-вторых, по своему происхождению вальдостанские статализмы подразделяются на две группы: формальные вальдостанские инновации и семантические вальдостанские инновации, развившие новые значения во французском языке Валь д'Аосты; в-третьих, развитие большинства вальдостанских статализмов связывается напрямую или опосредованно с влиянием итальянского языка. Контакт итальянского и французского языков в условиях официального двуязычия привел к образованию эквивалентной лексики, в особенности в области администрации и политики, требующие четкой терминологии в официальном документообороте.

К наиболее существенным результатам нашего исследования мы относим составление краткого списка франко-вальдостанских статализмов и их соответствий на итальянском языке, которые могут быть использованы в дальнейших исследованиях. Некоторые статализмы изучались ранее, но их описания содержали фактические неточности, выявленные и исправленные в настоящем исследовании. Главным, на наш взгляд, было обнаружение новых вальдостанских статализмов, регулярно употребляемых в Валь д'Аосте, но не зафиксированных в словарях и региональных базах данных, определение их этимологии и семантического значения, а также поиск эквивалентов в параллельных текстах на итальянском языке. Витальность описанных вальдостанских статализмов свидетельствует и о региональной

окрашенности варианта французского языка в Валь д'Аосте не только в устно-бытовом употреблении, но и в текстах официальной документации.

Литература

Загрязкина Т.Ю., Челышева И.И. (2001) Франкопровансальский язык // Языки мира: Романские языки. М.: Academia. С. 304–321.

Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные штаты Америки, Япония (2012) / Сост. В.В. Маклаков М.: Инфотропик Медиа. 640 с.

Курбанова-Ильютко К.И. (2021) К вопросу о статусе французского языка в регионе Валь д'Аоста (Валле д'Аоста): Родной или второй? // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. № 2. С. 71–82.

Cavalli, M. (2005) Éducation bilingue et plurilinguisme. Le cas du Val d'Aoste. P.: Didier. 370 p.

Dictionnaire des francophones. Available at: https://www.dictionnairedesfrancophones.org. Access date: 09.03.2024.

Dictionnaire suisse romand: Particularités lexicales du français contemporain (2012) / Dir. par A. Thibault, P. Knecht. Genève: Zoé. 885 p.

FEW – Französisches etymologisches Wörterbuch. Eine Darstellung des galloromanischen Sprachschatzes. Available at: http://stella.atilf.fr/scripts/mep.exe?CRITERE=eFEW;OUVRIR_MENU=eFEW;s=s0c5127d0;ISIS=mep_few.txt;s=s0c5127d0;;ISIS=mep_few.txt. Access date: 10.03.2024.

Grand dictionnaire terminologique. Available at: https://vitrinelinguistique.oqlf.gouv.qc.ca. Access date: 08.03.2024.

Pohl, J. (1984) Le statalisme // Travaux de linguistique et de littérature. No. 1 (22). Pp. 251–264.

Stich, D. (1998) Parlons francoprovençal: Une langue méconnue. P.: L'Harmattan. 434 p.

TLFi – Trésor de la langue française informatisé. Available at: http://www.atilf.fr/tlfi. Access date: 10.03.2024.

References

Zagryazkina T.Yu., Chelysheva I.I. (2001) Frankoprovansal'skij yazyk [The Francoprovençal language]. Yazyki mira: Romanskie yazyki. M.: Academia. Pp. 304–321. (In Russ.).

Konstitucii zarubezhnyh gosudarstv: Velikobritaniya, Franciya, Germaniya, Italiya, Evropejskij Soyuz, Soedinennye shtaty Ameriki, Yaponiya (2012) [Constitutions of foreign countries: Great Britain, France, Germany, Italy, European Union, United States of America, Japan] / Ed. by V.V. Maklakov. M. 640 p. (In Russ.)

Kurbanova-Ilyutko, K.I. (2021) K voprosu o statuse francuzskogo yazyka v regione Val' d'Aosta (Valle d'Aosta): Rodnoj ili vtoroj? [Understanding the Status of French in the Aosta Valley: A Mother Tongue or a Second Language?] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. No. 2. Pp. 71–82. (In Russ.).

Cavalli, M. (2005) Éducation bilingue et plurilinguisme. Le cas du Val d'Aoste. [Bilingual education and multilingualism. The case of Val d'Aosta]. P.: Didier. 370 p. (In French)

Dictionnaire des francophones [Dictionary of French speakers]. Available at: https://www.dictionnairedesfrancophones.org. Access date: 09.03.2024. (In French)

Dictionnaire suisse romand. Particularités lexicales du français contemporain [Swiss Romandie Dictionary. Lexical particularities of contemporary French] (2012) / Ed. by A. Thibault, P. Knecht. Genève: Zoé. 885 p. (In French)

Französisches etymologisches wörterbuch. Eine darstellung des galloromanischen sprachschatzes. [French etymological dictionary. A presentation of the Gallo-Romance vocabulary] Available at: http://stella.atilf.fr/scripts/mep.exe?CRITERE=eFEW;OUVRIR_MENU=

eFEW;s=s0c5127d0;ISIS=mep_few.txt;s=s0c5127d0;;ISIS=mep_few.txt. Access date: 10.03.2024. (In Germ.)
Grand dictionnaire terminologique [Large terminological dictionary]. Available at: https://vitrinelinguistique.oqlf.gouv.qc.ca. Access date: 08.03.2024. (In French)
Pohl, J. (1984) Le statalisme [Statalism] // Travaux de linguistique et de littérature [Works in linguistics and literature]. No. 1 (22). Pp. 251–264. (In French)
Stich, D. (1998) Parlons francoprovençal: Une langue méconnue [Let's speak Franco-Provençal: A little-known language]. P.: L'Harmattan. 434 p. (In French)
Trésor de la langue française informatisé. Available at: http://www.atilf.fr/tlfi. Access date: 10.03.2024 (In French)

Курбанова-Ильютко Камилла Искандеровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия.
https://orcid.org/0000-0003-4560-7423
Адрес: 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1.
Эл. адрес: k.kurbanova@philol.msu.ru

Kurbanova-Ilyutko Kamilla Iskanderovna – Ph. D., Associate Professor, Department of French Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Russia.
https://orcid.org/0000-0003-4560-7423
Address: Leninskie Gory 1, Moscow, Russia, 119991
E-mail: k.kurbanova@philol.msu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Для цитирования: *Курбанова-Ильютко К.И.* Французский язык в Валь д'Аосте: особенности употребления регионализмов в административно-правовой сфере // Социолингвистика. 2024. № 3 (19). С. 28–45. DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-28-45

For citation: *Kurbanova-Ilyutko, K.I.* The French language in the Aosta Valley: peculiarities of the use of regionalisms in the administrative and legal sphere // Sociolingvistika. 2024. No. 3 (19). Pp. 28–45. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-28-45

The article was submitted 11.04.2024;
approved after reviewing 19.07.2024;
accepted for publication 26.09.2024.

УДК 81’23 DOI 10.37892/2713-2951-3-19-46-62

ИДИОМ ТАЛЬЯН В БРАЗИЛИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Мария А. Смирнова
Военный университет имени князя Александра Невского МО РФ,
Российская Федерация

Аракся С. Бегоян
Военный университет имени князя Александра Невского МО РФ,
Российская Федерация

В статье анализируется социолингвистическая ситуация в Бразилии применительно к идиому тальян, одному из коофициальных языков на территории 13 муниципалитетов. Будучи историческим диалектом итальянского языка, принадлежащим венетской подгруппе североитальянских диалектов, тальян в конце XIX – начале XX в. был экспортирован в Бразилию в рамках «Золотого закона», поощрявшего трудовую иммиграцию. За 150 лет своего бытования на новой территории тальян претерпел существенные изменения не только с точки зрения своей лингвистической структуры, находясь в зоне распространения бразильского варианта португальского языка, но и с позиций социолингвистики, став объектом реализации новой бразильской лингвистической политики, направленной на полилингвизм. В 2010 г. тальян был признан объектом нематериального наследия Бразилии. Итогом развития «Национальной программы нематериального наследия» стало создание «Национального перечня лингвистического разнообразия, картографирования и документирования нематериального наследия», составной часть которого является «Национальный перечень тальяна». В настоящее время исследователи продолжают масштабные социологические и этнолингвистические проекты по изучению и сохранению этого уникального в своем роде идиома, направленные на описание и типологическую систематизацию его фонетико-фонологических, морфологических, синтаксических и лексических особенностей.

Ключевые слова: *тальян, итальянский язык, диалекты итальянского языка, венетский диалект, языковое законодательство, языковая политика, социолингвистическая ситуация, Бразилия, полилингвизм*

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© М.А. Смирнова, А.С. Бегоян, 2024

THE IDIOM OF TALIAN IN BRAZIL IN HISTORICAL AND SOCIOLINGUISTIC ASPECT OF STUDY

Maria A. Smirnova
Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Russian Federation

Araksja S. Begojan
Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Russian Federation

The article deals with the sociolinguistic situation in Brazil in relation to the idiom Talian, one of the co-official languages in 13 municipalities of the Brazilian state. A historical dialect of Italian, belonging to the Venetian subgroup of the Northern Italian dialects, Talian was exported to Brazil in the late 19th and early 20th centuries as part of the Golden Law, which encouraged labor immigration. During the 150 years of its existence in the new territory, Talian has undergone significant changes not only in terms of its linguistic structure, being in the zone of distribution of the Brazilian variant of Portuguese, but also in terms of sociolinguistics, becoming the object of implementation of the new Brazilian linguistic policy aimed at polylingualism. In 2010, Talian was recognized as an Intangible Heritage Site of Brazil. The development of the «National Intangible Heritage Program» resulted in the creation of the «National Inventory of Linguistic Diversity, Mapping and Documentation of Intangible Heritage», of which the «National Inventory of Talian» is a part. At present, researchers are continuing large-scale sociological and ethnolinguistic projects to study and preserve this unique idiom, aimed at describing and typologically systematizing its phonetic-phonological, morphological, syntactic and lexical features.

***Keywords**: Talian, Italian language, Italian dialects, Venetian dialect, language legislation, language policy, sociolinguistic situation, Brazil, polylingualism*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Maria A. Smirnova, Araksja S. Begojan, 2024

1. Введение

В современной глобальной языковой ситуации, характеризующейся сложными комплексными взаимными отношениями различных социальных общностей и соответствующих им лингвем, возникают неоднозначные примеры распределения наименований видов идиомов. Так, интересная с точки зрения социолингвистики ситуация складывается в последние два десятилетия в Бразилии, где, помимо государственного португальского языка, говорят на более чем двухстах автохтонных и аллохтонных языках [Oliveira, 2008], а по некоторым сведениям, основывающимся на данных переписи населения в этой стране за 2010 г., и на трехстах языках, 274 из которых – языки коренного населения Южной Америки [Censo, 2010]. Необходимо отметить, что в ближайшей перспективе – после публикации отчетов соответствующих комиссий по результатам переписи 2022 г. – данные могут быть уточнены.

В настоящее время в Бразилии признанным законодательным статусом обладают 11 языков в 30 муниципалитетах на территории 7 штатов [Lista de línguas cooficiais]. Список миноритарных языков, признанных по состоянию на 2018 г. кофициальными в муниципалитетах Бразилии, представлен в таблице ниже. Термин «кофициальный язык» следует понимать в данном контексте как синоним термина «региональный», т.е. язык местного значения, наделенный статусом в пределах определенной административной единицы (в отличие от языковой ситуации в Швейцарии, где «кофициальность» подразумевает официальный статус всех четырех языков, закрепленных в Конституции). Среди миноритарных

языков Бразилии выделяются восемь языков коренного населения и четыре языка иммигрантов: померанский – pomerano (восточнонижнемецкий диалект итальянского языка), тальянский – talian (собирательное название венетских диалектов итальянского языка), хунсрюкский – hunsenrükisch (западносреднемецкий диалект) и немецкий язык – alemão. Интересно отметить, что померанский и хунсрюкский диалекты противопоставлены немецкому языку, в то время как для обозначения группы венетских диалектов закрепился гипероним «тальян» (с характерным для северных диалектов Италии явлением аферезы начального гласного). Язык итальянских переселенцев тальян является самым широко распространенным языком переселенцев (представлен в 13 муниципалитетах):

Política de Cooficialização de Línguas			
Línguas indígenas		Línguas descentes de imigrantes	
Tukano	São Gabriel da Cachoeira/AM (2002)	Pomerano	S. M. de Jetibá/ES (2009)
Neengatu			Pancas/ES (2009)
Baniwa			Domingos Martins/ES (2011)
Guarani	Tacuru/MS (2010)		Laranja da Terra/ES (2008)
Akwê Xerente	Tocantínia/TO (2012)		Vila Pavão/ES (2009)
Macuxi	Bonfim/RR (2014) e Cantá/RR (2014)		Canguçu/RS (2010)
Wapichana	Bonfim/RR (2014) e Cantá/RR (2014)		Pomerode/SC (2017)
			Itarana/ES (2017)
		Talian	Serafina Corrêa/RS (2009)
			Flores da Cunha/RS (2015)
			Paraí/RS (2016)
			Nova Roma do Sul/RS (2015)
			Bento Gonçalves/RS (2016)
			Fagundes Varela/RS (2016)
			Guabiju/RS (2016)
			Antônio Prado/RS (2016)
			Nova Pádua/RS (2016)
			Caxias do Sul/RS (2017)
			Camargo/RS (2017)
			Ivorá/RS (2018)
			Nova Erechim/SC (2015)
		Hunsrückisch	Antônio Carlos/SC (2010)
			S.ta Maria do Herval/RS (2010)
		Alemão	Pomerode/SC (2010)
			São João da Boa Vista/SC (2016)
07		04	Bela Vista/SC (2017) 25
Total 2018: 11 línguas em 30 Municípios de 7 Estados			

Рис. 1. Политика признания языков кофициальными (2018)

2. Языковое законодательство Бразилии

Статьей 13 главы III Конституции 1988 г. за португальским языком закреплен статус официального на всей территории страны: «A língua portuguesa é o idioma oficial da República Federativa do Brasil» [Constituição, 1988]. Признание государственным португальского языка и отказ от популярной в конце XIX в. и в первой половине XX в. концепции выделения бразильского варианта в самостоятельный язык опирались, в частности, на процессуальное решение специальной Комиссии Министерства юстиции и внутренних дел Бразилии № 43.784-46 от 15 октября 1946 г., в котором за официальным языком Бразилии закрепляется название «португальский язык» [Silveira, 1947]. С позиций современной социолингвистики португальский

язык Бразилии вписывается в определение «национального варианта», будучи «одним и тем же языком, приобретшим различия вследствие его развития в различных условиях, например на разных территориях, не связанных между собой» [Словарь социолингвистических терминов, 2006]. Многочисленные отличия бразильского португальского от так называемого континентального португальского языка, которые в иных социально-политических реалиях могли бы привести к выделению бразильского португальского в отдельный язык, описываются нейтральным и с лингвистической, и с общественно-политической точек зрения словосочетанием «бразильский вариант португальского языка» (português brasileiro).

Решение Комиссии в целом коррелирует с особенностями политического режима Жетулио Варгаса – националистического «Нового государства» (Estado Novo), в котором сплочение вступившей во Вторую мировую войну на стороне Союзников Бразилии осуществлялось путем создания бразильской национальной идентичности, в том числе строящейся вокруг португальского языка. При этом, как указывает Г.В. Петрова, употребление языков мигрантов, составлявших в первой половине XX в. значительный социально-политический и экономический потенциал промышленно развитого Юга и Юго-Востока Бразилии: немецкого, итальянского и японского, – то есть языков стран «Оси» во Второй мировой войне, было запрещено [Петрова, 2020].

Конституция 1988 г. носит монолингвальный характер, тем не менее параграф 2 статьи 210 гласит, что «коренным общинам также гарантируется использование их родных языков и их собственных учебных процессов» [Constituição 1988]. Отметим, что термин comunidades indígenas отсылает исключительно к коренному индейскому населению, языки же переселенцев правами не наделяются. Рассмотрим процесс наделения этих идиомов кофициальным статусом более подробно на примере языка тальян.

3. Исторические аспекты распространения идиома тальян в Бразилии

Бразильский закон № 3.353 от 1888 г., известный как «Золотой закон» (Lei Áurea), отменил рабство, а новая законодательная база благоприятствовала миграционной политике, проводимой правительством с целью замены рабского труда наемным. Так, Бразильская империя инициировала программы субсидированной иммиграции, в рамках которых финансировался проезд и первоначальные расходы иммигрантов на бразильскую землю, в основном германских и итальянских иммигрантов, причем последних поощряли как бразильское правительство, так и Итальянское королевство и даже церковь.

С 1876 по 1920 гг. в Бразилию иммигрировали 1 243 633 итальянца, из них около 50 % составляли выходцы с севера, в том числе из региона Венето – 365.710 человек [Il Talian].

В отличие от иммигрантов с юга Италии, переезжавших в основном в городские центры Бразилии, выходцы с севера заселяли сельскохозяйственные территории. Так возникли колонии Нуова Милано (1875); Нуова Тренто (1876); Антонио Прадо (1886); Нуова Венеция (1891) и многие другие. Самой процветающей стала колония Кашиас-ду-Сул, основанная в 1875 г. и ставшая экономическим центром итальянского колониального региона штата Риу-Гранди-ду-Сул с населением около 25 тыс. человек. Поток мигрантов из Италии в штат Рио-Гранди-ду-Сул с 1882 по 1914 гг. на 87 % состоял из выходцев из областей Венето и Ломбардия [Thomé, 1993]. При этом почти две трети из этих 87 % происходили именно из Венето, что предопределило становление современного венетского диалекта (венето) в качестве койне – «общего языка», своеобразного лингва-франка, использовавшегося для общения представителей всех коммун итальянских переселенцев в Бразилии. Менее представительные диалекты были постепенно ассимилированы, появилось новое макрорегиональное койне – тальян.

Преобладание выходцев из регионов Венето и Ломбардии в потоке мигрантов подтверждается топонимическими данными: двухкомпонентными названиями бразильских муниципалитетов, первое слово в которых является слово «Новый/Новая» (Novo, Nova), а второе – название населенного пункта в соответствующей области на территории современной Италии, например:

Нова-Венеза – Nova Veneza (штат Санта-Катарина)*;*

Нова-Венесия – Nova Venécia (штат Эспириту-Санту)*;*

Нова-Басану – Nova Bassano (штат Риу-Гранди-ду-Сул) – назван в честь коммуны Бассано-дель-Граппа в области Венето.

Нова-Брешия – Nova Bréscia (штат Риу-Гранди-ду-Сул) – назван в честь второго по величине города Ломбардии.

4. Тальян в контексте вопроса «язык–диалект»

Современный венетский диалект (dialetto veneto) в самой Италии представляет собой неоднородную подгруппу северных диалектов итальянского языка. Г.И. Асколи относит венетский к группе диалектов, отличающихся от тосканского типа, но образующих вместе с ним отдельную группу диалектов итальянского типа [Челышева, 2001]. При этом Ю.Б. Коряков в Атласе романских языков предлагает объединить венетские диалекты в единый язык, относящийся к североитальянской подгруппе западной группы романской ветви индоевропейской семьи [Коряков, 2001].

Разница в подходах лингвистов не влияет на распределение статусных отношений между литературным итальянским на основе тосканского варианта и другими идиомами в Италии. Это

распределение стало результатом языковой политики, сформировавшейся после объединения Италии в 1861 г. и направленной на стандартизацию тосканского варианта итальянского языка, выбранного в качестве образца по ряду причин историко-культурологического характера.

С позиций диалектологии и социолингвистики венетский диалект представляет первичный романский диалект (dialetto romanzo primario), что подразумевает его автономное развитие от вульгарной латыни, в отличие от вторичных диалектов. Как отмечает М. Лопоркаро: «...первичные диалекты итальянского языка – это те разновидности, которые находятся с ним в отношениях социолингвистического подчинения и имеют одинаковое (латинское) происхождение. Вторичные диалекты того или иного языка – это диалекты, возникшие в результате географической дифференциации этого языка, а не общего праязыка» [Loporcaro, 2023: 5]. Таким образом, в Италии венетский является, с одной стороны, диалектом – с точки зрения своей генетической аффилиации, а с другой, в рамках социолингвистической парадигмы существует «государственный язык – региональный идиом».

Носители венетского диалекта, попав в Бразилию ближе к концу XIX в., оказались изолированными от изначального ареала распространения идиома, по крайней мере до наступления эпохи массовой информации и глобальной коммуникации. Аллохтонный венетский диалект в Бразилии развивался, таким образом, отдельно от венетского Италии, в тесном соприкосновении с бразильским вариантом португальского языка. Под влиянием автохтонных языков и официального языка страны бразильский венетский прошел самостоятельный путь развития: за полтора века от лингвемы италоговорящих переселенцев, подвергавшейся гонениям со стороны властей, практически потерявшей письменное наследие и ставшей средством устной коммуникации внутри семей и немногочисленных замкнутых коммун, до статуса отдельного языка – языка тальян. Образно выражаясь, языку тальян удалось сделать то, что не получилось у бразильского варианта португальского языка и у венетского диалекта, которые с сугубо лингвистической точки зрения имеют больше оснований на данный статус.

5. Предпосылки актуальной языковой политики Бразилии в области миноритарных языков

Обрисуем современную социолингвистическую ситуацию. Сегодня на языке тальян говорит полмиллиона человек в 133 городах Бразилии.

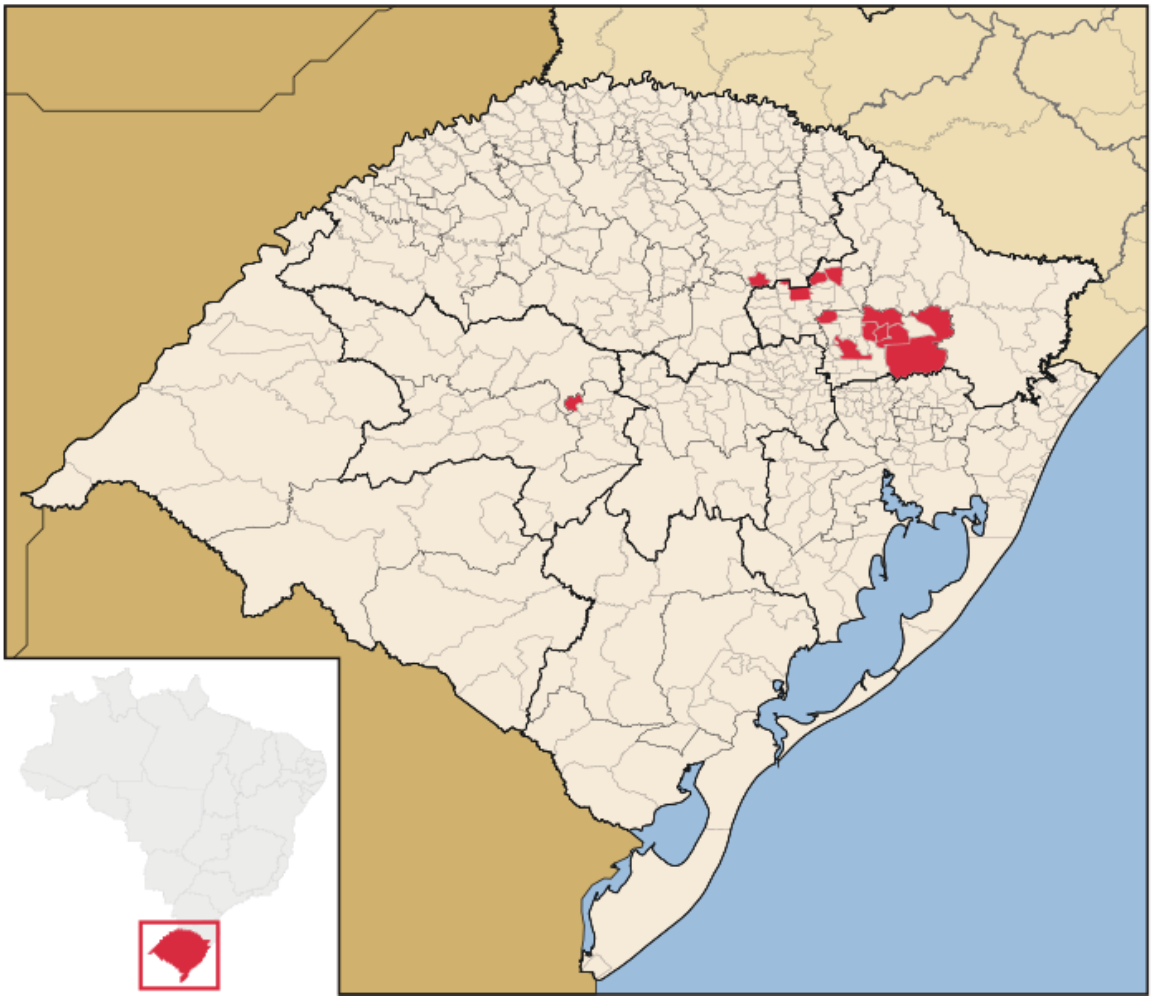

Рис. 2. Муниципалитеты Бразилии, в которых тальян наделен кофициальным статусом (Mapa, Andrevruas, 2019)

Пример языка тальян интересен благодаря тому, что превращение этого идиома в официально признанный язык происходит буквально на глазах у широкого спектра представителей современного поколения исследователей – от политологов до социолингвистов. В отличие от большинства языков мира, путь языка тальян от венетского диалекта к выделению в отдельный язык прослеживается полностью, укладываясь в полтора столетия, и учитывает фактор индивидуально-личностного влияния на становление языка, а также становится ярким примером тому, что проблема «язык – диалект» имеет социально-политический характер, решается экстралингвистическими способами, полностью или частично игнорируя собственно лингвистическую целесообразность.

Представляется возможным утверждать, что проект языка тальян начался в 2006–2008 гг. и стал возможен благодаря ряду организаций, реализовывавших языковую политику Бразилии (подробнее о языковой политике современной Бразилии см.: [Петрова, 2020]), и отдельных лиц, взявших на себя обязательства по научной координации. Национальные институты, организации и кураторы при осуществлении деятельности по присвоению языку тальян данного статуса опирались на ряд положений международных организаций, в том числе ООН в целом и ЮНЕСКО в частности, а также федеральных программ Бразилии:

1) Национальную программу нематериального наследия, учрежденную правительством Бразилии в 2000 г.;

2) Статью 19 декларации Всемирной конференции по правам человека 1993 г. о праве членов национальных и других меньшинств на использование своего родного языка;

3) Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН 50/11 от 2 ноября 1995 г., 52/23 от 25 ноября 1997 г., 54/64 от 6 декабря 1999 г., 56/262 от 15 февраля 2002 г. о Многоязычии;

4) Всеобщую декларацию по культурному разнообразию и соответствующий План действий ЮНЕСКО 2001 г.;

5) Доклад Генерального секретаря ООН на 58-й сессии Генеральной ассамблеи 2003 г. о мерах по защите, распространению и сохранению всех языков мира;

6) Параграфы 52-53 о культурном и языковом разнообразии «Декларации принципов» Всемирного саммита по информационному обществу, прошедшему в Женеве в декабре 2003 г.;

7) Конвенцию об охране нематериального культурного наследия ЮНЕСКО 2003 г.;

8) Рекомендации о развитии и использовании многоязычия и общем доступе в киберпространство ЮНЕСКО 2003 г.

Кроме того, старту проекта по присвоению языка тальян соответствующего статуса способствовал ряд факторов:

1) выдвижение Комитетом по образованию и культуре Палаты депутатов Национального конгресса Бразилии, Национальным институтом исторического и художественного наследия (IPHAN) и Научно-исследовательского института языковой политики Института политологии (IPOL) идеи создания «Перечня языков» на основании требования «бразильских граждан, говорящих на языках, унаследованных от предков и внесших вклад в культурное становление Бразилии, говорить на собственных родных языках» [Küster, 2015];

2) объявление 2008 г. Международным годом языков ЮНЕСКО;

3) желание руководства Бразилии и правящей в тот момент Рабочей партии (Partido dos Trabalhadores) поддерживать имидж и политическую привлекательность за счет контраста с политическими режимами так называемой Эры Варгаса (1930–1945; 1951–1954) и Третьей Бразильской Республики (авторитарной военной диктатуры в 1964–1985 гг.);

4) желание руководства Бразилии и правящей в тот момент Рабочей партии (Partido dos Trabalhadores) уточнить положения Конституции 1988 г., в которых официальным языком Бразилии признается португальский, а о правах языковых меньшинств говорится исключительно в контексте коренного населения Южной Америки – индейцев.

В 2008 г. в качестве продолжения идеи создания «Перечня языков» и развития Национальной программы нематериального наследия, а также для повышения осведомленности о различных языках, на которых говорят бразильские граждане, их документирования и сохранения, Национальный институт исторического и художественного наследия объявил о создании «Национального перечня лингвистического разнообразия, картографирования и документирования нематериального наследия» («Inventário Nacional da Diversidade Linguística e Mapeamento Documental do Patrimônio Imaterial», далее – Национальный перечень языков, INDL). Основанием для выдвижения подобной инициативы стал также предварительный подсчет численности идиомов Бразилии, проведенный IPHAN в 2007 г.: исследование показало, что в Бразилии начитывается 250 идиомов; подсчет был подтвержден через три года в рамках переписи населения. При этом исследователи из Национального института исторического и художественного наследия учитывали автохтонные языки, аллохтонные языки иммигрантов, жестовые языки, афробразильские языки общин киломбола (quilombola), а также диалекты и говоры португальского языка Бразилии [Damiani, 2017].

Можно предположить, что на глубинном уровне национального самосознания социальной и политической воли руководства Бразилии и заинтересованных представителей общественности приоритетным фактором имплементации предложенного проекта инвентаризации стало именно желание загладить ошибки исторического периода, который Г.В. Петрова удачно назвала «эпохой стыда». Сузана Дамиани, специалист по современным языкам Школы современных языков Университета Сальвадора в Буэнос-Айресе, утверждает, что именно в рамках проекта создания Национального перечня было официально заявлено о фактическом признании языкового разнообразия в Бразилии за рамками дихотомии «португальский язык – языки индейцев», способствовавшем подавлению предрассудков и нетерпимости по отношению к ранее дискредитированным и недостойным рассмотрения, изучения, сохранения и уважения языкам, существование которых было засвидетельствовано

только их носителями. При этом исследователь полагает, что не только среди представителей широкой общественности, но и в научном сообществе существуют люди, «погрязшие в неверных представлениях о том, что такое “язык”», презирающие языки меньшинств и полагающие, что многие идиомы должны исследоваться лишь «на бумаге, потому что – такова судьба – они скоро “вымрут”» [Ibid.].

6. Современный социолингвистический статус языка тальян в Бразилии

Для наполнения «Национального перечня языков» был запущен «Проект предварительных исследований» (далее – Пилотный проект), целью которого стало испытание и оценка INDL как инструмента продвижения идеи языкового разнообразия Бразилии и своеобразной индоктринации – развития чувства принадлежности к стране вне зависимости от того, есть ли среди предков того или иного бразильца португалоговорящие люди, индейцы или носители других идиомов. В рамках Пилотного проекта по подготовке к лингвистической инвентаризации были поставлены две основные задачи:

1) провести обзорное документирование существующих форм и способов традиционного ведения хозяйства, способов самовыражения традиционных сообществ (фестивалей, праздников) и картографирование релевантных для данных сообществ локаций в 16 из 27 субъектов федерации в Бразилии;
2) проверить в любом из штатов Бразилии или в Федеральном округе работоспособность и применимость общей методологии наполнения Национального перечня языков для:

   – идиомов коренного населения, на котором говорят только несколько человек;

   – идиомов коренных народов, на котором говорят от 100 до 300 человек;

   – идиомов коренных народов, на котором говорит многочисленное сообщество;

   – идиомов иммигрантов;

   – идиомов афро-бразильского сообщества;

   – креольских языков;

   – жестовых языков.

Национальный институт исторического и художественного наследия одобрил в качестве Пилотного проекта по анализу методологии наполнения Национального перечня языков в части, касающейся языков иммигрантов, Проект, связанный с языком тальян.

В непосредственной реализации Пилотного проекта принимали участие различные научно-исследовательские и общественные организации. Так, представители Бразильской лингвистической ассоциации (Abralin) совместно с лингвистами из Университета Бразилиа (UnB), Федерального университета Параибы (UFPB) и Государственного университета Сан-Паулу (Unesp) в рамках Пилотного проекта провели исследование и инвентаризацию двух языков коренных народов Южной Америки – асурини-ду-Токантинс и журуна – и бразильского жестового языка ЛИБРАС.

Пилотный проект в отношении языка тальян реализовывался Федерацией итало-бразильских ассоциаций Риу-Гранди-ду-Сул (FIBRA/RS) и Университетом Кашиас-ду-Сул (UCS). Координаторами проекта стали профессор Хосе Клементе Позенато из Университета Кашиас-ду-Сул и профессор Марли Терезинья Пертиле из Федерального университета Рио-Гранди-ду-Сул.

После выполнения всех технических требований Пилотного проекта и представления отчета в IPHAN тальян стал одним из семи первых языков, включенных в Национальный перечень языков наряду с шестью языками коренных народов Южной Америки: асурини, гуарани мбыа, нахуку, матипу, куйкуро и калапалу. Последние четыре часто рассматриваются как единый язык карибской группы – амонап.

Вместе с другими шестью языками тальян получил статус «эталона» нематериального культурного наследия (Referência Cultural Brasileira) в соответствии с Указом Министерства культуры Бразилии от 9 декабря 2010 г. и, что важно для формализации языкового статуса, сертификат, подтверждающий решение Технического комитета Национального перечня языков от 9 сентября 2014 г., о включении в Национальный кадастр языкового разнообразия в статусе языка [Certidão]. Признано, что «тальян» является самоназванием языка иммигрантов, на котором говорят в Бразилии на северо-востоке штатов Риу-Гранди-ду-Сул, Парана, Санта-Катарина, Мату-Гросу и Санта-Катарина с 1875 г. Среди других самоназваний есть такие термины, как «язык предков», «венетский диалект», «итальянский диалект». Это надрегиональная внутриобщинная и межобщинная разновидность итальянского языка (койне), находящегося в контакте с другими разновидностями итальянского и бразильского португальского, исторически связанная с диалектами северной Италии, но со своими особенностями, обусловленными бразильским контекстом.

Включение идиома тальян в Национальный кадастр языкового разнообразия в целом соответствует общей тенденции, в соответствии с которой Бразилия начинает восприниматься обществом (в первую очередь научным сообществом) как страна с высоким языковым разнообразием [Horst et al., 2019], а представители общества, среди предков которых были

мигранты из Италии, проявляют интерес к языку предков. Об этом свидетельствует ряд полевых исследований [Suelen, 2015; Sfreddo, 2018; Horst et al., 2019], проведенных методом опроса и интервьюирования в муниципалитетах Шапекó (штат Риу-Гранди-ду-Сул) и Курунел Фрейтас (штат Санта-Катарина), где проживает много потомков переселенцев из Италии. В одном из таких исследований, проведенном среди представителей четырех поколений потомков итальянских мигрантов, наблюдается следующая разница в отношении к языку предков:

Первое поколение[16] (на примере интервьюируемой женского пола возрастом 90 лет на момент проведения исследования в 2014 г., внучки переселенцев, имеющей низкий уровень образования и невысокий социальный статус) – воспринимает итальянский язык как родной; общается с исследователями, проводящими опрос, достаточно свободно переключаясь между языком тальян и португальским языком, который начала учить в 15 лет из-за внешних обстоятельств: необходимости социальных контактов и языковой политики государства в период с 1937 по 1946 гг.

Второе поколение (на примере интервьюируемых мужского пола с высоким уровнем образования и высоким социальным статусом) – использовали итальянский язык / тальян в детстве как язык домашнего общения, но директивно получали начальное, среднее и высшее образование на португальском языке; легко воспринимают вопросы, заданные на языке тальян, могут отвечать на тальяне, но в импровизированной беседе переключаются на португальский язык; полагают важным использовать язык тальян в общении внутри семьи и с близкими.

Третье поколение (на примере интервьюируемых мужского пола с высоким уровнем образования и высоким социальным статусом) – игнорируют язык тальян, хотя в целом способны использовать в общении, не стараются понимать заданных на нем вопросов или давать ответы на языке тальян; полагают более важным изучение английского языка в школах, чем языка тальян.

Четвертое поколение (на примере интервьюируемых мужского пола с высоким уровнем образования) – проявляют устойчивый интерес к языку тальян; считают привлекательным его звучание; с удовольствием вспоминают ситуации общения с пожилыми предками, которые использовали язык тальян; полагают важным изучения языка предков в рамках школьной программы.

[16] Принимая во внимание, что квантитативные параметры четырех поколений в анализируемых нами исследованиях не приводятся ни в виде возрастов опрашиваемых, ни в виде интервалов календарных годов их рождения, и исходя из того, что представителем первого поколения в исследовании 2014 г. названа женщина, родившаяся в 1924 г., мы условно принимаем, что поколение соответствует интервалу в 22,5 года, что соответствует периодам годов рождения 1924–1946 для первого поколения; 1946–1968 для второго поколения; 1968–1980 для третьего поколения и 1980–2002 для четвертого поколения.

Эта динамика демонстрирует, что после периода «упадка» идиома, вызванного, в основном влиянием экстралингвистических факторов, последнее поколение носителей тальяна заинтересовано в его возрождении и принимает активное участие в его укреплении в качестве языка, выходящего за рамки семьи и быта. Об этом свидетельствует и увеличение количества СМИ, способствующих популяризации тальяна.

С точки зрения письменной массовой коммуникации язык тальян имеет мощную поддержку в виде периодических печатных изданий, в том числе выходящих в электронном формате. Основными из них являются «Коррейо Риограндense» (Correio Riograndense) и «Флоренсе» (O Florense), издаваемые соответственно в муниципалитетах Кашиас-ду-Сул и Флорис-да-Кунья штата Риу-Гранди-ду-Сул. Именно на основе материалов этих двух СМИ в сочетании с выдержками из опубликованных на тальяне книг составлен корпус идиома.

Помимо печатных СМИ, работает несколько радиостанций, дублирующих программу вещания в сети интернет, например «Амичи дель Тальян» (Rádio Amici del Talian), вещающая круглосуточно. Ряд радиостанций осуществляет вещание на португальском языке, но включает в сетку программ передачи на языке тальян. Регулярное телевизионное вещание на языке тальян носит преимущественно локальный характер и осуществляется энтузиастами, дублирующими программы в режиме онлайн в сети интернет.

Преподавание языка тальян осуществляется в виде курсов дополнительного образования и направлено преимущественно на взрослых обучающихся. Инициативные образовательные проекты реализуют Федеральный университет Санта-Мария, Федеральный университет Параны, Университет Кашиас-ду-Сул, Университет Пассу-Фунду, Центр иностранных языков и Ассоциация распространителей языка тальян Центрально-южного университета штата Парана «Унисентро» (проект «Куканья» (Cucagna)) и Бразильской ассоциацией преподавателей итальянского языка (AIPI). В академической среде рассматриваются проекты преподавания языка тальян в школах муниципалитетов, в которых тальян имеет статус кофициального.

Вне зависимости от текущей социолингвистической ситуации идиома тальян заключение Технического комитета Национального перечня языков фактически стирает разницу между понятиями «язык» и «диалект» и относит решение проблемы «язык – диалект» к сфере юридических и социально-политических действий, а не к области филологии. Это, однако, не означает, что изучение языка тальян совсем не учитывало лингвистический аспект проблемы. В сертификате указано, что тальян находится в контакте с другими диалектами итальянского языка и формами бразильского варианта португальского языка, а также исторически связан с диалектами северной Италии, однако его «колониальный» тип языкового развития, близкий к лингвистическому острову, отличают его как от идиомов в регионе исторического

происхождения, так и от идиомов других регионов Бразилии. В сертификате упоминаются и корни языка – «итальянский язык и его диалекты, на которых говорят, в первую очередь, в областях Венето, Трентино-Альто-Адидже и Фриули-Венеция-Джулия, Пьемонт, Эмилия-Романья и Лигурия» [Certidão].

По нашему мнению, такие основания для признания статуса языка соответствуют соссюровскому концептуальному принципу, в соответствии с которым внешним языком может быть любая система, делающая возможной вербальную коммуникацию в момент ее осуществления. Однако подкрепление предположений о статусе языка типа тальяна требуют эмпирических дополнений.

7. Заключение

Исследования в области языка тальян в последние годы интенсифицируются, что связано, в первую очередь, с разработкой Национального перечня лингвистического многообразия, составной частью которого является Национальный перечень тальяна (Inventario Nazionale del Talian, INT). П.М. Сенна отмечает, что INT стал первым шагом на пути к историческому, социолингвистическому и этнолингвистическому исследованию тальянского языка, его описание фонетико-фонологических, морфологических, синтаксических и лексических особенностей [Senna, 2023]. Несмотря на признание в качестве кофициального языка, тальян не однороден по своей структуре и подвержен лингвистической вариативности. Тальян является уникальным объектом исследования для лингвиста, поскольку позволяет проследить изменение идиома в течение последних 150 лет (если быть точнее, с 30-х годов XX в., когда появляются первые письменные свидетельства, до этого можно строить лингвистические гипотезы на основе реконструкции венетского диалекта конца XIX в.), в частности с точки зрения контактной лингвистики. И если вопрос о статусе языка на данный момент оказывается решенным, то остаются открытыми вопросы о типе интерференции с языковым окружением, наличие смешения, а также степень архаичности отдельных явлений и пути компенсации развития в отрыве от языка метрополии.

Литература

Коряков Ю.Б. (2001) Атлас романских языков. М.: Ин-т языкознания РАН.

Петрова Г.В. (2020) Бразилия: от монолингвизма к многоязычию // Филологические науки в МГИМО. 2020. № 1 (21). С. 114–120.

Словарь социолингвистических терминов (2006) / Отв. ред. М.Ю. Михальченко. М.: Ин-т языкознания РАН. 312 с.

Челышева И.И. (2001) Диалекты Италии // Языки мира. Романские языки / Отв. ред.: И.И. Челышева, О.И. Романова, Б.П. Нарумов. М.: Academia. С. 90–146.

Censo (2010). Istituto Brasileiro de Geografia e Estatistica. Available at: https://censo2010.ibge.gov.br/. Access date: 03.03.2024.

Certidão de Talian (2014). Available at: http://portal.iphan.gov.br/uploads/ckfinder/arquivos/Certidao_%20Talian.pdf. Access date: 02.04.2024.

Constituição da República Rederativa do Brasil de 1988. Available at: https://federalismi.it/nv14/articolo-documento.cfm?artid=12908. Access date: 05.03.2024.

Damiani, S. (2017). Diversidade Linguística e Patrimônio Imaterial do Brasil: Talian – língua de imigração. Universidade Caxias do Sul // Ideias. III (3). Pp. 125–148.

Il Talian – koinè Veneta come lingua franca in Brasile. Available at: https://www.quotidianoarte.com/2023/01/02/il-talian-koine-veneta-come-lingua-franca-in-brasile-oggi-parlata-da-circa-500-000-persone/ Access date: 20.03.2024.

Horst, C., Krug, M.J., Bernieri, S.R. (2019) Fatores (in)conscientes que influenciaram uma ítalobrasileira a usar progressivamente o português em detrimento da variedade italiana // Caderno de letra. No. 35. Set-Dez. Pp. 195–208. Available at: https://periodicos.ufpel.edu.br/index.php/cadernodeletras/article/view/17409. Acess date: 24.06.2024.

Küster, S.B. (2015) Cultura e língua pomeranas: Um estudo de caso em uma escola do ensino fundamental no município de Santa Maria de Jetibá – Espírito Santo – Brasil. Dissertação (Mestrado em Educação) – Programa de Pós-Graduação em Educação, Universidade Federal do Espírito Santo, Centro de Educação. Vitória. 255 p.

Lista de línguas cooficiais. Available at: https://web.archive.org/web/20190522031725/https://drive.google.com/file/d/0BxCUEZZQ81d7a25XVjdfMGs3NDlyakZ1RzByYW1vV2dTemw0/view. Access date: 03.03.2024.

Loporcaro, M. (2023) Profilo linguistico dei dialetti italiani. IX rist. 2023 Laterza. 268 p.

Mapa dos municípios em que a língua Talian é cooficial no estado brasileiro do Rio Grande do Sul. Available at: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/5/58/Talian.svg/1041px-Talian.svg.png. Access date: 14.03.2024.

Oliveira, G.M., de (2008) Plurilingüismo no Brasil. Available at: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000161167. Access date: 03.03.2024.

Senna, P.M. (2023) Il Talian – koinè Veneta come Patrimonio Culturale Immateriale del Brasile // Territori della Cultura. Rivista online. Numero 51. Anno 2023. Pp. 20–38.

Sfreddo, J.M. (2018) O uso do Talian com base em quatro gerações de uma família italo-brasileira de Chapecó: situação de contato linguístico. UFFS, Campus Chapecó. 30 p. Available at: https://rd.uffs.edu.br/bitstream/prefix/2324/1/SFREDDO%20ARTIGO%20-%20Letras.pdf. Acess date: 24.06.2024

Silveira, S., da (1947) Idioma nacional – língua portuguêsa. Revista De Direito Administrativo. 8. 330–333. Available at: https://doi.org/10.12660/rda.v8.1947.9853. Access date: 03.03.2024.

Suelen, B. (2015) O bilinguismo talian-português em Chapecó: A percepção do indivíduo *versus* a sua prática. UFFS, Campus Chapecó. 25 p. Available at: https://rd.uffs.edu.br/handle/prefix/1331. Acess date: 24.06.2024

Thomé, N. (1993). História da imigração italiana em Caçador. 2 ed. Caçador: UnC.

References

Korjakov Ju. B. (2001) Atlas romanskih jazykov [Atlas of Romance Languages]. M.: Institut jazykoznanija RAN. (In Russ.)

Petrova G. V. (2020) Brazilija: ot monolingvizma k mnogojazychiju [Brazil: from monolingualism to multilingualism] // Filologicheskie nauki v MGIMO. 2020. № 1(21). Pp. 114–120. (In Russ.)

Slovar' sociolingvisticheskih terminov [Dictionary of sociolinguistic terms] (2006) Otv. red. M. Ju. Mihal'chenko. M.: Institut jazykoznanija RAN, 312 p. (In Russ.)

Chelysheva I. I. (2001) Dialekty Italii [Dialects of Italy] // Jazyki mira. Romanskie jazyki Otv. red.: Chelysheva I. I., Romanova O. I., Narumov B. P. M.: Academia. Pp. 90–146. (In Russ.)

Censo 2010. [2010 Census] Istituto Brasileiro de Geografia e Estatistica. Available at: https://censo2010.ibge.gov.br/. Access date: 03.03.2024. (In Port.)

Certidão de Talian [Talian certificate] (2014). Available at: http://portal.iphan.gov.br/uploads/ckfinder/arquivos/Certidao_%20Talian.pdf. Access date: 02.04.2024. (In Port.)

Constituição da República Federativa do Brasil de 1988 [1988 Constitution of the Federative Republic of Brazil] [online]. Available at: https://federalismi.it/nv14/articolo-documento.cfm?artid =12908. Access date: 05.03.2024. (In Port.)

Damiani S. (2017). Diversidade Linguística e Patrimônio Imaterial do Brasil: Talian – língua de imigração [Linguistic Diversity and Brazil's Intangible Heritage: Talian - a language of immigration] // Universidade Caxias do Sul. Ideias. III (3). Pp. 125–148. (In Port.)

Il Talian – koinè Veneta come lingua franca in Brasile [The Talian - koinè Veneta as lingua franca in Brazil] (2023). Available at: https://www.quotidianoarte.com/2023/01/02/il-talian-koine-veneta-come-lingua-franca-in-brasile-oggi-parlata-da-circa-500-000-persone/ Access date: 20.03.2024. (In Ital.)

Küster S. B. (2015) Cultura e língua pomeranas: um estudo de caso em uma escola do ensino fundamental no município de Santa Maria de Jetibá - Espírito Santo – Brasil [Pomeranian culture and language: a case study in an elementary school in the municipality of Santa Maria de Jetibá - Espírito Santo - Brazil]. Dissertação (Mestrado em Educação) - Programa de Pós-Graduação em Educação, Universidade Federal do Espírito Santo, Centro de Educação, Vitória. 255 p. (In Port.)

Lista de línguas cooficiais [List of co-official languages]. Available at: https://web.archive.org/web/20190522031725/https://drive.google.com/file/d/0BxCUEZZQ81d7a25XVjdfMGs3NDlyakZ1RzByYW1vV2dTemw0/view. Access date: 03.03.2024. (In Port.)

Loporcaro M. (2023) Profilo linguistico dei dialetti italiani [Linguistic profile of Italian dialects]. IX rist. 2023 Laterza, 268 p. (In Ital.)

Mapa dos municípios em que a língua Talian é cooficial no estado brasileiro do Rio Grande do Sul [Map of municipalities where Talian is co-official in the Brazilian state of Rio Grande do Sul]. Available at: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/5/58/Talian.svg/1041px-Talian.svg.png. Access date: 14.03.2024. (In Port.)

Oliveira G. M., de (2008) Plurilingüismo no Brasil [Plurilingualism in Brazil] [online]. Available at: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000161167. Access date: 03.03.2024. (In Port.)

Senna P. M. (2023) Il Talian – koinè Veneta come Patrimonio Culturale Immateriale del Brasile [The Talian - koinè Veneta as Intangible Cultural Heritage of Brazil] // Territori della Cultura. Rivista online. Numero 51. Anno 2023. Pp. 20–38. (In Ital.)

Silveira, S. da. (1947) Idioma nacional - língua portuguêsa [National language - Portuguese] // Revista De Direito Administrativo, 8. Pp. 330–333. Available at: https://doi.org/10.12660/rda.v8.1947.9853. Access date: 03.03.2024. (In Port.)

Thomé N. (1993). História da imigração italiana em Caçador [History of Italian immigration in Caçador]. 2 ed. Caçador: UnC. (In Port.)

Смирнова Мария Александровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой романских языков Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ
https://orcid.org/0000-0002-5963-4249
Адрес: 125047 Российская Федерация, г. Москва, Большая Садовая ул., 14.
Эл. адрес: ms@romancedpt.ru

Бегоян Аракся Смбатовна – старший преподаватель кафедры романских языков Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ
Адрес: 125047 Российская Федерация, г. Москва, Большая Садовая ул., 14.
Эл. адрес: araksbegoyan@mail.ru

Smirnova Maria Alexandrovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Romance Languages of the Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation
https://orcid.org/0000-0002-5963-4249
Address: Bolshaya Sadovaya St., 14, Moscow, Russian Federation, 125047
E-mail: ms@romancedpt.ru

Begojan Araksja Smbatovna – Senior Lecturer at the Department of Romance Languages of the Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation
Address: Bolshaya Sadovaya St., 14, Moscow, Russian Federation, 125047
E-mail: araksbegoyan@mail.ru

Для цитирования: *Смирнова М.А., Бегоян А.С.* Идиом тальян в Бразилии в историческом и социолингвистическом аспекте // Социолингвистика. 2024. № 3 (19). С. 46–62. DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-46-62

For citation: *Smirnova M.A., Begojan A.S.* The idiom of Talian in Brazil in historical and sociolinguistic aspect of study // Sociolingvistika. 2024. No. 3 (19). Pp. 46–62. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-46-62

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 21.02.2024;
approved after reviewing 17.05.2024;
accepted for publication 18.09.2024.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

LANGUAGE SITUATION

УДК 811.131
УДК 811.163.42 DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-63-80

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ДУБРОВНИКЕ XIV–XVI вв.: РОМАНСКО-СЛАВЯНСКИЕ КОНТАКТЫ

Ульяна А. Путилина
Университет Ка’ Фоскари, Венеция, Италия
Ирина И. Челышева
Институт языкознания Российской академии наук, Российская Федерация

Статья в рамках исторической социолингвистики описывает языковую ситуацию XIV–XVI вв. в Дубровнике, крупном экономическом и культурном центре Адриатического побережья. Анализируются исторические предпосылки формирования ситуации многоязычия периода романизации, а затем описываются функции каждого из присутствовавших в городе идиомов: хорватского, итальянского на тосканской основе, венецианского диалекта, далматинского языка и латыни. В качестве дополнительного источника используется текст комедии М. Држича «Дундо Марое» (1551). Основным языком устного общения был хорватский; как письменные языки использовались в основном латынь и итальянский, а в XVI в, в период далматинского Возрождения, сформировалась хорватская литературно-письменная традиция, во многом опиравшаяся на итальянскую возрожденческую литературу. Многие жители были многоязычны: на разных уровнях они владели венецианским диалектом и итальянским языком. Далматинский до конца XV в. сохранялся как язык узкой аристократической прослойки и язык органов управления. Сохранились свидетельства функционирования интересных смешанных итальянско-славянских языковых форм, среди которых так называемый schiavonesco, а также гибридные итальянско-хорватские тексты. Для авторов далматинско-дубровницкого Возрождения было характерно использование в своем творчестве нескольких языков, например драматургия на хорватском, поэзия на итальянском и трактаты на латыни. По материалам произведений М. Држича прослеживаются разнообразные типы языковой интерференции хорватского и итальянского языков, которые могли реально существовать в языке Дубровника XVI в.

Ключевые слова: *историческая социолингвистика, многоязычие, итальянский язык, венецианский диалект, хорватский язык*

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© У.А. Путилина, И.И. Челышева, 2024

RECONSTRUCTION OF THE LANGUAGE SITUATION IN DUBROVNIK IN THE 14th–16th CENTURIES: ROMANIC-SLAVIC CONTACTS

Uliana A. Putilina
Ca’ Foscari University, Venice, Italy
Irina I. Chelysheva
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article, within the framework of historical sociolinguistics, describes the linguistic situation in Dubrovnik, a major economic and cultural center of the Adriatic coast, in the 14th–16th centuries. It analyzes the historical prerequisites for the formation of the multilingual situation: the period of Romanization, and then describes the functions of each of the idioms present in the city: Croatian, Italian on a Tuscan basis, the Venetian dialect, Dalmatian and Latin. The text of M. Držić's comedy 'Dundo Maroje' (1551) is used as an additional source. The main language of oral communication was Croatian; Latin and Italian were mainly used as written languages, and in the 16th century, during the Dalmatian Renaissance, the Croatian literary and written tradition was formed, largely based on Italian Renaissance literature. Many residents were multilingual: they had varying levels of command of the Venetian dialect and Italian. Dalmatian until the end of the 15th century. remained as the language of a narrow aristocratic stratum and the language of the governing bodies. Evidence has been preserved of the functioning of interesting mixed Italian-Slavic language forms, including the so-called schiavonesco, as well as hybrid Italian-Croatian texts. The authors of the Dalmatian-Dubrovnik Renaissance were characterized by the use of several languages in their work, for example, drama in Croatian, poetry in Italian and treatises in Latin. Based on the works of M. Drzic, various types of linguistic interference between Croatian and Italian can be traced, which could have actually existed in the language of Dubrovnik in the 16th century.

Keywords: *historical sociolinguistics, multilingualism, Italian language, Venetian dialect, Croatian language*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Uliana A. Putilina, Irina I. Chelysheva, 2024

1. Введение

Наша статья посвящена описанию лингвистической ситуации XIV–XVI вв. в городе Дубровник, расположенном на Адриатическом побережье Хорватии в исторической области Далмация. Этот город, носивший еще одно название – Рагуза, представлял собой уникальное пространство, где встречался и взаимодействовал славянский мир с романским, и это взаимодействие дополнялось живыми и богатыми связями с Востоком и германскими государствами. Выбранный нами период XIV–XVI вв. – это расцвет Дубровницкой республики. К XV–XVI вв. относится и период далматинско-дубровницкого Возрождения, славянского ответвления европейского Ренессанса, сформировавшегося под влиянием Возрождения итальянского. Наше исследование проведено в рамках исторической социолингвистики, когда на основании косвенных свидетельств, исторических данных, на анализе корпуса текстов, высказываний современников и т.д. реконструируется сфера употребления и функции языков в многоязычной ситуации [Челышева, 2020: 9]. Особо отметим роль произведений далматинско-дубровницкого Возрождения. Мы не будем затрагивать литературную сторону взаимодействия культур, коснемся этих текстов лишь в той мере, в какой они помогают реконструировать социолингвистическую ситуацию эпохи. Как дополнительный источник для реконструкции дубровницкого многоязычия мы использовали комедию Марина Држича «Дундо Марое» (1551) [Držić, 1991]. Драматург и поэт М. Држич (1508–1567), крупнейший представитель

далматинского Возрождения в Дубровнике, вывел в своих произведениях целый ряд персонажей: среди них дубровчане и уроженцы других городов Далмации, итальянцы, евреи, немцы и др. При всей условности театрального языка в комедии, повествующей о приключениях дубровчан в Риме, воссозданы элементы реальной языковой ситуации на Адриатике XVI в. [Thomas, 2000: 242].

2. Исторические события, обусловившие многоязычие Дубровника

Предшественником Дубровника было римское (возникшее на месте иллирийского, позже греческого) поселение Эпидавр недалеко от Дубровника. В I в. до н.э. запад Балканского полуострова был завоеван римлянами, и была образована провинция Иллирик, позже разделенная на Паннонию и Далмацию. О преемственности римской языковой традиции свидетельствует то, что в Далмации сложился собственный романский идиом – далматинский язык.

В VII в. на Балканский полуостров приходят многочисленные славянские племена, и возникают славянские государственные образования: Дукля, Зета, Травуня, Захумле, к северу – Хорватия, в глубине материка – Сербия (позже Рашка). Дубровник находился между территориями Захумле (на севере) и Травуня (на юге) [Praga, 1954].

Город жил под двумя именами: славянским и романским – Дубровник и Рагуза. Эти формы не являются вариантами одного и того же слова, в отличие от названий других городов Далмации. Романское наименование Рагуза является первичным, название Дубровник фиксируется позже. Впервые Рагуза упоминается в Ravennatis Anonymi Cosmographia в начале VII в.: Epitaurum id est Ragusium ‘Эпидавр, то есть, Рагуза’ [Hrvatska enciklopedija].

Жителей Дубровника выделяли на общем фоне населения восточной Адриатики. Так характеризует Далмацию, упоминая и Рагузу, Вильгельм Тирский (1130–1186): «Est autem Dalmatia longe patens regio inter Hungariam et Adriaticum Mare sita, quattuor habens metropoles: Iazaram et Salonam, que alio nomine dicitur Spaletum, Antibarim et Ragusam <…> exceptis paucis qui in oris maritimis habitant, qui, ab aliis et moribus et lingua dissimiles, Latinum habent idioma, reliquis Sclavonico sermone utentibus et habitu barbarorum. ‘Далмация – обширная страна, расположенная между Венгрией и Адриатическим морем и есть в ней четыре города: Зара, Салона, иначе именуемая Спалато, Антивари и Рагуза <…> кроме тех немногих, что живут на морском побережье и отличаются от остальных по обычаям и по языку, они говорят на языке латинском, а другие используют язык славянский и имеют варварские обычаи’» (цит по: [Dotto, 2008: 21]). Как видим, епископ упоминает о «латинском», т.е. романском языке жителей побережья и отмечает их немногочисленность и близость к западной цивилизации.

Около 1000 г. на Адриатику начинает претендовать Венеция. Дубровник входит в ее владения в 1205 г., но к 1358 г. получает фактическую независимость и образует Дубровницкую республику (лат. Republica Ragusina, итал. Repubblica di Ragusa), или Республику св. Влаха, покровителя города. Формально город переходит под сюзеренитет Венгрии, однако власть венгерского короля носит чисто номинальный характер [Harris, 2006]. В конце XII в. территория Дубровника расширяется: в ее состав входят прилегающие территории и острова. Город-порт на перекрестке торговых путей становится крупным экономическим, торговым, политическим и культурным центром, по уровню развития не уступающим итальянским коммунам. Хотя политически Дубровник стал независим от Венеции, интенсивные контакты на всех уровнях продолжались.

С усилением турецкой угрозы в конце XIV в. власти Дубровника начали заключать торговые договоры с Османской империей, а с 1458 г. они формально платят дань османскому султану, став посредником между Османской империей и итальянскими городами-государствами [Акимова, 1997: 712].

Как и Венеция, Дубровник являлся аристократической республикой. Власть была сосредоточена в руках нобилей, потомков романского населения. Высшим законодательным органом являлся Большой совет (лат. Consilium Maior, хорв. Veliko vijeće), в который входили все мужчины из знатных семей, достигшие 18 лет; с 1332 г. членство в совете стало передаваться только по наследству [Harris, 2006: 18].

Большинство горожан (пополаны) не имели влияния на формирование органов власти и не участвовали в политической деятельности. Сословные границы между нобилитетом и пополанами были жесткими, межсословные браки были запрещены. К XVII в. дубровницкие нобили стали столь малочисленны, что им грозило полное исчезновение.

Языковое разнообразие города дополняли общины иностранцев: итальянцы из разных городов (Венеции, Флоренции, Сиены, Лукки, Анконы, из южной Италии), еврейское население, славяне с завоеванных османами территорий, чья речь отличалась от речи жителей Дубровника. Сохранились сведения о турках, албанцах, греках, немцах на территории Дубровницкой республики. В городе постоянно останавливались путешественники и паломники, ведь он был последним далматинским портом на паломническом пути в Святую землю через Адриатику.

Характерно, что граница «свой – чужой» в восприятии горожан проходила не по политическому, этническому или конфессиональному признаку. Например, Марин Држич в письме Козимо I Медичи называет Мехмеда-пашу Соколовича, османского визиря боснийского происхождения, человеком «della lingua e nazione nostra» ‘нашего языка и рода’ несмотря на то,

что тот выходец из другой конфессиональной среды и другой области (Боснии) [Leksikon Marina Držića, 2015].

Живые контакты славянского и романского миров дополнялись контактами культур и литератур. С появлением в XIV в. в Тоскане произведений Трех венцов (итал. Tre corone) – Данте, Петрарка, Боккаччо – литература итальянского Ренессанса стала широко известна по всей Европе. Она способствовала развитию ренессансной гуманистической традиции в Далмации. XV–XVI века – эпоха далматинско-дубровницкого Возрождения с центрами в Сплите во главе с Марко Маруличем (1450–1524), на о. Хвар во главе с Петаром Гекторовичем (1487–1572), в Задаре во главе с Петаром Зораничем (1508 – ок. 1550) и в Дубровнике во главе с Марином Држичем (1508–1567) [Дробышева, 2008].

Итак, история развития Дубровника свидетельствует о том, что он всегда был включен в многоязычный и мультикультурный ареал с весомым римским и романским влиянием в области политики и культуры. Приморский адриатический мир составлял единую культурно-историческую общность. Дубровник являлся органичной и важной частью этого мира, а также принадлежал к романскому (наследующему римскому) миру средневековых и ренессансных городов-государств.

Если говорить о языковом репертуаре жителей Дубровника исследуемой эпохи, то подавляющая часть населения в XIV–XVI вв. владела по меньшей мере хорватским и в разной степени наречиями Италии (итальянский и/или венецианский). Образованные люди знали латынь, которая широко использовалась на письме. Литература дубровницкого Возрождения по большей части триязычна: один и тот же автор создает произведения на латыни, хорватском и итальянском языках. Марко Марулич, например, известен поэмой «Юдифь», написанной на хорватском языке, но он является также автором ряда латинских трактатов и по меньшей мере двух сонетов на итальянском.

В XIV–XV вв. и раньше можно говорить даже о наборе из четырех языков у некоторых говорящих: это нобили, владевшие далматинским, хорватским, латинским и итальянским. Однако в большинстве случаев речь идет о неполном владении несколькими языками, наблюдается довольно строгое функциональное разграничение между разными идиомами. Рассмотрим, какое место занимали основные языки Дубровника в лингвистической ситуации XIV–XVI вв.

3. Хорватский язык в Дубровнике

Говорили дубровчане в основном на хорватском языке, который появился на Адриатике после прихода южных славян на эти земли в VII в. Изначально славяноязычными были жившие за городскими стенами крестьяне. По мере славянизации хорватский язык проникал в город,

число его носителей увеличивалось, а к концу XV в. он распространился среди торгового и аристократического сословия, в том числе и среди лиц неславянского происхождения.

Современники-итальянцы обозначали славянский язык Далмации как lingua schiava, по латыни lingua sclavonica, а также lingua dalmatina, sermo barbari ‘варварское наречие’. Кроме того, сами носители использовали словосочетание «наш язык». В комедии «Дундо Марое» появляется слово našjenac, то есть, ‘наш, свой’. Оно объединяет говорящих на славянском языке, разделенных территориально и политически.

К началу XIV в. хорватский язык представлял собой диалектный континуум, по большей части никак не кодифицированный и не зафиксированный в письменной форме. По поводу диалектной основы славянского говора Дубровника ведутся споры: чакавская или штокавская. Эти термины используются в славистике для разграничения групп диалектов хорватского и сербского языков и получили свои названия по форме слова «что» в разных диалектных группах. Большинство ученых все же сходится на том, что исконной в Дубровнике является штокавщина [Vulić, 2016].

Что касается функций и сферы употребления хорватского, то в Дубровнике он долгое время был исключительно языком устного общения, который пришел на смену далматинскому. Собственно дубровницкий хорватский включал в себя немало венецианских и итальянских заимствований, использование которых определялось особенностями коммуникативной ситуации.

С расцветом движения дубровницких гуманистов появляются художественные тексты, переводы европейских авторов, и хорватский становится языком ренессансной литературы. Развивая родной язык, хорваты ориентируются на итальянских авторов и гуманистов. Формируется очищенный, не очень близкий к устной речи идиом на новоштокавской основе, прообраз будущего литературного языка.

Среди итальянцев Дубровника многие владели хорватским или хотя бы понимали его и использовали в общении. Это подтверждают свидетельские показания из нотариальных судебных реестров, где приводится хорватская речь слуг, переданная их хозяином-итальянцем. Например, в реестре 1284 г. есть собственноручная запись на латыни итальянца Микеле ди Джердузиа о том, что он услышал, как по-славянски кричат «Я ранен!». Или, например, в записи 1285 г., некий Adamus trivisanus de Castro Franco, родственник венецианского графа, сообщает, что во время конфликта в городе кто-то кричал на хорватском. Причем фраза записана так, как она произносилась: «Podhi s Bogo!» ‘Иди с Богом!’ (цит. по: [Dotto, 2008: 24]).

Таким образом, можно утверждать, что не только жители Дубровника, говорившие на хорватском, знали романские языки, но и итальянцы, волею судеб оказавшиеся в Дубровнике, ориентировались в славянском наречии.

4. Далматинский язык

До прихода славян жители Дубровника говорили на местном романском идиоме. В латинских документах он именуется lingua ragusana, lingua ragusana vetus [Vuletić et al., 2019]. Далматинский – общее название для романских идиомов, развившихся в Далмации как спонтанное и непосредственное продолжение латыни [Нарумов, 2005: 266]. Эта формулировка услово объединяет в один язык довольно отличные друг от друга сущности. Нет четко очерченных временных и пространственных рамок, определяющих далматинский. Вопрос о месте его в классификации романских языков остается дискуссионным, равно как и вопрос о его разновидностях, и мы его затрагивать не будем. Отметим, что кроме северной (вельотской) и южной (дубровницкой/рагузинской) выделяют также центральную разновидность (говоры Задара, Сплита, Трогира, Раба, Осора). Эти идиомы, по-видимому, исчезли еще в XI–XII вв. [Нарумов, 2005], за исключением задарского, который использовался до начала XV в. Вельотский просуществовал на острове Крк (итал. Veglia) до конца XIX в. и известен по работам М. Бартоли, который и ввел в оборот термин «далматинский язык» [Bartoli, 1906]. Мы сосредоточимся именно на дубровницком (или рагузинском) варианте, который является менее изученным.

Далматинский Дубровника был языком узкой социальной прослойки нобилей, его немногочисленные носители были членами самых благородных семей Дубровника и потомками латиноговорящих жителей Далмации, поселившихся там до славянизации VII в. Со временем из устного языка семьи он превратился в язык местных органов управления, который использовался во время собраний. Однако мысль о происхождении от древних римлян таким образом распространилась на всю далматинско-дубровницкую славянскую культуру. Популярной практикой было сочинение генеалогического древа, когда дубровницкий славянский род возводился к одной из великих личностей Древнего Рима.

Важным источником сведений об использовании далматинского языка является сочинение «Situs, aedificiorum, politiae et laudabilium consuetudinum inclitae civitatis Ragusii ad ipsius Senatum descriptio» Филиппо де Диверсиса, уроженца Лукки, который в 1434–1440 гг. преподавал в Дубровнике. Он пишет: «In prescriptis omnibus consiliis et offitiis civilium et criminalium oratores, seu arrengatores advocati iudices et consules legis statuto latine loquuntur, non autem sclave, nec tamen nostro idiomate italico, in quo nobiscum phantur et conveniunt, sed quodam alio vulgari ydiomate eis speciali, quod a nobis Latinis intelligi nequit, nisi aliqualis immo magna eiusmodi loquendi habeatur saltim audiendo consuetudo, panem vocant pen, patrem dicunt teta, domus dicitur chesa, facere fachir, et sic de caeteris, quae nobis ignotum ydioma parturiun» (цит. по: [Dotto, 2008: 26]). ‘Во всех Советах и учреждениях ораторы, судьи и адвокаты, а также стороны как в

гражданских, так и в уголовных процессах, следуя установленным законам, говорят по-латыни, а не по-славянски, но употребляют они не наш итальянский, на котором они говорят с нами, а другой народный говор, им свойственный, который мы, латиняне, понять не в силах и на котором мы не можем говорить, если у нас нет прочной привычки. Хлеб они называют pen, отца – teta, дом – chesa, «делать» у них – fachir и так далее со многими другими словами, поэтому их язык кажется нам совсем непонятным'. Важно, что де Диверсис четко определил функции далматинского как языка административного и официального. Итальянец воспринимал древний язык Дубровника как родственный латинскому и итальянскому, но иной, непонятный.

Сохранилось два постановления дубровницкого Сената от 5 февраля и 21 декабря 1472 г., закрепляющие использование далматинского. Оба раза рассматривался вопрос о том, чтобы допустить использование в Сенате хорватского и итальянского языков, однако дважды было решено оставить ситуацию прежней, т.е. пользоваться только lingua vetus ragusea 'старым дубровницким языком' [Muljačić, 2000: 427]. Протоколы собраний велись на латыни, но в устной форме далматинскому был придан административный статус.

Таким образом, в Дубровнике далматинский выполнял роль статусного, социально престижного языка, его употребление носило оттенок социальной избранности. Если судить по документам Сената, язык был важен дубровницкому патрициату для сохранения самоидентичности и составлял ее часть. Но возникновение потребности в его закреплении свидетельствует о том, что язык почти перестал использоваться.

Отметим важность далматинского для укрепления языковых контактов хорватского с романскими языками: далматинский выступил в качестве субстрата и подготовил почву для более легкого усвоения итальянских и новых латинских заимствований [Kalogjera, 2015: 357].

Итог использованию далматинского в Дубровнике подводит Элио Лампридио Черва (Илия Цириевич), дубровницкий гуманист и писатель (1463–1520): «…nam adhuc reliquiae quaedam et vestigia romani sermonis apud nos extant et patrum memoria omnes nostri progenitores et publice et privatim romanam linguam, quae nunc penitus obsolevit, loquebantur, et me puero memini nonnullos senes romana lingua, quae tunc Rhacusaea dicebatur, causas actitare solitos; quibus indiciis constat nostrum genus in Romanos procul dubio esse referendum» (цит. по:[Bartoli, 1906: 139]). '…в нашей памяти еще живут следы и остатки романского языка, на котором наши предки говорили и в обществе, и дома, сейчас этот язык уже совсем не используется. Я помню, как мальчиком слышал, что старики обсуждают что-то на романском языке, который тогда называли рагузинским. Из этого видно, что мы несомненно происходим от римлян'.

В пьесе М. Држича можно обнаружить некоторые формы в итальянской речи персонажей-дубровчан, в которых, возможно, прослеживается влияние уже угасшего далматинского: *voštarija*

‘трактир’ из итал. *osteria* с характерной для далматинского протезой *v-*. Кроме того, далматинизмами можно назвать слова, сохранившие группу согласных *pl-* в начале слова: *Placa* ‘Плаца’ (городской топоним), *placari* ‘торговцы-мошенники’, *plakijer* ‘удовольствие’. К далматинскими чертам также можно отнести отсутствие палатализации *k* и *g* перед *i, e*: *galatina* ‘холод’ (ср. ит. *gelatina*), *plakijer* ‘удовольствие’ (ср. ит. *piacere*) и сохранение группы *-mn-* в слове *dumna* ‘монахиня’ (ср. лат. *domina*) [Репина и др., 2001: 685].

Таким образом, далматинский язык в Дубровнике умер к концу XV в. [Muljačić, 2000: 83]. Среди возможных причин его исчезновения можно назвать изолированность социальной группы дубровницкой аристократии и немногочисленность носителей по сравнению с носителями других языков, особенно хорватского. С XIII в. аристократам все чаще приходится жениться на хорватскоговорящих женщинах и хорватский постепенно становится языком семьи [Metzeltin, 1992: 319]. Эпидемии чумы (начиная с XIV в.) и катаклизмы (землетрясения) также способствовали сокращению коренного населения среди горожан.

5. Языковые традиции Италии: венецианский и тосканский в Дубровнике

Итальянская лингвистическая традиция объединяла, с одной стороны, диалект Венеции, относящийся к северной группе диалектов Италии, и, с другой стороны, находившийся в процессе распространения и утверждения литературный итальянский на тосканской, т.е. центрально-итальянской основе.

Связь с Италией была многолика. Это и торгово-экономические связи, и заметное по сей день влияние в архитектуре, и безусловная авторитетность итальянской средневековой и ренессансной литературы. Близость Италии и Далмации отражается и в топонимах: у большей части островов и городов Далмации двойные итальянско-хорватские названия.

Культура и язык Италии обладали высоким престижем и составляли часть идентичности образованных дубровчан. Аристократы отправляли сыновей на учебу в итальянские университеты, чаще всего в Падую. Многие из них позже становились там преподавателями. Наряду со славянскими именами и фамилиями гуманисты использовали и итальянские: Марин Држич и Марино Дарса, Илия Цириевич и Элио Лампридио Черва. В комедии «Дундо Марое» есть героиня, которая из соображений престижа выдает себя за итальянку, скрывая свое славянское происхождение.

Итальянский язык именуется *toškano* ‘тосканский’ или *latinski* ‘латинский’, это говорит о том, что и общеитальянский стандарт еще не до конца утвердился и идиом на тосканской основе пока не воспринимается как язык всей Италии.

Использование итальянского языка в художественных произведениях, созданных на территории Дубровника и Далмации, имеет определенную жанровую окраску: по-итальянски писались в основном поэтические произведения, особенно сонеты, создававшиеся в русле петраркистской традиции.

Наравне с итальянским, языком культуры, литературы и церкви, в Дубровнике использовалась латынь. Она была закреплена за жанрами трактата и теологических сочинений, а также употреблялась в богослужении. В Дубровнике были латинские школы, где преподавал и упомянутый выше Филиппо де Диверсис. Итальянский язык и латынь сосуществовали в образовательной и в административной сферах.

Немногочисленные аристократы, имевшие доступ к итальянским университетам, владели латинским и итальянским на высоком уровне, но родным языком у них был хорватский (ранее далматинский). В торговой сфере активно использовался итальянский, причем дубровницкие крупные торговцы скорее всего пассивно владели венецианским диалектом, используя более литературную форму языка. Для мелких торговцев и крестьян родным был также хорватский язык, но при контактах с покупателями или местными властями некоторое знание итальянского им было необходимо. Произведения М. Држича свидетельствуют о том, что итальянским языком владели даже слуги, по крайней мере они понимали его [Kalogjera, 2015: 355]. Широкому распространению итальянского языка способствовало постоянное присутствие носителей в городе, а также далматинский романский субстрат. По пьесам М.Држича мы видим, что итальянские вкрапления были органичной частью городского идиома Дубровника [Sočanac, 2004].

Языковой репертуар различался не только в зависимости от социального положения, но и от гендера. Итальянским языком лучше владели мужчины, а женщины говорили на хорватском языке, однако встречались и исключения.

Сильно было и венецианское влияние, но оно было более ограничено. Венецианский был языком устного общения и интенсивно использовался в сфере торговли, корабельного и военного дела, являясь lingua franca всего Средиземноморья (так называемый *veneziano de là da mar* ‘заморский венецианский’) [Folena, 1968–1970]. Он усваивался торговцами и моряками через погружение в языковую среду, без школьного образования [Bidwell, 1967]. Показательно, что в комедии «Дундо Марое» венецианские элементы появляются в речи морехода с острова Лопуд, постоянно контактировавшего с венецианскими моряками.

Венецианизмы в комедии М. Држича выглядят социально маркированными, они появляются в речи слуг Петруньелы и Бокчило [Thomas, 2000]. Находясь в Риме, они пытаются говорить на том наречии Италии, которое слышали на родине, что подтверждает устное

взаимодействие славяноговорящих жителей именно с венецианским. Более того, можно предположить, что именно из-за венецианизмов в речи Петруньелы (венецианская форма глагола «быть» *xe*) в ней узнают *našijenku*, т.е. «нашу», славянку с Адриатики: «Petrunjela: *Xe mia signora, misser*. ‘Это моя синьора, мессир’ – Vlaho: *Ovo para našijenka!* ‘Эта, видно, наша’».

Некоторые венецианские элементы сохранились в дубровницких документах на латинском языке и итальянском (scriptae venezianeggianti) [Dotto, 2008]. Надо сказать, что, несмотря на господство на Адриатике, Венеция никогда не проводила политики венецианизации славянского населения и не препятствовала использованию хорватского.

Итальянская (тосканская) письменная литературная традиция, оформившаяся в XIV в., оказалась более значимой и авторитетной для Дубровника. Венецианские элементы довольно быстро растворились в ней. В Далмации, как и в Италии, происходит постепенное распространение общеитальянского письменного языка на тосканской основе.

6. Смешанные формы речи и языковая интерференция

В анализируемой пьесе М. Држича славяне используют итальянский язык не только для общения с теми, кто не владеет хорватским, но и разговаривают на нем между собой. Точнее, они часто здороваются по-итальянски и вставляют отдельные итальянские слова или фразы. М. Решетар делает вывод, что в то время «nema sumnje da je to zbilja bila obična stvar» ‘это, без сомнения, было обычным делом’ [Rešetar, 1933: 119].

Разные персонажи комедии уверенно вплетают в славянскую речь итальянские обращения: *signor(a)/sinjor(a)* ‘синьор(а)’, *misser* ‘мессир’, *padrona mia* ‘моя госпожа’; этикетные фразы, приветствие и прощание: *bon giorno* (*alla signoria vostra*) ‘добрый день’; *siate il ben vegnuo* ‘добро пожаловать’, *ben trovato* ‘рад встрече’, *che (bone) nove?* ‘какие новости?’; восклицания: *oršu!* ‘вперед’, *giuraddio!* ‘Богом клянусь!’, *l’è fatta!* ‘все пропало!’, *bestro!* ‘черт!’; устойчивые обороты: *per amor de Dio* ‘ради Бога’ и т.д.

Мы уже отметили многоязычие дубровницкой литературы и распределение языков по жанрам, но интенсивные языковые контакты в среде дубровчан приводили к созданию текстов, где нарочито смешивались славянский и романские языки, хотя в поэзии такое языковое разнообразие было редкостью. Приводим отрывок из стихотворения Орације Мажибрадича (ум. ок. 1620 г.), где смешение хорватского и итальянского сознательно используется как средство для достижения комического эффекта (итальянский и перевод с него выделен курсивом) (цит. по: [Saftich, 2012: 436]): *Marin mio amato,* mučno mi je bil’ dosta / *di non aver fatto* prije na tvu *risposta* / A tomu *cagione fu tempo contrario* / krivina moja ne, tako mi zdrav bio! ‘*Марин мой*

любимый, я мучался так сильно, что на [письмо] твое *не написал ответа*, а тому *причиной было ненастье*, я ни при чем, тебе здоровья!’

Контакты славян с венецианским и итальянским языками нашли отражение и в форме так называемого schiavonesco – гибридного языка, объединявшего славянские и романские формы и пародировавшего речь славян [Giudice, 2015]. Schiavonesco появлялся в шуточных стихах и в комедиях в Венеции XVI в. При всей литературной условности, он отражал лингвистические процессы, которые происходили в реальности в многоязычном пространстве по обоим берегам Адриатики, в том числе и в Дубровнике. Schiavonesco – это венецианская языковая реалия, отсылавшая в целом к речи славян с восточного побережья Адриатики. Но среди актеров, подвизавшихся в Венеции, дубровчан было немало. Упомянем известного комедианта Дзуана Поло Лиомпарди (Ивана Павловича) (первая половина XVI в.). В шуточном монологе он рассказывает, что родился и вырос в Рагузе (цит. по: [Crestomaţie romanică, 1962: 205–206]): *Vero che san nasio dentrol Raguxi* / *e reliuato fin trenta quatro anni,* / *miol padre in quel logo ieral Duxi* / *e chiamaua Sdrouichio miser Zuuãni* ‘Я родился в Рагузе и жил там до тридцати четырех лет, / мой отец был там правителем / и звали его Здровиккьо мессер Дзуан’. Далее сообщается, что персонаж учился в Падуе, изучал Данте, Петрарку и флорентийцев, но говорить умеет лишь на смешанном языке, за что и извиняется.

В этом тексте присутствует большое количество венецианских особенностей, которые перемешиваются с фонетическими и морфологическими характеристиками специфического романского идиома Дубровника. Далеко не все исследователи считают, что Дзуан Поло был из Дубровника; есть точка зрения, что он был венецианцем, удачно воплотившим шутовской персонаж дубровчанина [Giudice, 2014: 16]. Но и такая ситуация подтверждает, что в Дубровнике многие понимали веницианский и итальянский языки и владели ими, а венецианцы знали о языковом узусе дубровчан.

О контактах языков в Дубровнике свидетельствует славянско-романская языковая интерференция, широко представленная в речи персонажей пьесы М. Држича. Наиболее интенсивно хорватско-итальянская интерференция проявляется в переключении кодов, а также на морфологическом уровне. При заимствовании итальянские корни транслитерируются и включаются в систему формо- и словоизменения хорватского. У глаголов итальянский формант инфинитива *-re* заменяется славянским *-ti/-t*: от итал. *mancare* ‘не хватать’, *leggere* ‘читать’ *contare* ‘считать’ образуются хорватские инфинитивы *manjkati, legati, kontati* и др. Возвратные глаголы приобретают неизменяемый хорватский возвратный компонент *se*. Взамен флексии *-o* появляется нулевая, поскольку в хорватском именно она служит показателем мужского рода:

fastidio > *fastidij* ‘помеха’, также *segno* > *senj* ‘знак, вывеска’; *consiglio* > *konselj* ‘совет’, *degno* > *denj* ‘достойный’ [Ljubičić, Kovačić, 2019: 32].

От итальянских корней образуются новые лексемы с помощью хорватских словообразовательных элементов: от итал. *briccone* ‘обманщик’ – хорв. *brikunanje* ‘вранье’; итал. *magia* ‘колдовство’ – хорв. *zamadžijan* ‘зачарованный’; от итал. *desviare* ‘сворачивать с правильного пути’ – *dezvijan* ‘заблудший, сбившийся с правильного пути’.

В речи героев комедии, носителей хорватского языка, возникают кальки итальянских синтаксических конструкций. Так, используется свойственная романским языкам конструкция accusativus cum infinitivo при глаголах чувственного восприятия: хорв. *čujem našijem jezikom govorit* ‘букв. я слышу на нашем языке говорить’ аналогично итал. *sentire qualcuno fare qualcosa* ‘слышать, как кто-то что-то делает’. Правильно было бы *čujem kako našijem jezikom govore* ‘я слышу, как говорят на нашем языке’.

По итальянскому типу строится и каузативная конструкция (fare qualcuno fare qualcosa, глагол «делать» в значении ‘заставлять’): *zaboravih i da čini donijet drugu peču demaškina bijela* ‘я забыла, что нужно сказать, чтобы он принес еще отрез белого дамасского шелка’. Здесь *da čini donijet* букв. ‘чтобы он сделал (заставил его) принести’ – калька с итальянского [Malinar, 2006: 306]. Каузативное значение глагола *činiti* ‘делать’ нехарактерно для хорватского.

Некоторые хорватские предлоги приобретают значения итальянских, т.е. происходит взаимодействие на семантическом уровне. Причиной, позволившей нам прийти к этому выводу, является частотность предложных конструкций [Kalogjera, 2015: 359]. Это видно по употреблению предлога *od,* который часто используется в значении родительного падежа: *s usmi od zmaja* ‘с драконьим ртом’; *kuća od sinjore Laure* ‘дом синьоры Лауры’; *prva kortidžana od Rima* ‘первая куртизанка Рима’; *obraz od dobra čovjeka* ‘вид хорошего человека’. Для хорватского достаточно было бы использовать падежную форму, избыточный предлог выступает аналогом итальянских *di* или *da*, необходимых в языке, лишенном падежей.

Дополнительные значения приобретает предлог *za*. Он часто используется в сочетании с инфинитивом в значении ‘чтобы’, подобно итальянскому предлогу *per*: *za vratit se* ‘чтобы вернуться’ (итал. *per tornare*); *za iskat* ‘чтобы искать’ (итал. *per cercare*) и т.д.

В некоторых итальянизмах итальянский корень узнаваем, однако лексема полностью освоена хорватским, значение выражения не равно сумме значений составляющих его лексем: *na prješu* ‘быстро’ (от итал. *presto* ‘быстро’); *kako je njegovo užano rijet mi* ‘как он обычно мне говорит’ (итал. *usare* ‘постоянно делать, постоянно использовать’); *ma sam zaljezao u veliku konsideracijon* ‘я задумался’ (сохраняется женский род, как у итальянского существительного *considerazione*).

По мнению Д. Калогьеры [Kalogjera, 2015: 357], итальянизмы могли служить показателем социального статуса, знаком принадлежности к престижной группе.

Встречаются и заимствования из венецианского: *zanze* ‘болтовня, глупости’, чему в итальянском соответствует *ciance*; *sion* > *šijun* ‘ураган’; *mezalin* > *medzalin* ‘мелкая монета’; *rodela* > *rudela* ‘круглый щит’.

7. Заключение

В заключение можно выделить четыре основных фактора, подготовивших языковую ситуацию в Дубровнике XIV–XVI вв. Во-первых, это романизация (I в. до н.э.), в результате которой на территории Далмации появилось романоязычное население. Во-вторых, это славянизация (с VII в.): приход южнославянского племени хорватов на побережье Адриатики обусловил последующее господство хорватского языка. В-третьих, политическое и культурное влияние Венецианской республики. И в-четвертых, это влияние итальянской литературно-языковой традции на тосканской диалектной основе.

Рассмотрев социолингвистическую ситуацию в Дубровнике XIV–XVI вв., мы можем охарактеризовать ее следующим образом. В устной речи используется дубровницкий городской говор: хорватский идиом с большим количеством итальянских (тосканских и венецианских) и латинских заимствований. Далматинский субстрат облегчает освоение романских элементов. Большинство говорящих многоязычны: родным и первым языком является хорватский, образованные люди знают итальянский и латинский на разном уровне (многие учатся и живут в Италии), остальные горожане владеют этими языками по меньшей мере пассивно. Латинский и итальянский являются языками культуры и документации, преподаются в школах. К XVI в. формируется трехъязычная ренессансная литературная традиция на хорватском, латинском и итальянском. Венецианский используется в устной речи, в основном в сфере торговли, морского и военного дела, воспринимается из устных источников. Далматинский, язык узкой аристократической прослойки, перестает быть языком семьи и становится языком собраний в Сенате, а к концу XV в. исчезает вовсе.

Корпус письменных текстов в Дубровнике XIV–XVI вв. предстает следующим образом: деловая письменность на итальянском (тосканский с венецианскими включениями, возможны некоторые следы далматинского влияния) и на латыни; научные и религиозные тексты – на латыни; с XV в. художественные тексты – на хорватском, многие на штокавском идиоме, есть и чакавско-икавские тексты; наконец тексты, близкие к устному языку, где отражено лингвистическое разнообразие. Дополнительные элементы языковой ситуации связаны с

присутствием в Дубровнике общин иностранцев: евреев, турок, греков, языки которых вносили свой оттенок в лингвистическую картину города.

Литература

Акимова О.А. (1997) Литература Хорватии, Далмации, Дубровника // История литератур западных и южных славян. Т. 1. От истоков до середины XVIII века. М.: Индрик. С. 711–775.

Дробышева М.Н. (2008) Развитие культуры в эпоху Возрождения в Дубровнике // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. № 4. С. 209–214

Нарумов Б.П. (2005) Далматинский ареал в современном романском языкознании // XV ежегодная Богословская конференция 2005 г. Материалы. Т. II. М.: ПСТГУ. С. 265–271.

Репина Т.А., Нарумов Б.П. (2001) Далматинский язык // Языки мира: Романские языки. М.: Academia. С. 681–694.

Челышева И.И. (2020) Историческая социолингвистика: Границы и возможности: (На материале романских языков) // Социолингвистика. № 4. С. 8–20.

Bartoli, M. (1906). Das Dalmatische: Altromanische Sprachreste von Veglia bis Ragusa und ihre Stellung in der Apennino-Balkanischen Romania. Wien: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften. 856 p.

Bidwell, C.E. (1967) Colonial Venetian and Serbo-Croatian in the Eastern Adriatic: A Case Study of Languages in Contact // General Linguistic. 7. Pp. 13–30.

Dotto, D. (2008) Scriptae venezianeggianti a Ragusa nel XIV secolo [Venetian-style scripts in Ragusa in the 14th century]. Roma: Viella. 144 p.

Držić, M. (1991) Dundo Maroje. Novela od Stanca // Dundo Maroje. Zagreb: Školska knjiga. Pp. 53–197.

Folena, G. (`1968–1970) Introduzione al veneziano de là da mar // Bollettino dell'Atlante linguistico mediterraneo. No. 10–12. Pp. 331–376.

Giudice, A. (2014) Un contributo allo studio del linguaggio “schiavonesco”: Edizione commentata e analisi linguistica del “Testamento” di Zuan Polo e degli “strambotti” alla 'schiavonesca'. Padova:Università di Padova. Available at: http://dspace.unive.it/bitstream/handle/10579/4889/821752-1173215.pdf?sequence=2 . Access date: 5.01.2024.

Giudice, A. (2015) Lo schiavonesco a Venezia: Tra parodia e realtà // Dialetto parlato, scritto, trasmesso. A c. di G. Marcato. Padova: CLEUP. Pp. 141–149.

Harris, R. (2006) Dubrovnik: A history. L.: Saqi Books. 505 p.

Hrvatska enciklopedija (2021) / Leksikografski zavod Miroslav Krleža. Available at: https://www.enciklopedija.hr/. Access date: 04.06.2021.

Kalogjera, D. (2015). Dvojezični učinak u Držića: (Sociolingvistički nacrt) // Višejezičnost kao predmet multidisciplinarnih istraživanja: Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenoga skupa Hrvatskoga društva za primijenjenu lingvistiku održanoga od 25. do 27. travnja 2014. u Zagrebu. Zagreb: Srednja Europa. Pp. 351–369.

Leksikon Marina Držića / Leksikografski zavod Miroslav Krleža, Dom Marina Držića. (2015). Available at: https://leksikon.muzej-marindrzic.eu/ Access date: 04.06.2021

Ljubičić, M., Kovačić, V. (2019) Prilagodba talijanskih pridjeva u dubrovačkom govoru Marina Držića // Filologija. No. 72. Pp. 31–58.

Malinar, S. (2002) Italiano e croato sulla costa orientale dell'Adriatico: Dai primi secoli all'Ottocento (I) // Studia Romanica et Anglica Zagrabiensia. No. 47–48. Pp. 283–310.

Metzeltin, M. (1988). Veneziano e italiano in Dalmazia // Lexikon der Romanistischen Linguistik. Vol. IV. Italienisch, Korsisch, Sardisch. Tübingen: Niermeyer. Pp. 551–569.

Metzeltin, M. (1992) La Dalmazia e l’Istria // L’italiano nelle regioni. Lingua Nazionale e identità regionali. Torino: UTET. Pp. 316–336.

Muljačić, Ž. (2000) Das Dalmatische: Studien zu einer untergegangenen Sprache. Köln; Weimar; Wien: Böhlau. 434 p.

Praga, G. (1954) Storia di Dalmazia. Padova: Cedam. 268 p.

Rešetar, M. (1933) Jezik Marina Držić // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. 248. Tisak nadbiskupske tiskare. Pp. 99–240. Available at: https://dizbi.hazu.hr/a/?pr=iiif.v.a&id=169936&tify={%22pages%22:[116,117],%22panX%22:1.016,%22panY%22:0.584,%22view%22:%22info%22,%22zoom%22:0.484 Access date:: 04.06.2021

Saftich, D. (2012) La questione dell'uso della lingua nella letatura della dalmazia nel periodo rinascimentale e barocco // Annali di Studi istriani e mediterranei: Istoria et sociologia. No. 2. Pp. 425–438.

Sočanac, L. (2004) Hrvatsko-talijanski jezični dodiri: S rječnikom talijanizama u standardnome hrvatskom jeziku i dubrovačkoj dramskoj književnosti. Zagreb: Nakladni zavod Globus. 404 str.

Thomas, G. (2000) A diachronic approach to sociolinguistics: Language use in selected plays from Croatia // History and Perspectives of Language Study: Papers in Honor of Ranko Bugarski. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins publishing company. Pp. 235–256.

Vuletić, N. Dotto, D. Il veneziano in Dalmazia e a Dubrovnik/Ragusa fino al XVIII secolo: Per la storia di uno spazio comunicativo // Lo spazio comunicativo dell'Italia e delle varietà italiane / a cura di Thomas Krefeld, Roland Bauer. – Korpus im Text, Serie A, 14384, 2019. Available at: http://www.kit.gwi.uni-muenchen.de/?p=14384&v=1. Access date: 04.09.2024.

Vulić, S. Jezična previranja u dubrovačkoj renesansnoj književnosti. Available at: https://hrcak.srce.hr/157724. Access date: 04.06.2021.

References

Akimova, O.A. (1997) Literatura Horvatii, Dalmatsii, Dubrovnika [Literature of Croatia, Dalmatia, Dubrovnik] // Istoria literatur zapadnyh i juzhnyh slavjan. T. 1. M.: Indrik. Pp. 711–775. (In Russ.)

Drobysheva, M.N. (2008) Razvitie kultury v epohu Vozrozhdenija v Dubrovnike [Renaissance Culture in Dubrovnik] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija. No. 4. Pp. 209–214. (In Russ.)

Narumov, B.P. (2005) Dalmatinskij areal v sovremennom romanskom jazykoznanii. XV ezhegodnaja Bogoslovskaja konferentsija 2005 g [The Dalmatian area in modern Romanesque language. XV Ethereum Bogoslovsk Conference 2005]. Materials. T. II. M.: PSTGU. Pp. 265–271. (In Russ.)

Repina, T.A., Narumov, B.P. (2001) Dalmatinskij jazyk [Dalmatian language] // Languages of the World: Romance Languages. M.: Academia. Pp. 681–694. (In Russ.)

Chelysheva, I. I. (2020) Istoricheskaja sotsiolinguistika: Granitsy i vozmozhnosti: Na materiale romanskih jazykov [Historical sociolinguistics: Opportunities and constraints: Based on the romance languages] // Sociolinguistics. No. 4. Pp. 8–20. (In Russ.)

Bartoli, M. (1906). Das Dalmatische. Altromanische Sprachreste von Veglia bis Ragusa und ihre Stellung in der Apennino-Balkanischen Romania [Dalmatian. Old Romance language remains from Veglia to Ragusa and their position in the Apennino-Balkan Romania]. Vienna: Imperial Academy of Sciences. 856 p. (In Germ.)

Bidwell, C.E. (1967) Colonial Venetian and Serbo-Croatian in the Eastern Adriatic: A Case Study of Languages in Contact // General Linguistic. 7. Pp. 13–30.

Dotto, D. (2008) Scriptae venezianeggianti a Ragusa nel XIV secolo [Venetian-style scripts in Ragusa in the 14th century]. Rome: Viella. 144 p. (In Ital.)

Držić, M. (1991) Dundo Maroje. Novela od Stanca [Dundo Maroje. Novel from Stanac] // Dundo Maroje. Zagreb: School book. Pp. 53–197. (In Croat.)

Folena, G. (`1968–1970) Introduzione al veneziano de là da mar // Bollettino dell'Atlante linguistico mediterraneo [Introduction to Venetian de là da mar // Bulletin of the Mediterranean Linguistic Atlas]. No. 10–12. Pp. 331–376. (In Ital.)

Giudice, A. (2014) Un contributo allo studio del linguaggio “schiavonesco”. Edizione commentata e analisi linguistica del “Testamento” di Zuan Polo e degli “strambotti” alla 'schiavonesca' [A contribution to the study of the “schiavonesca” language. Annotated edition and linguistic analysis of the “Testament” of Zuan Polo and the “strambotti” alla 'schiavonesca']. Padua: University of Padua Available at: http://dspace.unive.it/bitstream/handle/10579/4889/821752-1173215.pdf?sequence=2 Access date: 5.01.2024

Giudice, A. (2015) Lo schiavonesco a Venezia: Tra parodia e realtà. Dialetto parlato, scritto, trasmesso. A c. di G. [Schiavonesco in Venice: Between Parody and Reality. Spoken, Written, and Transmitted Dialect. Edited by G. Marcato]. Padova: CLEUP. Pp. 141–149. (In Ital.)

Harris, R. (2006) Dubrovnik: A history. L.: Saqi Books. 505 p.

Hrvatska enciklopedija [Croatian encyclopedia] (2021) Leksikografski zavod Miroslav Krleža [Lexicographic Institute Miroslav Krleža]. Available at: https://www.enciklopedija.hr/ Access date: 04.06.2021). (In Croat.)

Kalogjera, D. (2015). Dvojezični učinak u Držića (sociolingvistički nacrt) // Višejezičnost kao predmet multidisciplinarnih istraživanja: Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenoga skupa Hrvatskoga društva za primijenjenu lingvistiku održanoga od 25. do 27. travnja 2014. u Zagrebu [The bilingual effect in Držić (sociolinguistic draft) // Multilingualism as a subject of multidisciplinary research: Proceedings of the international scientific meeting of the Croatian Society for Applied Linguistics held from April 25 to 27, 2014 in Zagreb]. Zagreb: Srednja Europa. Pp. 351–369. (In Croat.)

Leksikon Marina Držića. Leksikografski zavod Miroslav Krleža, Dom Marina Držića [Lexicon of Marin Držić. Miroslav Krleža Lexicographic Institute, Home of Marin Držić]. (2015). Available at: https://leksikon.muzej-marindrzic.eu/ Access date: 04.06.2021) (In Croatian)

Ljubičić, M., Kovačić, V. (2019) Prilagodba talijanskih pridjeva u dubrovačkom govoru Marina Držića [Adaptation of Italian adjectives in Dubrovnik speech by Marin Držić] // Filologija. No. 72. Pp 31–58. (In Croat.).

Malinar. S. (2002) Italiano e croato sulla costa orientale dell'Adriatico: Dai primi secoli all'Ottocento (I) [Italian and Croatian on the Eastern Adriatic Coast: From the Early Centuries to the Nineteenth Century (I)] // Studia Romanica et Anglica Zagrabiensia. No. 47–48. Pp. 283–310. Available at: https://hrcak.srce.hr/21019 Access date: 03.09.2024) (In Ital.)

Metzeltin, M. (1988) Veneziano e italiano in Dalmazia [Venetian and Italian in Dalmatia] // Lexicon of Romance Linguistics. Vol. IV. Italian, Corsican, Sardinian. Tübingen: Niermeyer. Pp. 551–569. (In Ital.)

Metzeltin, M. (1992) La Dalmazia e l’Istria. L’italiano nelle regioni // Lingua Nazionale e identità regionali [Dalmatia and Istria. Italian in the regions // National language and regional identities]. Turin. Torino: UTET. Pp. 316–336. (In Ital.)

Muljačić, Ž. (2000) Das Dalmatische: Studien zu einer untergegangenen Sprache [Dalmatian: Studies on a lost language]. Cologne; Weimar.; Vienna: Böhlau. 434 p. (In Croat.).

Praga, G. (1954) Storia di Dalmazia [History of Dalmatia]. Padua: Cedam. 268 p. (In Ital.)

Rešetar, M. (1933) Jezik Marina Držića // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. 248 p. Tisak nadbiskupske tiskare [The language of Marin Držić // Work of the Yugoslav Academy of Sciences and Arts. 248. Printing of the archbishop's printing house]. Pp. 99–240. Available at: https://dizbi.hazu.hr/a/?pr=iiif.v.a&id=169936&tify={%22pages%22:[116,117],%22panX%22:1.016,%22panY%22:0.584,%22view%22:%22info%22,%22zoom%22:0.484} Access date: 04.06.2021

Saftich, D. (2012) La questione dell’uso della lingua nella letteratura della Dalmazia nel periodo rinascimentale e baroccoю Annali di Studi istriani e mediterranei [The question of the use of language in Dalmatian literature in the Renaissance and Baroque periodю Annals of Istrian and Mediterranean Studies] // Istoria et sociologia. No 2. Pp. 425–438. (In Ital.)

Sočanac, L. (2004) Hrvatsko-talijanski jezični dodiri: S rječnikom talijanizama u standardnome hrvatskom jeziku i dubrovačkoj dramskoj književnosti [Croatian-Italian language contacts: With

a dictionary of Italianisms in the standard Croatian language and Dubrovnik dramatic literature]. Zagreb: Globus publishing house. 404 p. (In Croat.)

Thomas, G. (2000) A diachronic approach to sociolinguistics: Language use in selected plays from Croatia // History and Perspectives of Language Study: Papers in Honor of Ranko Bugarsky. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. Pp. 235–256. (In Eng.)

Vuletić, N. Dotto, D. (2019) Il veneziano in Dalmazia e a Dubrovnik/Ragusa fino al XVIII secolo: Per la storia di uno spazio comunicativo. Lo spazio comunicativo dell'Italia e delle varietà italiane / a cura di Thomas Krefeld, Roland Bauer. – Korpus im Text, Serie A, 14384 [Venetian in Dalmatia and Dubrovnik/Ragusa until the 18th century: For the history of a communicative space. The communicative space of Italy and of the Italian varieties / edited by Thomas Krefeld, Roland Bauer. – Korpus im Text, Serie A, 14384]. Available at: http://www.kit.gwi.uni-muenchen.de/?p=14384&v=1. Acess date: 04.09.2024. (In Ital.)

Vulić, S. (2016) Jezična previranja u dubrovačkoj renesansnoj književnosti [Linguistic turmoil in Dubrovnik Renaissance literature] // Colloquia Maruliana XXV. Pp. 229–258. Available at: https://hrcak.srce.hr/157724. Acess date: 04.06.2021. (In Croat.)

Путилина Ульяна Андреевна – магистрант университета Ка' Фоскари, Венеция, Италия
https://orcid.org/0009-0007-3120-1146
Адрес: 30121, Италия, Венеция, Каннареджо, 2409
Эл. адрес: pulja99@yandex.ru

Челышева Ирина Игоревна – доктор филологических наук, профессор, зав. отделом индоевропейских языков Института языкознания РАН.
https://orcid.org/0000-0003-4467-4974
Адрес: 105009 Россия, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1/12.
Эл. адрес: chelirin@gmail.com

Putilina Ulyana Andreevna – master's student at Ca' Foscari University, Venice, Italy
https://orcid.org/0009-0007-3120-1146
Address: Cannaregio 2409, Venice, Italy, 30121
E-mail: address: pulja99@yandex.ru

Chelysheva Irina Igorevna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Indo-European Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.
https://orcid.org/0000-0003-4467-4974
Address: Bolshoy Kislovsky per. 1/12, Moscow, Russia, 125009
E-mail: chelirin@gmail.com

Для цитирования: *Путилина У.А., Челышева И.И.* Реконструкция языковой ситуации в Дубровнике XIV–XVI вв.: Романско-славянские контакты // Социолингвистика. 2024. № 3 (19). С. 63–81. DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-63-80

For citation: *Putilina, U.A., Chelysheva, I.I.* Reconstruction of the language situation in Dubrovnik in the 14th–16th centuries: Romanic-Slavic contacts // Sociolingvistika. 2024. No. 3 (19). Pp. 63–81. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-63-80

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 11.01.2024;
approved after reviewing 19.06.2024;
accepted for publication 20.08.2024.

УДК 811.161.1 DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-81-96

МАЛЫЕ БАЛКАНО-РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ: СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Марилена Лавра
Отдел образования Посольства Итальянской Республики в Москве, Италия

Екатерина А. Семёнова
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
Российская Федерация

Ольга Ю. Школьникова
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
Российская Федерация

Статья посвящена анализу малых балкано-романских языков: арумынского, меглено-румынского и истрорумынского – с точки зрения их современного социолингвистического статуса и перспектив их дальнейшего развития и существования. Социолингвистическая ситуация на территориях проживания носителей южных балкано-романских идиомов, или малых балкано-романских языков, далека от идеальной. Традиционно румыны рассматривают их как диалекты румынского языка, что пагубно отражается на сознании говорящих на южнодунайских романских наречиях. Пройдя долгий исторический путь, данные идиомы приобрели достаточно характеристик, разительно отличающих их от современного румынского языка в лингвистическом плане. Более того, территориально данные идиомы никак не связаны ни со средневековыми валашскими княжествами, ныне сформировавшими государство Румыния, ни с современной Румынией. Являясь островками оставшейся на Балканах латыни, эти малые балкано-романские идиомы в настоящий момент представляют собой отдельные, самостоятельные языковые единицы. Упоминаются основные исследования данных идиомов. Представлен анализ некоторых периодических и научных изданий, созданных на этих малых языках. Приводятся некоторые статистические данные. Особое внимание уделено социолингвистической ситуации, по-разному складывающейся вокруг каждого из трех идиомов, включая описание сфер употребления, а также средств изучения и популяризации.

Ключевые слова: *малые балкано-романские языки, социолингвистическая ситуация, Румыния, арумынский язык, меглено-румынский язык, истрорумынский язык*

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© М. Лавра, Е.А. Семёнова, О.Ю. Школьникова, 2024

MINOR BALKAN ROMANCE LANGUAGES: MODERN SOCIOLINGUISTIC SITUATION

Marilena Lavra
Embassy of the Italian Republic in Moscow, Italy

Ekaterina A. Semenova
Moscow State «Lomonosov» University, Russian Federation

Olga Yu. Shkolnikova
Moscow State «Lomonosov» University, Russian Federation

The article is devoted to the analysis of the minor Balkan Romance languages – Arum, Meglen-Romanian and Istrorumin, from the point of view of their modern sociolinguistic status and prospects for their further development and existence. The sociolinguistic situation in the territories inhabited by speakers of the southern Balkan-Romance idioms, or minor Balkan-Romance languages, is far from ideal. Traditionally, Romanians view them as dialects of the Romanian language, which has a detrimental effect on the consciousness of speakers of the South Danube Romance dialects. Having gone through a long historical path, these idioms have acquired enough characteristics that strikingly distinguish them from the modern Romanian language in linguistic terms. Moreover, territorially, these idioms are in no way connected either with the medieval Wallachian principalities, which now formed the state of Romania, or with modern Romania. The main works on their study are mentioned, as well as scientists who collected folklore materials based on these idioms. The analysis of some periodicals and scientific publications created in these small languages has been carried out. Some statistical data are provided. Attention is paid to the history of the self-designation of the nationalities mentioned in the article, which indicates the Balkan-Romance community, which is the subject of discussion among many linguists. Special attention is paid to the sociolinguistic situation that develops differently around each of the three idioms, including the description of the spheres of use, as well as the means of study and popularization.

Keywords: *minor Balkan-Romance languages, sociolinguistic situation, Romania, Aromanian language, Megleno-Romanian language, Istro-Romanian language*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Marilena Lavra, Ekaterina A. Semenova, Olga Yu. Shkolnikova, 2024

1. Введение

Балкано-романские языки даже в лингвистическом плане представляют собой довольно сложное сообщество. Еще Фридрих Диц выделил восточно-романские языки как некое отдельное явление в рамках первой попытки классификации романских языков. Позднее, ввиду неравномерности такого распределения (ибо полноценным языком, представляющим восточную латынь, который обладал всей полнотой функций языка, оказался один лишь румынский, в противовес всем остальным, западно-романским, языкам), эта классификация несколько видоизменилась. На сегодняшний момент мы можем говорить о существовании балкано-романской подгруппы языков, куда входит румынский, а также так называемые малые балкано-романские языки: арумынский, мегленорумынский и истрорумынский. В рамках этой

классификации часто в балкано-романскую подгруппу добавляют также далматинский, однако с лингвистической точки зрения эта позиция не является правомерной: такие яркие отличительные черты балкано-романского региона, как постпозитивный определенный артикль, замена инфинитива в сложном глагольном сказуемом конъюнктивом, образование будущего времени от глагола volle, в далматинском не представлены. Ситуация с балкано-романскими языками является непростой еще и потому, что не все регионы их распространения территориально располагаются на Балканах (Румыния и Молдавия, т.е. основная зона распространения румынского языка, находятся севернее Балканского полуострова).

С точки зрения истории развития и становления балкано-романских языков картина тоже довольно неоднозначна. Территория современной Румынии, известная во времена Римской империи как провинция Дакия, была последней завоеванной Римом и первой оставленной ими же провинцией. Таким образом, романизация в этом регионе длилась всего около полутора веков, но ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что румынский язык является языком романским. Южнодунайские земли, являющиеся территорией проживания народов, говорящих ныне на арумынском, мегленорумынском и истрорумынском, пробыли в составе Римской империи до самого конца ее существования. Однако большинство территорий к югу от Дуная на современном этапе являются зонами так называемой утраченной Романии, где сохраняется лишь несколько островков романской речи.

С точки зрения социолингвистики мы можем утверждать, что, несмотря на все противоречия, регион все же изначально отличался неким единством. Носителей всех балкано-романских языков соседние народы называли влахами, что отражалось как в названии средневековых так называемых Валашских княжеств, представляющих собой современную Румынию и Молдавию, так и в современном самоназвании мегленорумын и истрорумын, а также в названии арумын, которое дали им соседние народы.

Кто такие влахи? Этимоном считается название кельтского народа вольков (walhos), упоминавшееся еще у Цезаря, Страбона и Птолемея как Volcae. Позже данный этноним приобрел значение «чужой». Интересно, что славянские народы переняли это слово уже с другим коннотатом: так начали называть романские народы в целом. Например, чехи еще в начале XX в. называли валахами итальянцев, а в польском языке восходящее к этому этимону слово Wlochy переводится как ‘Италия’. Старонемецкое слово Welschland обозначало Италию и Францию. А в современном немецком данное слово относится опять же к романским народам, обозначая франкоговорящую часть Швейцарии. На Балканах же и севернее Балкан данное название закрепилось за представителями балкано-романских наречий [Murnu, 1913: 14]. Так их называли все соседи – русские, южные славяне, греки и турки. Таким образом, несмотря на то, что балкано-романские народы представляют собой достаточно разрозненное с территориальной точки зрения

образование, их объединяет название, данное им соседними народами, видимо, изначально идентифицирующими их как носителей романской, «чужой» речи.

2. Малые балканские языки: современная социолингвистическая ситуация

Термин «малые балкано-романские языки» довольно точно определяет суть данных идиомов. По сравнению с современным румынским языком, распространенным на территории Румынии и Молдавии, число носителей которого составляет около 25 млн человек, количество носителей южнодунайских идиомов определяется тысячами, а иногда и сотнями человек. Однако и этот термин предстоит прояснить.

Если говорить о румынской традиции (а румынские лингвисты являются в настоящее время ведущими специалистами в области исследования данных идиомов), то арумынский, мегленорумынский и истрорумынский рассматриваются здесь в рамках диалектологии. Однако нельзя сказать, что румыны считают эти идиомы диалектами румынского. Они определяют их как диалекты некоего гипотетического праязыка, româna comună, существовавшего на Балканах предположительно до IX–XII вв., после чего языки разделились. В рамках этой традиции свой язык, румынский, лингвисты тоже видят как диалект того самого праязыка, называя его дакорумынским. Данная позиция, конечно же, не привносит ясности в вопросы национального самоопределения южнодунайских романоязычных народов.

Ниже коснемся каждого из малых балкано-романских идиомов, ибо все они наряду с указанной выше общей проблематикой имеют и свою собственную.

2.1. Арумынский язык

Общие сведения об арумынах. Арумыны вместе с мегленорумынами являются потомками первобытных румын (носителей румынского языка до разделения на диалекты) с юго-востока от Дуная.

На арумынском говорят как на довольно значительной части территории Балканского полуострова (в Греции, Албании, Македонии, Болгарии), так и в самой Румынии. В силу экономических и политических условий, в которых развивались арумыны, различия как внутри самого арумынского, так и между арумынским и другими южнодунайскими романскими идиомами, в лингвистическом плане являются довольно существенными.

Среди южнодунайских румын арумыны единственные, кто сохранил свое родовое название; они называют себя Armâni (от лат. Romanus), с протетическим *a* и синкопой *u* (согласно фонетическим законам, характерным для их идиома). Термины «арумынский» и «македонско-румынский» появляются лишь в научной литературе и самими арумынами не используются. Балканские славяне арумын издревле называли «влахами» или «цынцарами» (из-

за того, что они произносят аффрикату *ĉ* как [ts]), албанцы и турки называют их «чобанами» (от арум. ‘пастух’, что соответствует их основному роду деятельности), греки называют арумын «куцовлахи», т.е. «хромые влахи». Самоназвание арумын очень часто связано с названиями местности, в которой они проживают: например, эпироты – это арумыны из Эпира, грамостянами называют арумын из Грамоса, фаршероты – проживающие близ местечка Фрашари (Албания), москополены (этот термин также обозначает арумын, проживающих в городах, городских жителей) – это арумыны, живущие около культурного центра арумын в Албании, Москополе. Фактически можно выделить еще три важные ветви арумын: а) арумыны из Эпира и Фессалии, занимающие большую часть горы Пинд (от этой ветви произошли также группа с Олимпа и группа близ Салоник); б) жители деревни Грамос, на нынешней границе между Грецией и Албанией, наиболее важным центром которой является Грамостя (в которой когда-то проживали около 40 тыс. арумынских жителей); от этой ветви происходят и арумыны из Македонии; в) фашероты, арумыны из южной части Албании, вблизи города Корча, а также в крупных албанских городах.

Их традиционными занятиями является пастушество (которое практикуется и сегодня, и благодаря которому, как кажется, удалось задержать процесс «размывания» арумын как нации). В меньшей степени они сейчас занимаются земледелием. То, что земледелие издавна являлось традиционным занятием арумын, можно продемонстрировать на примере сельскохозяйственной лексики, унаследованной напрямую от латыни: ágru ‘поле» (<лат. ager), arátu, arátru ‘плуг’ (<лат. aratrum), aru ‘пашня’ (<лат. arare), fîrinî ‘мука’ (<лат. farina), gîrnu, granu ‘пшеница’ (<лат. granum), ordäu ‘ячмень’ (<лат. hordeum), seátîrî ‘серп’ (<лат. sicilis), vómiri ‘сошник’ (<лат. vomiri). Надо отметить, что латинское происхождение аграрной лексики является также показателем и архаичности арумынского языка по сравнению, например, с румынским, где большая доля подобных слов является заимствованной из славянских языков. До появления железных дорог одним из исконных занятий арумын являлась еще и перевозка грузов караванами.

Говоря о статистических данных, следует признать, что точное количество говорящих на арумынском невозможно определить из-за отсутствия свежих данных. Теодор Капидан в 20-е годы XX в. дает цифры – 300 000–350 000 человек. Области проживания арумын достаточно многочисленны: большинство из них обитают в Греции (от 200 000 до 350 000), в Албании (от 70 000 до 100 000) и в Республике Македония (от 30 000 до 50 000). В Румынии число арумын составляет от 80 000 до 100 000 (около 50 000 из них сосредоточено в Добрудже). Меньше всего арумын проживает в Болгарии: от 10 000 до 15 000 человек [Capidan, 1932: 32]. Примерно к этому же времени относятся сведения из Греции, где, по данным за 1931 г., арумыны представляют 3,18 % всего населения, т.е. 211 798 человек [Caragiu Marioteanu, 1975: 218].

Неизвестно, когда точно начала складываться письменность на арумынском языке. В XVIII в. в Москополе был создан арумынский культурный центр, где были открыты школы и учреждена типография на национальном языке, однако в конце того же века Москополье было разрушено в результате турецких войн, что привело и к разрушению культурной активности арумын. Найдены две надписи на арумынском языке, сделанные греческими буквами: Надпись Нектари Тэрпу (1873 г., на деревянной иконе, обнаруженной в Албании) и надпись на сосуде Симота (без даты, но относится предположительно к тому же периоду). К XVIII в. относится также создание древнейшего литургического текста на арумынском языке (тоже с использованием греческого алфавита), который представляет собой прекрасный образец особенностей речи арумын в Албании [Caragiu Marioteanu, 1962: 112–113].

В начале XIX в., под влиянием Арделянской школы (Румыния), в Австро-Венгрии разворачивают свою деятельность несколько арумын, среди которых можно отметить Георге Константина Роя и Михаила Бояги, авторов первых научных работ, посвященных арумынскому языку, которые вводят латинский алфавит для записей на арумынском языке.

Во второй половине XIX в. благодаря деятельности некоторых румынских лингвистов, среди которых можно отметить Д. Болинтяну, Кристиана Телля, Иона Ионескуде ла Брада, Сезара Боллиака, К.А. Розетти, на Балканах были созданы первые румынские школы, в которых получали образование дети арумын и мегленорумын. Несмотря на то что там преподавался румынский язык, а не арумынский, это привело к возникновению художественной литературы и на арумынском языке [Papahagi, 1922: 151–354].

В научном плане интерес к данному идиому был проявлен во второй половине XVIII в. И. Туман и О. Миклошич публикуют свои труды по описанию арумынского языка, вводят термин «македоно-румынский язык». Продолжает традицию изучения арумынского Густав Вейганд, чей интерес отражен в нескольких весьма обширных академических трудах: Die Sprache der Olympo-Walachen, nebsteiner Einleitungüber Landund Leute, Leipzig, 1888; Die aromunen, ethnographisch-philologisch-historische Untersuchungen. Leipzig. 1895. Vol. I; 1894. Vol. II; Rumänen und Aromunen in Bulgarien, în „Jahresbericht”. 1908. XIII. P. 1–105; Rumänen und Aromunen in Bosnien, în „Jahresbericht”. 1908. XIV. P. 171–197; Die Aromunen in Nordalbanien, în „Jahresbericht”. 1910. XVI. P. 193–212; Die aromunischen Ortsnamenim Pindusgebiet, în „Jahresbericht”. 1919. XIX–XXV.

Важной вехой в изучении арумынского языка стало собрание и публикация сборника народного творчества арумын, составленного Таче Папахаджи (1892–1977), опубликовавшего сборник «Din literatura poporană a Aromanilor» (Бухарест, 1900), а также сборник арумынского фольклора (народные стихи, гимны, пословицы, обычаи) (Бухарест, 1905); «Арумынские

сказки» (Бухарест, 1905). Кроме того, Таче Папахаджи принадлежит заслуга создания словаря-тезауруса «Словарь арумынского языка, общего и этимологического» (Бухарест, 1963).

Наиболее важным работам по изучению арумынского языка в первой половине XX в. мы обязаны Теодору Капидану (1879–1953), а в коммунистический и посткоммунистический период Румынии – Матильде Караджиу-Мариотяну и Николае Сараманду. Следует упомянуть и современные работы Марианы Бара («Lelexique latin herité en aroumain dans une Perspective Romane». Мюнхен, 2004), Мануэлы Невачи («Арумынский глагол. Структура». Бухарест, 2006) и Петре Нееску («Вокализм в арумынском Албании и Македонии». 1974). Интерес к арумынскому языку в Румынии привлек внимание к этому идиому и со стороны западных романистов, среди которых можно упомянуть немцев Иоганна Крамера, Вольфганга Дамена и Теде Каль.

После падения Османской империи, балканских войн 1912–1913 гг. за передел полуострова и формирования национальных государств Болгарии, Сербии, Албании возникла тенденция возведения национализма в ранг государственной политики. Это положило конец стремлениям к национально-культурному освобождению арумын, так как ни в одном из этих балканских государств в данный период арумыны так и не были признаны как национальное меньшинство, несмотря на многочисленные попытки. Однако после падения коммунистических режимов на Балканах арумынам в Республике Македония и Албания удалось воспользоваться политической обстановкой, чтобы потребовать и впоследствии получить право организовывать собственные культурные ассоциации, печатать журналы, выпускать радио- и телепередачи, основывать школы на родном языке. К сожалению, все данные образования в настоящее время существуют на частные деньги и не имеют финансовой поддержки со стороны государства, что, конечно же, не способствует быстрому распространению арумынского языка и культуры среди населения.

Тем не менее, в мире существует достаточно большое количество центров по изучению арумынского, печатается несколько авторитетных сборников. Так, в Тиране (Албания) выходит журнал «Fraţia. Vëllazëria» (на албанском и арумынском языках) при поддержке Культурного сообщества «Арумыны Албании». С 1990 г. в Бухаресте печатается ежемесячный журнал «Deşteptarea» (на арумынском, под редакцией Министерства культуры), а с 1994 г. – «Dimîndarea» (ежеквартальный журнал арумынской культуры и литературы). В США появилось издание «Frăndavalahă», а во Фрайбурге с 1984 г. выходит «Zborlu a nostru» (Арумынский культурный журнал, издаваемый «Фундация Грамостеа» в США, сотрудничающий с Арумынским Культурным Союзом в Германии). В ноябре 2000 г. в Скопье состоялся первый Международный фестиваль арумынской поэзии «Константин Белимаче-2000», а впоследствии

также был организован «Симпозиум по литературе и культуре», на котором основным языком общения провозгласили арумынский.

Сегодня среди образованных арумын распространено две тенденции: одни признают свой идиом диалектом румынского языка, а другие считают арумынский самостоятельным романским языком, отдельным от дако-румынского. Последние борются за придание арумынскому статуса отдельного языка (а не диалекта прарумынского), чему, конечно же, не способствует изучение арумынского языка в рамках курса по диалектологии румынскими лингвистами, которые, собственно, и создают основную массу научных работ по изучению данного идиома. Арумыны, выступающие за признание арумынского как отдельного, самотоятельного языка, справедливо полагают, что таковое даст больше шансов на официальное признание их как отдельной нации.

Что касается диалектного разнообразия арумынского языка (особенно заметного на уровне лексики и в некоторой степени фонетики), то оно является довольно значительным, чему в первую очередь способствует дистантное проживание его носителей не только в разных регионах, но и в разных странах. Являясь преимущественно билингвами, арумыны естественным образом привносят в свой родной язык определенные лексические и даже морфологические черты, свойственные языку государств, в которых они проживают. Данный факт, конечно, не способствует выработке единой наддиалектной нормы.

По сравнению с другими южнодунайскими диалектами, арумынский в лингвистическом плане имеет более консервативный характер, проявляющийся на всех уровнях языка (особенно в фонетике и морфологии).

Наличие или отсутствие гласного *î* является основной особенностью, которая приводит к разделению арумынского на две группы диалектов: диалекты типа F (фаршероты из Албании), в которых нет гласного *î*, и, соответственно, диалекты типа A (пиндяне и грамостяне), которые имеют данный гласный. Следует упомянуть, что этот гласный является «визитной карточкой» всего балкано-романского региона, присутствуя практически во всех рассматриваемых нами идиомах. В то же время именно этот звук абсолютно не представлен в других романских языках [Khal, 2006: 123–125].

2.2. Меглено-румынский язык

Меглено-румыны – это очень небольшая этническая группа. Как и арумыны, они являются юго-восточной ветвью балкано-романского сообщества. Как и арумынский, мегленорумынский является продолжателем балканской латыни, развивавшейся к югу от Дуная и, предположительно, образовывавший общность с румынским языком вплоть до IX–XII вв. [Capidan, 1925: 57].

Меглено-румыны – единственные среди носителей балкано-романский языков, которые в самоназвании утратили слово romanus. Они называют себя влахами и, скорее всего, это название заимствовали у своих соседей. Термин же «мегленорумыны», или «мегленити», был предложен Густавом Вейгандом (*Weigand G.* Vlaho-Meglen. Leipzig, 1982) и используется только в научном мире.

В румынской лингвистике были выдвинуты две теории происхождения меглено-румынского языка. Согласно теории Овидиу Денсусяну, меглено-румынский язык является поддиалектом собственно румынского языка, в то же время сохраняя ряд характерных особенностей, роднящих его с истрорумынским. Согласно же теории Секстиля Пушкариу, мегленорумыны и арумыны имеют общее, южнодунайское происхождение и входят в состав так называемых восточных румын, в то время как истрорумыны являются «западными румынами». Теория Пушкариу была поддержана и развита Теодором Капиданом, который выделяет две области формирования балкано-румынских народов: «...одна с севера, для северных румын, от которых произошли дако-румыны; другая с юга, для южных румын, от которых произошли арумыны и мегленорумыны» [Capidan, 1925: 61].

Большая часть мегленорумын сосредоточена вокруг Мегленской равнины, там их общность насчитывает один небольшой город и 10 коммун-поселений. Есть поселения и к северу от залива Салоники, на правом берегу реки Вардар, вдоль линии гор. В этом регионе, на территории с преобладанием славяно-македонского населения, насчитывается несколько меглено-румынских населенных пунктов: город Нинта и несколько деревень (Лунгуца, Бирислав, Хума, Ошани, Люмница, Купа, Цырнарека), а также три деревни, которые имеют смешанное романо-славянское население (Баровица, Коинско, Сирминина).

Большое количество мегленитов проживает также в городах Гевгелия (являющийся социокультурным центром меглено-румын) и Скопье (в Македонии), в Салониках, Соботско (Аридеа) и Боймица (Аксиуполис) – на территории Греции.

Данные о численности мегленорумын являются устаревшими, т.к. относятся еще к периоду между первой и второй мировыми войнами. К тому же они достаточно сильно варьируются в трудах разных исследователей. В целом можно сказать, что общая численность их сегодня не превышает 5000 человек. Петр Атанасов, проводивший сравнительно недавние исследования в Македонии и Греции (1976–1977), указывает, что мегленорумыны все еще встречаются сегодня в местах своих прежних поселений в Греции, а также в больших городах, таких как Салоники, Аридеа, Аксиуполис. Населенные пункты с наибольшим количеством проживающих там мегленитов находятся в Ошине (850 человек), Бирославе (500 человек), Тырнареке (550 человек), Салониках (450 человек), Аксиуполисе (250 человек), Скопье (274 человека), Гевгелии (1450 человек) ([цит. по: [Rusu, 1984: 477–479]).

В горных селениях, являющихся их изначальным местом проживания, занятиями мегленорумын было земледелие (зерновые, картофель, виноградарство) и скотоводство (овцы, козы, крупный рогатый скот). Они также занимались пчеловодством, шелководством, гончарным делом, деревообработкой и различными ремеслами (портняжным, кузнечным делом). В наши дни пастушество перестало являться их основной сферой деятельности, большинство мегленитов занимаются сельским хозяйством, а выходцы из бывшей Югославии являются хорошими овощеводами и виноградарями. Городские жители работают в торговле, промышленности или в различных учреждениях. Подъем общественной жизни (благодаря обучению государственному языку, среднему и высшему образованию, смешанным бракам), к сожалению, постепенно приводит к дезагрегации мегленорумын как этнолингвистической единицы.

Культурная жизнь мегленорумын не имеет, как у арумын, своих ярких представителей. За исключением фольклорных произведений, никакой художественной литературы на мегленорумынском не существует. Говоря о мегленорумынском языке как об объекте исследования, можно упомянуть Густава Вейганда, который открыл этот идиом и опубликовал первый научный труд о них (Vlacho-Meglen, eine ethnographisch-philologische Untersuruchung. Лейпциг, 1892).

Перикл Папахаджи – еще один исследователь мегленитов, который публикует ряд работ о них: «Румыны из Меглена (Текст и глоссарий)» (Бухарест, 1900); «Меглено-румыны. Этнографо-филологическое исследование. Ч. I: Введение, описание путешествия, занятия жителей, тексты. Часть II: Тексты и глоссарий» (Бухарест, 1902).

Самую обширную и ценную монографию в трех томах оставил нам Теодор Капидан: «Мегленорумыны. I. История и их язык» (Бухарест, 1925); «II. Народная литература мегленорумын» (Бухарест, 1928); «III. Меглено-румынский словарь» (Бухарест, 1936).

Анкетирование мегленорумын, поселившихся в Румынии, проводил И.-А. Кандреа, что впоследствии легло в основу его трудов: «Пастушеская жизнь мегленитов» (1923-1924); «Меглено-румынские тексты» (1924); «Меглено-румынский глоссарий» (1927).

Сравнительно недавние исследования в области грамматического строя мегленорумынского языка опубликованы Петаром Атанасовым: «О палатализации губных согласных в мегленорумынском языке» (1973); «Меглено-румынский инфинитив» (1976). Он же публикует и объемную монографию на французском языке (293 страницы) под названием Le megléno-roumain de nos jours. Данная работа была переведена на румынский язык под названием Meglenoromâna Today («Мегленорумынский сегодня») и вышла в свет в Бухаресте в 2002 г. Самым свежим исследованием в данной области стал Лингвистический атлас мегленорумын, составленный Петаром Атанасовым, в 2008 г. вышел его первый том.

В целом следует отметить, что, в отличие от арумын, которые довольно активно заявляют о своих правах языкового меньшинства, мегленорумын не сильно заботит их социолингвистический статус. Являясь языком бесписьменным, лишенным какой-либо художественной литературы и наддиалектной нормы, меглено-румынский пребывает в рядах языков со спорным статусом, а численность говорящих на нем неуклонно снижается. Кажется, единственными, кому небезразлична судьба этого идиома, являются ученые-лингвисты, продолжающие публиковать немногочисленные, но объемные исследования, объектом которых является мегленорумынский язык.

2.3. Истрорумынский язык

Общие сведения об истрорумынах. Потомки романизированного населения с северо-запада Балканского полуострова и продолжатели западной группы балкано-романских языков, истрорумыны образуют самую малочисленную группу южнодунайских румын. Они преимущественно проживают в хорватской части полуострова Истрия, близ Адриатического моря, а также к северу и югу от Великой Горы (хорват. ‘Учка-Гора’, итал. Monte Maggiore) [Puscariu, 1926: 4].

Между истро-румынами, проживающими в местечке Джейан, и истро-румынами на юге, нет ни контактов, ни чувства этнической или языковой общности. Языковые различия между этими двумя говорами настолько очевидны, что можно говорить о двух основных поддиалектах истрорумынского. Разобщение внутри истрорумынского идиома подчеркивает и Секстил Пушкариу, который объясняет ее прежде всего рельефом этой местности – горой, как бы изолирующей деревню Джейан, а также оказываемым сильным иноязычным влиянием со стороны Словении на севере и Хорватии на юге. Раду Флора, еще один исследователь истрорумын, также указывает, что различия между северными и южными диалектами касаются главным образом лексики и объясняются разными оказываемыми влияниями. Август Ковачек в своих лексикографических исследованиях находит около 300 слов, различающих говорящих из Джейана и из деревень к югу от Учки-Горы [Flora, 1962: 135–170].

Название «истрорумыны» так же, как и «мегленорумыны» и «дакорумыны», является научным, образовано по аналогии с ними и не связано с самоназванием говорящих на этом идиоме. Осознавая свою идентичность, они считают себя румынами и на хорватском языке, когда разговаривают с иностранцами, называют себя rumuni; старый этноним латинского происхождения rumeri, тоже использующийся в самоназвании истрорумын – это результат ротацизма, фонетического явления, свойственного истрорумынскому идиому даже в большей степени, чем всем остальным балкано-романским языкам. Истрорумыны называют себя также «влахами», что роднит их с остальными балкано-романскими народностями. Хорваты называют

их «влахами» («влашки»), при этом истрорумын с юга они называют «чирибири», а с севера – «чичирани». Называют истрорумын и по названиям их родных деревень: «джеянцы» (из Джейана), «сушневцы» (из Сушневицы), «костырчени» (из Костырчана).

Их основное занятие – сельское хозяйство, хотя до недавнего времени они занимались добычей древесины, овцеводством, переработкой угля. Истрорумыны из местечка Бирдо занимаются и виноградарством. Уровень жизни истрорумын очень низок, они живут преимущественно в бедных регионах. Немного лучшая ситуация отмечается в северной части, среди жителей Джейана.

Численность истрорумын определить сложно, учитывая, что все они – билингвы. Еще в 1926 г. Секстил Пушкариу отмечал, что носителей этого идиома – не более 3000 человек. Более поздние исследования приводят еще меньшие цифры; так, по данным А. Ковачека (в «Современном описании истрорумынского», 1971), в начале 60-х годов прошлого столетия их численность составляла от 1250 до 1500 (450–500 в Джейане и 800–1000 в южных селах), а по данным Раду Флоры (1962), их численность еще меньше – 1140 человек. По последним статистическим данным, собранным Г. Филипи в 2002 г., число носителей истрорумынского языка в селах Истрии не превышает 250 человек [Filipi, 2002: 44].

Как и мегленорумыны, истрорумыны не имеют ни художественной литературы, ни письменности на своем языке. Возможно, это обусловлено тяжелыми условиями крестьянской жизни. До 1919 г. обучение в школе, а также богослужения велись на хорватском языке, затем на итальянском языке. Первая румынская школа была открыта в Сушневице в 1921 г. итальянским правительством (в то время Истрия принадлежала Италии), учителем был Андрей Главина из Сушневицы, который учился в Румынии (в Яссах, Бухаресте и Блае). К сожалению, эта школа работала лишь до 1925 года, когда Главина умер. После Второй мировой войны образование на хорватском языке было возвращено.

На истрорумынском языке отсутствует не только художественная литература, но и фольклорные произведения представлены слабо и в основном являются переводами с хорватского. Однако стоит отметить попытку Андрея Главина совместно с К. Дикулеску создать литературу на истрорумынском. Так, в 1905 г. он публикует свою работу «Calindaru lu Rumeri din Istria».

Первые собранные образцы истрорумынской речи датируются концом XVII в., и ими мы обязаны венецианскому историку Иренео дела Кроче; но настоящим их первооткрывателем является мэр города Пизино Антонио Коваз, который публикует в первом номере журнала «Истрия», статью «Del Rimgliani o Vlahi d’Istria» (1846). Эта работа побудила Иоана Майореску, отца Титу Майореску, провести в 1857 г. анкетирование румын в Истрии, результаты которого были собраны в двух исследованиях и опубликованы его сыном в «Литературных беседах» (1868

и 1872–1873). Позднее эти труды были изданы в отдельном сборнике «Гид по Истрии и словарь истрорумынского языка», изданном в 1874 г.

Фундаментальными монографиями по изучению истрорумынского языка мы обязаны Иосифу Поповичу («Румынские диалекты Истрии», 1909), Секстилу Пушкариу в сотрудничестве с М. Бартоли, А. Белуловичем и А. Быхан («Истро-румынские исследования», 1906) и Августу Ковачеку («Описание современного истрорумынского», Бухарест, 1971).

В 1927 г. в Черновцах Лека Мориариу издает том «Истрорумыны», в 1928 г. в Сучаве – том «Lu frati nostri. Libru du Rumeri din Istrie», а между 1929 и 1934 гг. – De-ale Ciribirilor (содержит тексты: I – из Шушневицы; II – из Бирдо, Сукодру и Гробника; III – из Джейана; IV – истро-румынские письма из Джейана и Шушневицы).

В начале 1940-х годов Траян Кантемир провел анкетирование среди истрорумын, результатом которого стала публикации тома текстов, за которым последовал глоссарий («Texte istroromane», собранные Траяном Кантемиром. Бухарест, 1959).

Раду Флора, Эмиль Петрович, Петре Нееску, Рихард Сырбу, Василе Фрэцилэ, Ана-Мария Поп, Габриэль Бэрдашан, Лучиан Миклаус и немецкие исследователи Вольфганг Дамен и Йоханнес Крамер тоже провели относительно недавние диалектные исследования (1990– 2000).

В 2002 г. Горан Филипи публикует «Истрорумынский лингвистический атлас», включающий результаты анкетирования, состоящего из 1898 вопросов и проведенного в 11 истрорумынских сельских населенных пунктах.

3. Заключение

Таким образом, мы видим, что социолингвистическая ситуация на территориях проживания носителей южных балкано-романских идиомов, или малых балкано-романских языков, далека от идеальной. Прежде всего, следует отметить своеобразный подход румынских лингвистов к вопросу о статусе этих идиомов. Традиционно румыны рассматривают их как диалекты с точки зрения исторической диалектологии, согласно которой существовала некая балкано-романская общность, и все четыре современных идиома (румынский (дакорумынский), мегленорумынский, истрорумынский и арумынский) были лишь территориальными вариантами балканской латыни. Данный подход, по нашему мнению, пагубно отражается на сознании говорящих на южнодунайских романских наречиях, так как, не разобравшись во всех тонкостях исторической диалектологии, легко вообразить, что они говорят на одном из диалектов современного румынского языка. Последнее же утверждение абсолютно не соответствует действительности: пройдя долгий исторический путь, данные идиомы приобрели достаточно характеристик, разительно отличающих их от современного румынского языка в лингвистическом плане. Более того, территориально данные идиомы никак не связаны ни со

средневековыми валашскими княжествами, сформировавшими государство Румыния, ни с современной Румынией. Являясь островками оставшейся на Балканах латыни, эти малые балкано-романские идиомы в настоящий момент представляют собой отдельные, самостоятельные языковые единицы.

К сожалению, из этих трех языков только один обладает письменностью – арумынский. Однако в силу различных исторических причин даже арумынам так и не удалось добиться признания своей автономии. Говоря же о мегленорумынском и истрорумынском, мы можем только констатировать, что, являясь языками исключительно устного и бытового общения, не обладая ни художественной литературой, ни письменностью, ни наддиалектной нормой, эти идиомы все ближе приходят к вымиранию.

Литература

Capidan, Th. (1925) Meglenoromânii. I. Istoria şi graiul lor. Bucureşti: Editura Ştiinţifică. 523 p.
Capidan, Th. (1932) Aromanii: Dialectul aroman. Studiu lingvistic. Bucuresti: Editura ştiinţifică şi enciclopedică. 325 p.
Caragiu Marioţeanu, M. (1962) Liturghier aromânesc, manuscris anonim inedit. Bucureşti: Editura Enciclopedică. 160 p.
Caragiu Marioţeanu, M. (1975) Compendiu de dialectologie română (nord – şi sud – dunăreană). Bucureşti: Editura ştiinţifică şi enciclopedică. 768 p.
Filipi, G. (2002) Atlasul linguistic istroroman. Bucureşti: Editura ştiinţifică şi enciclopedică. 445 p.
Flora, R. (1962) Despre stadiul actual al istroromanei. Bucureşti: Editura Ştiinţifică. 235 p.
Khal, T. (2006) Istoria aromânilor. Bucureşti: Editura Tritonic. 334 p.
Murnu, G. (1913) Istoria romanilor din Pind. Vlahia mare. Pp. 980–1259. Studiu istoric dupa izvoare byzantine. Bucuresti: Editura ştiinţifică şi enciclopedică. 238 p.
Papahagi, T. (1922) Antologie aromaneasca. Bucuresti: Editura Stiintifica. 354 p.
Puşcariu, S. (1926) Studii istroromâne. Bucureşti: Editura Enciclopedică. 768 p.
Rusu, V. (1984) Tratat de dialectologie românească. Craiova: Editura Scrisul românesc. 580 p.

References

Capidan, Th. (1925) Meglenoromânii. I. Istoria şi graiul lor. [The Megleno-Romanians. I. Their history and speech.] Bucharest: Scientific Publishing House. 523 p. (In Romanian)
Capidan, Th. (1932) Aromanii: Dialectul aroman. Studiu lingvistic. [Aromanians: The Aromanian dialect. Linguistic study.] Bucharest: Scientific and encyclopedic publishing house. 325 p. (In Romanian)
Caragiu Marioţeanu, M. (1962) Liturghier aromânesc, manuscris anonim inedit. [Aromanian liturgist, unique anonymous manuscript.] Bucharest: Encyclopedic Publishing House. 160 p. (In Romanian)
Caragiu Marioţeanu, M. (1975) Compendiu de dialectologie română (nord – şi sud – dunăreană). [Compendium of Romanian dialectology (North - and South - Danube).] Bucharest: Scientific and encyclopedic publishing house. 768 p. (In Romanian)
Filipi, G. (2002) Atlasul linguistic istroroman. [The Istro-Romanian linguistic atlas.] Bucharest: Scientific and encyclopedic publishing house. 445 p. (In Romanian)
Flora, R. (1962) Despre stadiul actual al istroromanei. [About the current state of Istro-Romanian.] Bucharest: Scientific Publishing House. 235 p. (In Romanian)
Khal, T. (2006) Istoria aromânilor. [The history of the Aromanians.] Bucharest: Tritonic Publishing House. 334 p. (In Romanian)

Murnu, G. (1913) Istoria romanilor din Pind. Vlahia mare. 980–1259. Studiu istoric dupa izvoare byzantine. [The history of the Romanians from Pind. Great Wallachia. Pp. 980–1259. Historical study according to Byzantine sources.] Bucharest: Scientific and encyclopedic publishing house. 238 p. (In Romanian)

Papahagi, T. (1922) Antologie aromaneasca. [Aromanian anthology.] Bucharest: Scientific Publishing House. 354 p. (In Romanian)

Puşcariu, S. (1926) Studii istroromâne. [Istro-Romanian studies.] Bucharest: Encyclopedic Publishing House. 768 p. (In Romanian)

Rusu, V. (1984) Tratat de dialectologie românească. [Treatise on Romanian dialectology.] Craiova: Scrisul romanesc Publishing House. 580 p. (În Romanian)

Марилена Лавра – сотрудник отдела образования посольства Итальянской Республики в Москве, Итальянская Республика
https://orcid.org/0009-0000-3553-9223
Адрес: 109028, Москва, ул. Солянка 1/2, с. 2, кв. 17.
Эл. адрес: marilenalavra@gmail.com

Семёнова Екатерина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова, Российская Федерация
https://orcid.org/0009-0008-1589-7611
Адрес: 115533, Россия, Москва, Нагатинская ул, д. 33, кв. 8
Эл. адрес: e.a.semenova@mail.ru

Школьникова Ольга Юрьевна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова, Российская Федерация
https://orcid.org/0009-0002-2132-7603
Адрес:119121, Россия, Москва, Серпов пер., д. 3/5, кв. 35.
Эл. адрес: chkolnikova@icloud.com

Marilena Lavra – education department employee, Embassy of the Italian Republic in Moscow, Italy
https://orcid.org/0009-0000-3553-9223
Address: Solianka st. 1/2, build.2, apt. 17, Moscow, Russian Federation, 109028
E-mail address: marilenalavra@gmail.com

Semenova Ekaterina Alekseevna – PhD of Philology, Assistant Professor, Department of Romance Linguistics**,** Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
https://orcid.org/0009-0008-1589-7611
Address: Nagatinskaya st. 33, apt.8, Moscow, Russian Federation, 115533
E-mail address: e.a.semenova@mail.ru

Shkolnikova Olga Jurievna – Doctor of Philology, Head of the Department of Romance Linguistics**,** Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
https://orcid.org/0009-0002-2132-7603
Address: Serpov per 3/5, apt. 35, Moscow, Russian Federation, 119121
E-mail address: chkolnikova@icloud.com

Для цитирования: *Лавра М., Семёнова Е.А., Школьникова О.Ю.* Малые балкано-романские языки: современная социолингвистическая ситуация // Социолингвистика. 2024. № 3 (19). С. 81–96. DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-81-96

For citation: *Lavra, M., Semenova, E.A., Shkolnikova, O.Yu.* Minor Balkan Romance languages: modern sociolinguistics situation // Sociolingvistika. 2024. No. 3 (19). Pp. 81–96. (In Russ.). DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-81-96

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 16.04.2024;
approved after reviewing 19.08.2024;
accepted for publication 23.09.2024.

ЯЗЫК И ИДЕНТИЧНОСТЬ

LANGUAGE AND IDENTITY

УДК 81’33 DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-97-117

УСТНАЯ РЕЧЬ КАК МАРКЕР КВЕБЕКСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Лина В. Разумова
Российский государственный гуманитарный университет,
Российская Федерация
Надежда И. Кряжева
Университет Клермон Овернь, Франция

Устная речь выступает важным элементом в изучении и описании франкофонных культур и литератур. Она нередко является отправной точкой в размышлениях об их специфике. Культуры северной и южной франкофонии содержат особое языковое наследие и особый исторический контекст функционирования устной речи. В условиях поликультурности, полиязычия и колониального доминирования она выступает как важнейший маркер национальной идентичности. Вместе с тем устная речь предстает и как некая универсалия, знаменуя собой начало развития любой литературы. Квебекская поэзия последней трети XX в. – явление многоплановое. Она и носитель важных инноваций, отражающих основные тенденции и литературные темы, характерные для каждой эпохи, и специфическое выражение квебекской традиции. Последняя может быть рассмотрена как явление коллективное, вписывающееся в квебекскую поэтическую традицию через социокультурные доминанты и устный характер представления, одновременно являясь своеобразной звуковой и визуальной антологией для современной квебекской поэзии, позволяя отразить творчество значительного числа поэтов. В рамках статьи особое внимание будет уделено вопросу анализа поэзии как формы устного наследия и средства социокультурной и языковой идентификации.

Ключевые слова: *устная речь, квебекская устная традиция, типы устной речи, поэзия, устное наследие, социокультурная и языковая идентичность*

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Л.В. Разумова, Н.И. Кряжева, 2024

ORAL SPEECH AS A MARKER OF QUEBEC IDENTITY

Lina V. Razumova
Russian State University for the Humanities, Russian Federation
Nadia I. Kriajeva
University of Auvergne, France

Oral speech is an important element in the study and description of Francophone cultures and literatures. It is often the starting point in thinking about their specificity. The cultures of northern and southern Francophonie contain a special linguistic heritage and a special historical context of oral speech functioning. In conditions of multiculturalism, multilingualism and colonial domination, it acts as the most important marker of national identity. At the same time, oral speech also appears as a kind of universal, marking the starting point for the development of any literature. Quebec poetry of the last

third of the 20th century is a multifaceted phenomenon. It is the bearer of important innovations, reflecting the main trends and literary themes characteristic of each era. At the same time, Quebec poetry of the specified period of the 20th century also acts as an expression of a specifically Quebec tradition. The latter can be considered as a collective phenomenon, fitting into the Quebec poetic tradition with its sociocultural dominants, the oral nature of the presentation, as a kind of sound and visual anthology of modern Quebec poetry. It also allows us to reflect the work of a significant number of poets. Within the framework of the article, special attention will be paid to the issue of analyzing Quebec poetry as a form of oral heritage and a means of sociocultural and linguistic identification.

Keywords: *oral speech, Quebec oral tradition, types of oral speech, poetry, oral heritage, sociocultural and linguistic identity*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Lina V. Razumova, Nadia I. Kriajeva, 2024

.

1. Введение

Литература многих франкофонных стран отличается от литературы Франции своей ориентированностью на устный характер речи. Концепт oralité (устность) предстает одним из важнейших для многих стран франкофонии и призван подчеркнуть их языковую самобытность в данной области. Он позволяет раскрыть конкретные речевые практики ряда франкофонных ареалов и показать их отличие от существующих во Франции, которая исторически и в силу литературных и институциональных традиций, признавала непоколебимый приоритет письменной речи, придавая ей почти исключительное значение. В иных ареалах устность приобретает особое символическое значение, она выступает маркером самобытности в процессе коммуникации с бывшей метрополией, склонной вольно или невольно «навязывать» свой языковой стандарт через свое языковое присутствие и влияние, в том числе и в области литературы [Разумова и др., 2010].

Отметим, что с развитием новых технологий устность повсеместно возвращается в наши современные культуры, тиражируя и распространяя себя с новой силой посредством современных коммуникационных и информационных технологий.

Поль Зюмтор, посвятивший значительную часть своих работ функционированию устной речи в западных обществах, говорит о ее четырех типах.

Первичная устная речь (oralité primaire ou pure) свойственна дописьменным обществам. Исследователь считает, что данный тип устной речи больше не существует; все современные культуры без исключения имеют, так или иначе, отношение к письму.

Смешанная устная речь (oralité mixte) существует в культурах, обладающих письменностью, однако влияние последней не является определяющим. Встречается в странах, где широко распространена неграмотность.

Вторичная устная речь (oralité seconde), или устная речь, основанная на письменной. Характерна для среды грамотных людей, где любое устное высказывание отмечено культурой письменности.

Технически опосредованная устная речь, которая через средства звукозаписи, широко распространенные в современных обществах, предстает не как сиюминутная звучащая речь, а как «отложенная во времени».

П. Зюмтор справедливо считает, что выделенные им типы не являются непроницаемыми, некоторые культуры легко переходят от одной ее формы к другой. При этом в рамках одной культуры могут успешно сосуществовать и взаимодействовать разные ее типы [Zumthor, 1983].

Концепт устной речи может рассматриваться в нескольких аспектах и прежде всего, с этнолого-культурологической точки зрения, так как каждая культура имеет свое особое отношение к устной речи, наделяя ее определенными функциями и значением. Рассматриваемая как модальность коммуникации устность соответствует определенному способу передачи и распространения информации (текста). Этот ракурс анализа устной речи необходим для понимания специфики тех культур, для которых письменная коммуникация, в отличие от европейских культур, менее значима.

Литературная традиция многих франкофонных культур основывается на устных текстах, устной форме коммуникации. Письменные формы, привязанные к официальным сферам общения и институтам власти, тяготеющие к экзогенному языковому стандарту, чаще всего игнорируются языковым сообществом, вызывают критику и (или) отвергаются. Это характерно, например, для Антильских островов Франции, жители которых стремятся не только дистанцироваться от языковых форм метрополии, но и подчеркнуть уникальность своего языкового кода [Beniamino et al., 2005: 142].

Связь, которую французский исследователь Мишель Беньямино устанавливает между устной речью и понятием «контркультуры», или местной культуры, представляется уместной, когда речь идет о франкоязычных литературах. Так, он отмечает, что устная речь понимается в рамках данных культур как своеобразное сопротивление колониальным ценностям, становясь основной формой выражения идентичности, проявлением культурой другого, его гласом. Устность – естественная форма существования и выражения местных культур и их современной литературы [Ibid.: 141–143].

Все эти литературы, воспринимаемые в недавнем прошлом как маргинальные, периферийные или второстепенные, объединяет осознание их особенного характера, несводимого лишь к констатации специфики их языковых кодов (как в случае с креольскими культурами). Уникальность франкоязычных культур, и, в частности, квебекской, в которой

стандартный язык не так четко дифференцирован по отношению к французскому языку Франции, утверждается через их устную форму речи. В таких культурах именно выраженная приверженность к устности определяет во многом и направление развития их литератур.

2. Устная речь в Квебеке как элемент изобретения традиции

Устность речи является важнейшим элементом, определяющим специфику квебекского варианта французского языка. Она объемлет социальную, культурную и литературную традиции этой канадской провинции и оказывает существенное влияние на ее дальнейшей развитие.

Известно, что языковая унификация в Новой Франции осуществлялась через устную коммуникацию – на слух, так как первые поселенцы были в большинстве своем неграмотными [Barbaud, 1974]. Представляется, что важность устной речи в Канаде можно сравнить с той, которую Европа знала с самых ранних времен своей истории. Устная форма коммуникации французских колонистов была ведущей в процессе их взаимодействия как между собой, так и с местным индейским населением. Большая часть поселенцев в устном общении пользовалась диалектными разновидностями французского языка, ввезенными из Нормандии, Пуату, Анжу, Иль-де-Франс и др. Колонисты, прибывавшие из Парижа и Иль-де-Франс, владели речью, близкой к основам языкового варианта, ставшего впоследствии нормативным для Франции. В административном делопроизводстве владевшие грамотой чиновники, а также и священники пользовались его письменной формой. Сохранившиеся материальные свидетельства этого периода представлены в основном письмами и отчетами управляющих колонией или священнослужителей [Клоков, 2005: 11–18]. Однако ввиду их малочисленности (около 8 % от общего числа населения) можно с уверенностью утверждать, что ведущей формой коммуникации до открытия различных типов школ в конце XVIII – начале XIX в. оставалась устная, используемая также как основная в процессе общения с местным индейским населением, принадлежавшим к обществам, для которых устная речь являлась исключительным средством взаимодействия.

Устная речь, несомненно, выступает и основным способом распространения литературы в Новой Франции на протяжении нескольких столетий [Andrès, 2007]. Таково, например, песенное творчество, представляющее собой переложение на известные мелодии текстов, повествующих об актуальных событиях. Эта прямая отсылка к народному устному наследию вполне ассоциируется с посиделками, во время которых исполнитель рассказывает своим слушателям о событиях повседневной жизни, иногда в сопровождении музыки (скрипка и губная гармошка – основные инструменты канадского фольклора). Многие песни, сказки и рассказы первых поселенцев были заимствованы из европейского устного творчества. В то же время

вариантность бытования оригинальных текстов на территории самой Франции, редкость их письменной фиксации, и в особенности географическая удаленность колонии, ее развитие в изоляции способствовали постепенному изменению и утверждению своих, собственно-канадских черт устного творчества.

С открытием школ и основанием в XVIII в. ряда газет (Gazette de Québec, Gazette de Montréal), обретших небывалую популярность среди населения, чтение все шире практикуется в квебекском обществе. В прессе часто публикуют собранный этнографический материал: во второй половине XIX в. на ее страницах появилось более 1000 обработанных литературных сказок, легенд, песен [Hare, 1971]. Газеты читались вслух, их содержание пересказывали и обсуждали. Иными словами, распространение всякой информации осуществлялось, главным образом, в устной форме.

Конфронтация с английскими властями (Rébellion des Patriotes, 1837–1838), в условиях которой оказались франкоканадцы в 30-е годы XIX в., остро поставила вопрос об определении их национальной идентичности [Bouchard, 1971]. Невыраженность собственной национальной идеи, недолгое по историческим меркам пребывание французов на американском континенте, отсутствие своей «национальной» франкоканадской литературы и собственных моделей ее создания существенно усложняли процесс самоидентификации.

В письме аббату Касгрену от 29 января 1867 г. Октав Кремази делится своими мыслями о том, почему канадской литературе трудно стать национальной литературой, указывая прямо на «языковой вопрос»: «Чем больше я размышляю о судьбах канадской литературы, тем меньше нахожу у нее шансов оставить след в истории. Чего не хватает Канаде, так это наличия собственного языка. Если бы мы говорили на ирокезском или гуронском языках, наша литература жила бы. К сожалению, мы говорим и пишем, правда довольно жалким образом, на языке Боссюэ и Расина. И поэтому, что бы мы ни говорили и что бы мы ни делали, в литературе мы всегда будем простой колонией, и даже если Канада станет независимой страной и ее флаг будет сиять под солнцем наций, мы все равно останемся простыми литературными переселенцами» [Gauvin, 2000: 2]

Высказывание Кремази хорошо описывает ощущаемый уже в XIX в. кризис идентичности, а также чувство некоторой культурной раздвоенности, амбивалентности франкоканадцев. Отметим, что и сегодня перечисленные факторы остаются центральными для понимания литературного процесса в этой провинции Канады, который характеризуется, с одной стороны, стремлением к созданию своей собственной национальной литературы, с другой – желанием сохранить языковую связь с франкофонным миром, не отказываясь при этом от своей языковой специфики.

Подавление патриотического движения 1830-х годов положило конец попытке создания франкоканадской идеи, основанной на республиканских принципах и ценностях. В 40-е годы XIX столетия республиканская идея уступила место культурологической идее «франкоканадской нации (национальности, расы)», основанной на вере и языке [Bouchard, 1971]. Определение понятий народа (peuple) и народной культуры (culture populaire) также вызывало большие сложности в обществе просвещенных франкоканадцев (lettrés canadiens), с одной стороны, констатировавших явную «испорченность» народного языка англицизмами, а с другой – осознававших необходимость бережного к нему отношения. Именно народный язык в его устности, расценивался ими как истинное свидетельство историчности пребывания французов в Канаде, как единственная форма языка, способная выразить их культурную идентичность и питать идею национальной франкоканадской литературы в целом. Именно такого мнения придерживался Анри-Раймон Касгрэн (Casgrain, Henri-Raymond) и другие авторы середины XIX в., желавшие стать представителями народа, «писать под диктовку народа» (écrire sous la dictée du peuple) [Casgrain, 1866: 26].

С середины XIX в. канадские интеллектуалы организуют многочисленные выезды в сельскую местность. Они хотят ознакомиться с жизненной средой простого народа и описать ее. Это было время освоения новых пространств в бассейне реки Святого Лаврентия и расширения квебекской ойкумены, которое способствовало появлению многочисленных дневников и заметок о путешествиях по осваиваемым территориям. К ним относятся, например, заметки Касгрэна о поездках в регион Сангенэ (1851), рассказы Плесси о его пребывании в 1865 г. в устье реки Святого Лаврентия, описания Гаспези, сделанные Ферланом в 1877 г., и мн. др. [Beaudoin, 1989]. Путевые дневники и заметки имеют много общего: написанные в идиллическом ключе, они представляют собой описания величественных пейзажей (напоминающих Францию и регулярно сравниваемых с нею) или картины тихой, размеренной крестьянской жизни, свободного труда лесорубов, исконных французских традиций, радостных повседневных забот. Авторы интересуются бытом и досугом крестьян и лесорубов, встречающих гостей и путешественников с истинно французским радушием. Несмотря на довольно условный, порой лубочный характер этих произведений, именно они способствовали зарождению *Литературного движения Квебека* (Mouvement littéraire de Québec), призванного дать импульс сбору оригинальных франкоканадских текстов: легенд, сказок, стихотворений, записок о путешествиях, исторических описаний и пр.(« accueillir toute espèce d'écrit original, pourvu qu'il soit canadien: légendes, poésies, études de moeurs, romans, impressions de voyage, esquisses historiques, biographiques, topographiques, etc.») [Ibid.: 76].

Касгрэн, Таше, Кремази, Ларю, Ферлан, Бурасса и многие другие известные впоследствии франкоканадские писатели приняли активнейшее участие в этом литературном движении. Его итогом стало появление в разные годы многотомных литературных сборников: Soirées canadiennes (1861–1865), Foyer canadien (1863–1866), Nouvelles soirées canadiennes (1882), а также основание литературных газет и журналов: Le Courrier du Canada, Le Canadien, La Revue canadienne, Le Répertoire national, Le Littérateur canadien и др. Так, монреальский журнал La Revue canadienne (с 1864 по 1922) регулярно публиковал песни, сказки, сказания, легенды, записи устной речи крестьян. Благодаря письменной фиксации и определенной литературной обработке они получали право на существование. Литературное движение подхватывается во всех населенных пунктах бассейна реки Святого Лаврентия, оно процветает в городах Квебек и Монреаль. Появляется значительное количество работ (более 200 статей, словарей, учебников) о речи франкоканадцев, принадлежавшие перу светских и церковных интеллектуалов. Осуждая употребление просторечных и диалектных слов, большинство авторов сетуют на быстроту процесса англизации, призывают ему препятствовать. Авторы обычно подчеркивают аутентичный характер собранных материалов, однако следует отметить, что интеллектуальная квебекская элита XIX в. стремилась конструировать свое собственное видение народной культуры через «очищение» ее от несущественного, неэстетического, желая таким образом оставить последующим поколениям франкоканадцев «только прекрасные образцы литературы», прославить добродетели предков, сформировать у франкоканадцев положительное представление о своей собственной истории (histoire nationale, locale), не входящее в противоречие ни с всеобщим характером французской культуры, ни с местными особенностями квебекской. Жозеф-Шарль Таше отмечал в 1930 г., что национальный язык франкоканадцев должен стать эхом добротнейшей («здоровой») французской литературы прошлого, но при этом эхом, «звучащим в наших горах, на берегах наших озер и рек, в таинственных глубинах наших великих лесов» [Taché, 1930: 28, 29]. Поэтому именно реальная народная культура и реальный народный язык в их своеобразии и разнообразии призваны служить почвой для появления национальных идей.

Таким образом, национальная идентичность франкофонов Канады связывается в этот период интеллектуальной элитой Квебека с народной культурой, устной речью, сельским миром и частной сферой жизни человека, так как город и индустриализация скорее способствуют ее стиранию. Этот подход прочно утверждается во франкоканадской литературе в конце XIX – начале XX в. Он способствует появлению одного из первых направлений в литературе Квебека – регионализма [Lemire, 2007].

Несмотря на то что литература в Квебеке, основанная на культуре устной речи, во многом отлична от аналогичной литературы, распространенной в других франкофонных регионах мира, включенность повествования в повседневный контекст жизни человека делает сопоставимыми некоторые их жанры устного творчества (в частности, сопоставим жанр посиделок лесорубов в Квебеке и охотников в Африке).

Вместе с тем устная культура Квебека построена не только на событиях и обрядах частной сферы жизни человека. Она отчасти вбирает в себя и некоторые публичные формы коммуникации, например в рамках литературных салонов. Последние довольно регулярно проводились в Квебеке в XIX в. В этом отношении Квебек, несомненно, в большей степени, чем ряд других франкофонных культур, основанных на устной традиции, поддерживает более прочную связь с письменностью. Письменная форма всегда существовала как средство коммуникации (пусть и не всегда широко распространенное), что и определило отсутствие резкого разрыва между устной и письменной практикой в области литературного творчества.

Подчеркнем, что Литературное движение Квебека второй половины XIX в. способствовало постепенному становлению квебекской национальной идеи, основанной на понятиях территориальной закрепленности и историчности франкоканадского сообщества, народности его культуры и языка.

3. Устная речь в период Тихой революции

Термином «Тихая революция» принято обозначать политический поворотный момент и период великих реформ с 1959 по 1970 г., которые коренным образом изменили Квебек.

Тихая революция – это центральное событие в новейшей истории Квебека как в политическом, социальном и идеологическом, так и в литературном и культурном планах.

Именно в этот период, слово «квебекский» заменяет «франкоканадский», тем самым обозначая Квебек как некий особый франкоязычный регион Канады. Вклад Тихой революции в историю Квебека часто рассматривается как беспрецедентный прорыв, который поставил под сомнение все, что происходило раньше. Таково, например, отношение к Тихой революции Марка-Абеляра Трамбле, который утверждает, что «франкоязычные жители Квебека бросили вызов ценностям, существовавшим более века, еще не успев изобрести ничего взамен. Они по крупицам отказывались от старых черт своей культурной самобытности, не усвоив в полной мере те, которые стали бы им полноценной заменой» [Tremblay, 1983].

Такой подход, опирающийся на идею полного разрыва с прошлым, требует, однако, определенного уточнения. Представляется более справедливым утверждение политолога Леона Диона, что истоки Тихой революции нужно искать гораздо раньше и что национальный вопрос

никогда не встал бы на повестку дня, не будь он результатом гораздо более давних событий. По его мнению, неверное толкование значения Тихой революции равносильно разрыву с прошлым, с коллективной памятью народа и его идентичностью [Dion, 1998].

Отметим в связи с этим, что социально-эстетический манифест *Движения всеобщего отказа* (Refus global) уже сразу после Второй мировой войны (1948) заложил основы многих идей, подхваченных впоследствии во время Тихой революции. Социально-эстетические, литературные и языковые новации, выдвинутые представителями этого движения, уже тогда сопровождались требованием социально-политических реформ. Именно в писательской среде впервые осознается «неполноценное», «покорное» и «дискриминируемое» положение франкоязычного населения Квебека [Gagnon, 1977: 10–12].

В политическом плане Тихая революция проявляется в требовании социального равенства для франкофонов Квебека, усиления социальной значимости французского языка в канадском обществе. Речь идет не только о защите интересов провинции Квебек перед лицом федерального правительства, но и о создании более благоприятного климата для свободы выражения мнений и определенной модернизации идей параллельно с экономической модернизацией и урбанизацией. Довоенный национализм претерпевает некоторую трансформацию. Если национализм в том виде, в каком его представляло правительство М. Дюплесси, был связан с традиционными и религиозными ценностями, патриархальным сельским укладом жизни, то национализм, отстаиваемый участниками Тихой революции, проявлялся через своеобразную форму социализма, в смысле государства всеобщего благосостояния и включения Квебека в городской контекст.

В период Тихой революции, способствовавшей большему утверждению национального чувства, литература становится чрезвычайно востребованной. Именно в литературной среде идет активный поиск языковых средств выражения, лучше учитывающих особенности устной речи Квебека и, следовательно, позволяющих говорящим лучше выразить себя на «своем» языке [Gauvin, 2000].

В дальнейшем устная речь начинает выступать как средство эмансипации квебекской литературы от французской в области формы и тематического содержания. В связи с этим устная речь все более уверенно и сама становится литературной темой, мотивом и осознанным идеологическим и эстетическим выбором многих квебекских писателей.

4. Тихая революция: устная речь как идеологический и эстетический выбор

4.1. Революция в литературном мире

Тихая революция ознаменовала появление новой национальной идеи, существенно изменившей отношение большинства интеллектуалов того времени к ценностям прошлых поколений.

В 1950–1960-е годы известный квебекский поэт и писатель Гастон Мирон закладывает основы новой литературной эстетики, отличной от прежней ее включенностью в реальную жизнь. Это время соединения разнородных, казалось, до этого тем: литературного творчества и социально-политической ангажированности писателя, сартровского экзистенциализма и его продолжения в антиколониальной борьбе, отсылающие к недавнему движению Сопротивления и политическим вопросам середины XX в. Это невероятное соединение социального факта и его литературного осмысления способствовало появлению в квебекской литературе, а точнее в поэзии 1950–1960-х годов, гражданской ангажированности, политической сопричастности, которых не было прежде. Само творчество Гастона Мирона и многих его молодых коллег, сотрудничавших в квебекском литературном объединении «Hexagone», является примером соединения особого лиризма и эстетики политической причастности к социальным проблемам того времени, центральным историческим событием которого, безусловно, выступает Тихая революция [Biron et al., 2010].

Широта антиколониального движения середины XX в. способствовала усвоению литературой Квебека колониальной тематики. Квебек ассоциировал себя с другими франкоязычными регионами, для которых это время – время антиколониального движения и утверждения их национальной идентичности. Колониальная проблематика постепенно распространяется на всю литературу провинции Квебек. Большая часть произведений, опубликованных в период Тихой революции, свидетельствует об этом. Так, темы *«негритюд»* и *языкового раздвоения и отчуждения* становятся центральными в литературе Квебека. Укажем лишь на две значительные работы, написанные в русле данной тематики. Прежде всего, это эссе Пьера Вальера «Белые негры Америки» [Vallières, 1968], в котором автор впервые затрагивает тему «негритюд» в квебекском обществе. Фраза, первоначально обозначавшая чернокожих американцев, которые плохо владели английским языком, стала затем применяться и к франкоязычному канадскому населению. Хотя работа была опубликована в конце Тихой революции (1968), она суммирует весь революционный накал, который переживали тогда интеллектуалы Квебека.

Эта тема быстро подхватывается и другими авторами. В том же году, во время гастролей участников поэтического спектакля «Стихи и песни сопротивления» Мишель Лалонд

представляет публике свое знаменитое стихотворение «Speak White», ставшее своеобразным манифестом Тихой революции [Biron et al., 2010]. В стихотворении подробно представляется понятие «негритюд» применительно к квебекскому обществу: говорить, как «белый» – значит говорить на языке хозяина, т.е. на английском. По мнению поэтессы, французский язык воспринимается в квебекском обществе англофонной правящей элитой как язык порабощенного народа, язык грубый, на котором говорят лишь сельские жители [Lalonde, 1974]. В этой ситуации франкофоны Квебека ощущали себя лишенными своих языковых средств выражения, своего языка. Для многих авторов и политических лидеров языковое строительство превращается в первостепенную социальную, политическую и лингвистическую задачу, которую необходимо решить для восстановления языковых прав франкофонов. В этот период квебекское общество начинает чувствовать необходимость представить себя по-новому.

Языковой вопрос и стремление к автономии языка и литературы почти естественным образом заставляет писателей искать в языке средства, способные выделить и подчеркнуть квебекскую специфику французского языка. Эта попытка языковой эмансипации сопровождается желанием предложить квебекскому обществу новые культурные модели как альтернативу традиционалистской концепции литературы.

4.2. Жуаль как маркер кризиса идентичности

Именно эти эстетические задачи решаются в 1968 г. в пьесе Мишеля Трамбле «Невестки», пьесе, впервые представившей феномен *жуаль* в литературе [Tramblay, 1970]. Персонажи пьесы Трамбле – типичные представители рабочих кварталов Монреаля. Мы знакомимся с группой соседок, которые «своим языком» рассказывают читателю о нелегкой жизни, повседневных заботах, мелких ссорах и пр. Эти персонажи дают довольно точное представление об обществе, далеком от литературных идиллических клише первой половины XX в. Они используют другой французский язык, лишенный красоты и музыкальности звучания, испорченный многочисленными заимствованиями из английского языка, диалектизмами, обсценной лексикой. Новаторство театра Трамбле основано, прежде всего, на выборе языковых средств, окончательно расходящихся с теми, которые можно найти в произведениях первой половины XX в., использовавших литературный язык Франции. Именно благодаря выбору темы и места действия, а также языковых средств, Трамбле внедряет ряд инноваций: городское общество и его язык используется для визуального представления социальной реальности, практически исключенной до того времени из литературного описания. Этот же язык используется не только как некая форма самовыражения персонажей, но описывает языковое отчуждение, которое испытывают главные персонажи пьесы.

В серии полемических статей Гастон Мирон указывает на двойственный характер, которым определяется устная речь Квебека. Поэт отвергает термин «жуаль», который, по его мнению, не охватывает всех особенностей квебекского варианта французского языка. Он также указывает на характер двуязычия, который, по его мнению, приводит не только к ситуации диглоссии, но и к настоящей колонизации местной формы языка; она все больше лишается своей независимости, постоянно калькируя английский язык [Miron, 1996; 1999].

В романе Ива Бошмена «Enfirouapé» на жуале написаны только диалоги персонажей [Beauchemin, 1974]. Автор устанавливает таким образом определенную дистанцию между языком повествования и языком персонажей. Первое издание романа сопровождается небольшим глоссарием «для французов Франции». Этот небольшой глоссарий исчезает в следующих изданиях, и автор представляет «французскую» версию своего романа, показывая тем самым, что использование жуаля здесь довольно условно и призвано решать лишь ряд эстетических задач.

Язык персонажей Жака Рено в сборнике рассказов «Le cassé» передается при помощи несобственной прямой речи [Renaud,1978]. Такая модальность повествования оставляет определенный «зазор» между языком повествования (языком автора) и диалогической речью персонажей. Разговорный язык вводится автором в текст не более как некий способ передачи и соответствия мышлению персонажей, а не как язык повествования.

Обособленное место в литературе, использующей жуаль, занимает сборник стихов Жеральда Годена «Les Cantouques» [Godin, 1971]. Это одно из немногих литературных произведений, в котором поэт не предлагает никакого разграничения между языком повествования и языком персонажей, смешивая различные голоса.

Как отмечают многие авторы, жуаль в литературных произведениях этого периода не является и не может стать полноценным языком. Он в значительной степени выступает как обработанная и стилизованная языковая форма [Dragnat, 2006]. Это скорее стремление передать отдельные речевые практики франкофонов Квебека, нежели реальный язык. Таким образом, в большинстве указанных произведений, жуаль выступает одновременно и как литературная стилизация, и как широкое социальное движение, призывающее писателей и читателей освободиться от комплекса языковой неуверенности. Лиз Говэн описывает этот языковой и социальный феномен следующим образом: «Язык становится <…> социальным феноменом и стигматом. Поэты и писатели произвольно используют этот “униженный язык”, называемый “жуаль”, на котором говорят рабочие <…> Речь больше не идет о привлечении внимания “Старого Света”, но о создании необходимых условий для рождения собственной литературы» [Gauvin, 2000: 134].

Хотя разговоры о жуале продолжаются и в настоящее время, понятие «жуаль» в значительной степени устарело, и сегодня оно имеет четкую временную соотнесенность и привязанность к периоду Тихой революции, т.к. языковой и литературный опыт, связанный с этим концептом, соответствует идеологии, которую она сформировала. Революционная эпоха показала, что жуаль не может быть отдельным языком ни в повседневной жизни, ни в литературе, а является символом литературной и языковой эмансипации, констатацией социального неравенства, основанного на языковом неравенстве. Этот «язык», который остро ставит вопрос об идентичности квебекцев, выражает и описывает ее отчужденное измерение. Выступая как своеобразный символ, жуаль объединяет в себе все языковые различия, не определяя и не уточняя их. Он является также и инструментом осуждения «испорченной» разговорной речи франкофонов Квебека. Именно это двойное измерение выражено в литературных произведениях многих авторов этого периода. Вызвавший многочисленные споры в литературной среде Квебека, жуаль хорошо отражает все формы присутствия языковой проблемы в общественном пространстве провинции и сложность поиска собственного «языка» в литературе.

Кризис идентичности франкофонов Квебека, их социальный и языковой комплексы, осуждение своего «порабощенного языка» – вот те вопросы, которые квебекский французский иллюстрирует в литературе при помощи жуаля в 60-70 годы XX столетия.

5. Возрождение поэтических форм

5.1. Об устности поэтических средств

Миф о собственном «языке» остается живучим на всех этапах формирования квебекской национальной идентичности и квебекской литературы и становится центральным в 1960-е годы.

Другой важный вопрос, который встает перед исследователем, может быть сформулирован следующим образом: насколько поэтический жанр способен передать свойства устной речи квебекцев?

Укажем, что ориентация литературы на письмо, письменные формы речи является вторичной по отношению к устной речи, выступающей как первичная.

Художественно-речевые средства разнообразны и многоплановы и могут легко впитать в себя разные нехудожественные формы речи: лексику общеупотребительную, просторечную, обсценную, новообразования, заимствования, вульгаризмы, – допуская отклонения от языковой нормы.

Поэзия во многих отношениях – промежуточный литературный жанр, соединяющий звуковые свойства конкретного языка и письменную речь. Она обращена, прежде всего, к

слуховому восприятию и воображению слушателя-читателя. Подчеркивая сращение смысла слов с их звуковой формой, С.Н. Булгаков утверждает, что «без звукового тела нет слова» [Булгаков, 2008]. Слово рождается, по мнению В.В. Вейдле, из органической связи звучания, интонации, ритма и его «банального смысла» [Вейдле, 2002].

Помимо акустико-фонетического большое значение имеет и интонационно-голосовой аспект художественной речи, который придает ей более реальный, «сиюминутный» характер. Если в прозе очень часто проводится четкое различие между рассказчиком и персонажами, то поэзия, со своей стороны, приводит к смешению и объединению разных голосов, к *разноречию*. При этом художественно значимым нередко оказывается слово неавторское, чужое. Указывая на преобладание разноречия и чужого слова в художественной речи Чарлза Диккенса, Михаил Бахтин отмечает, что чужая речь, рассказанная и показанная в определенном освещении, нигде четко не отграничена от авторской речи [Бахтин, 1979].

Разноречие и неавторское слово активно используются в квебекской поэзии XX столетия: их разные формы активно сополагаются и свободно взаимодействуют, передавая языковой опыт едва ли не всех общественных слоев и групп, разрушая границы разных социолектов, свободно включая как нормированные языковые средства (учитывающие языковой стандарт Франции), так и просторечные элементы, не иерархизируя, а примиряя их.

Исследование поэтического жанра в Квебеке интересно тем, что соединяет в себе не только письменный текст и устную речь, с одной стороны, но и литературный язык в его стандартизированной форме и просторечие, с другой.

Свобода выбора и соединения разнородных языковых средств – вопрос первостепенной важности как в поэзии, так и в общественном пространстве. Франкофоны Квебека остро ощущают, что языковой стандарт Франции и международный стандарт французского языка далеко не в полной мере выражают их культурную самобытность. Вместе с тем в период Тихой революции присутствовало понимание, что и просторечие в его местной форме не может полно отразить целый народ, его культуру, жизнь. Такой ограниченный «язык», основанный на просторечии, способен также изолировать франкофонов Квебека от остального франкофонного мира. В силу этого связь между литературной формой языка и просторечием в Квебеке приобретает особую остроту и значимость: перед поэтами стояла сложная задача создать новую литературную культуру, которая не сопрягалась бы с языковыми средствами внешней нормы (воспринимаемой часто как признак элитарности), но и не утопала в стихии народного, просторечного языка, изобилующего заимствованиями из английского. Поэзия и поэтические спектакли-представления становится в связи со сказанным ведущим живым «языком общения», речевым жанром, позволяющим представить самые разные «голоса» жителей этой провинции.

Разноречие в поэтической среде проявляется, прежде всего, в том, насколько квебекские поэты используют этот народный язык и народную культуру. Если некоторые стремятся громко заявить о нем в своих произведениях (например, Мишель Лалонд или Жеральд Годен), то другие, напротив, не используют народный язык в своих поэтических произведениях. Это относится, в частности, к более традиционным поэтам, у которых концепция поэзии более соответствует столичным практикам (например, Жан-Ги Пилон). Наконец, многие поэты используют в своих произведениях народный язык, придавая ему определенное благородство, не уступающее литературному языку (это касается, например, многих произведений Гастона Мирона). И независимо от того, насколько народный язык используется поэтами в их произведениях, все они сталкиваются с необходимостью учета разнообразия ожиданий общества.

В социокультурной истории Квебека поэзия позволяет также установить связь между более ранними эстетическими темами (регионализмом, глобальным отрицанием) и новым поколением авторов 1970-х годов.

Среди авторов, которые участвовали в утверждении новых литературных форм и тем в литературе Квебека, укажем имена двух поэтов: Алена Грандбуа (Grandbois, Alain) (1900–1975) и Поля-Мари Лапуанта (Lapointe, Paul-Marie) (1929–2011). Они являются предшественниками поэзии Тихой революции, вызвавшей тогда к жизни невероятно активное поэтическое творчество в провинции. Современное звучание этих поэтов основано на их способности интегрировать социальные темы, темы братства, всеобщей ответственности и др.

Так, *тема страны*, обнаруживает в их творчестве новое прочтение: поэты обращаются к более широким, нежели понятие страны, пространствам. Например, у А. Грандбуа в «Ночных островах» (1944) пространство одновременно вызывает ощутимую географическую реальность, но вместе с тем характеризуется и нечеткостью, размытостью, что придает ему символическое значение [Dumont, 1999]. Само название сборника напоминает о стихиях природы, преображаемых процессом поэтического повествования. Поэт пишет свободным стихом, предлагая новую версификацию, соответствующую постоянно меняющемуся ритму. Его поэзию отличает сочетание традиционного языкового регистра и сильных образов, призванных удивить и сломать логику языка (один из компонентов сюрреалистической поэтической эстетики начала XX в.). Здесь все еще можно увидеть влияние религиозного слова. Однако теперь это вселенская молитва, направленная к сокровенному пространству личности, в ее внутренний мир. К географической и физической реальности описываемого пространства добавляется его символическая ценность, которая призвана отвлечь от частного, чтобы увести ко всеобщему. *Понятие всеобщего* становится отныне одним из центральных элементов новой квебекской поэзии Тихой революции [Biron et al., 2010].

Сюрреалистическая эстетика, которую приписывают Грандбуа, еще более ярко проявляется в творчестве Поля Мари Лапуанта и, в частности, в его первом сборнике «Сожженная девственница», определяемом новаторским характером письма, игрой образов и смыслов. Типичные образы канадского пространства (хижины, реки, снега, озера и т.д.), трансформируются поэтом благодаря игре удивительных ассоциаций. В его стихах мы находим принцип автоматического письма, который объединяет разрозненные элементы, чтобы создать неожиданные образы и формы. Понятие бессознательного, на котором основаны инновации сюрреалистов, используется поэтом заново, приводя его к особой поэтической прозе.

Произведения Поля-Мари Лапуанта и Алена Грандбуа способствовали формально-содержательному обновлению квебекской поэзии и определили вектор развития поэзии Тихой революции. Вместе с тем они остаются отмеченными в квебекской литературе относительной изоляцией, критики характеризуют их произведения как «произведения одиночества» [Maugey, 1972]. Это выражение очень хорошо указывает на преобладающее различие между поэтическими начинаниями отдельных поэтов в 1950-е годы и теми, которые характеризуют 1960-е и особенно 1970-е годы, в которых *понятие субъекта* становится определяющим.

Действительно, поэты периода Тихой революции выдвигали понятие субъекта на первый план и придавали личному воображению новое значение, которое явно расходится с поэзией предыдущих периодов. Если поэтическое творчество Грандбуа и Лапуанта повлияло на авторов, последовавших за ними, то именно потому, что оно содержало этот заявленный субъект. Говорить «я» в квебекской поэзии до середины XX в. было непростым делом. Именно из этого «я» возникнет впоследствии и известное «мы» как признак обретенной и осознанной идентичности. Новаторские голоса этих поэтов послевоенного периода вернули «я» в центр поэтического письма.

Поэты Тихой революции заменяют одиночество предыдущих поколений поэтов коллективным «мы». Аксель Може, говоря о поэзии Квебека 1960–1970 годов, указывает на этот переход и вводит понятие *«команда»*, которым он заменяет понятие «поколение» [Maugey,1989]. Это терминологическое различие подчеркивает смену эстетической концепции поэзии времен революции: это не концепция отдельного творческого индивида, а группы, команды; она отсылает к коллективному измерению творчества, допускающего неисчерпаемое множество эстетических вариаций и перестановок. Открытое в 1953 г. Гастоном Мироном и пятью его друзьями издательство Hexagone позволило объединить и распространить творчество многих молодых поэтов, которые через свое индивидуальное творчество разделяли общие устремления, убеждения и определенные представления о поэзии эпохи Тихой революции. Hexagone, наряду

с другими журналами своего времени, являлся одним из основных органов распространения печатных поэтических произведений этого времени.

5.2. Коллективность визуальной поэзии

Новые публичные визуальные формы представления поэзии – спектакль-перформанс и телевизионный спектакль – обретают новое измерение – коллективность. Они знаменуют собой поворотный момент в квебекской литературной практике и начало новой, коллективной поэтической эры.

Это хорошо видно на примере «Поэтических ночей» (праздники поэзии, устраиваемые один раз в десятилетие), традиции, которая берет свое начало в вечере поэзии 1970 г. [Dumont, 1999]. Отметим, что если раньше это искусство ориентировалось на его знатоков, то начиная с 1960-х годов поэзия Квебека ставит перед собой новую сверхзадачу – *говорить со всеми*. Из ограниченной формалистической практики в сочетании с внутренним, индивидуальным самовыражением поэзия переходит в жанр универсального назначения.

В связи с «Ночами поэзии» важно отметить, что помимо тематических и формальных инноваций в 1960–1970-е годы XX столетия поэты провинции стремятся обновить также и функции поэзии в обществе. Поэтический спектакль «Ночь поэзии» является ярким примером этого поиска, поскольку в поэзии отводится в ней новое место. Его формат позволяет представить поэта публике без посредников; субъект-поэт и субъект-зритель остаются один на один. Поэт обретает своего реального адресата. Открыто предлагаемая всем, «на площади», («Sur la place publique» – так называется известное стихотворение Гастона Мирона), как в средневековой народной культуре, поэзия подразумевает иные функции поэта в обществе: он должен обращаться ко всем и каждому и действовать в интересах общества, не ограничивая стихотворение своим индивидуальным пространством. В конкретном контексте эпохи Тихой революции обращение к коллективному «мы», безусловно, свидетельствовало о внимании квебекских поэтов к глубоко социальному измерению поэзии. Вместе с тем коллективная поэзия не отменяет безвозвратно «я». В контексте становления квебекской идентичности «мы» не может возникнуть без «я», характерного для лирического героя квебекской поэзии начала и середины XX в. Исследования поэзии Квебека через ее живое выражение показывают, что литературные факты входят составной частью в квебекскую идентичность и помогают ей утверждаться на канадской, североамериканской и международной арене.

6. Заключение

Соединение проблематики франкоязычной литературы в Канаде с проблемой ее идентичности, их прочная связь с устностью речи не имеет аналогов в других национальных литературах. Устная речь Квебека опирается на определенную литературную традицию, социокультурное и историческое наследие. В контексте квебекской поэзии устная речь развивает актуальные современные темы, позволяющие ей публично заявить о себе. Напряженная связь между языком и обществом, традицией и новизной, языковой нормой и ее нарушением, правилом и свободой, культурой письма и устным измерением произведения – одна из самых примечательных характеристик литературы Квебека на протяжении ее истории.

Литература

Бахтин М.М. (1979) Эстетика словесного творчества. М.: Искусство. 423 с.

Булгаков С.Н. Философия имени. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/ Sergij_Bulgakov/ filosofija-imeni/. Дата обращения: 10.11.2023.

Вейдле, В.В. (2002). Эмбриология поэзии: Статьи по поэтике и теории искусства. М.: Языки славянской культуры. 456 с.

Клоков В.Т. (2005) Французский язык в Северной Америке. Саратов: Изд–во Саратовского ун-та. 400 с.

Разумова Л.В., Кряжева Н. (2010) О роли языка в процессе социокультурной идентификации говорящего // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. Вып. 49. № 34. С. 99–105.

Andrès, B.(2007) La conquête des lettres au Québec (1759–1799). Québec: Presses de l'Université Laval. 740 p.

Barbaud, P. (1984) Le choc des patois en Nouvelle-France: Essai sur l'histoire de la francisation au Canada. Montréal: Presses de l'université du Québec. 204 p.

Beauchemin, Y. (1974) L'Enfirouapé. Montréal: La Presse. 257 p.

Beaudoin, R. (1989) Naissance d'une litérature: Essai sur le mécanisme et les débuts de la literature canadienne francaise (1850–1890). Montréal: Boréal Express. 211 p.

Beniamino, M., Gauvin, L. (2005) Vocabulaire des études francophones: Concepts de base. Limoges: PUL. 210 p.

Biron, M., Dumont, F., Nardout-Lafarge, É. (2010) L'Histoire de la literature québécoise. Montréal: Boréal. 684 p.

Casgrain, H.-R. (1866) Le mouvement littéraire en Canada: Le Foyer canadien. T. IV. Pp. 90, 91.

Dion, L. (1998) La révolution déroutée 1960–1976. Montréal: Boréal. 324 p.

Dragnat, M. (2006) Michel Tremblay. Le « joual» dans Les Belles-soeurs. Paris: L'Harmattan. 221 p.

Dumont, F. (1999) La Poésie québécoise. Montréal: Boréal. 127 p.

Gagnon, F.-M. (1977) Refus Global, projections libérantes. Montréal: Parti pris. 153 p.

Gauvin, L.(2000) Langagement, l'écrivain et la langue au Québec. Montréal: Boréal. 254 p.

Godin, G. (1971) Les Cantouques. Montréal: Parti pris. 52 p.

Hare, J.E. (1971) Contes et nouvelles du Canada français. 1778–1859. Ottawa: Editions de l'Université d'Ottawa. Vol.1. 192 p.

Lalonde, M. (1974) Speak White // L'Hexagone. Montréal: L'appel des mots. Pp. 1–4.

Lemire, M. (2007) Le mouvement régionaliste dans la littérature québécoise (1920–1940). Montréal: Nota bene. 305 p.

Maugey, A. (1972) Les Poètes de la solitude. Poésie et société au Québec (1937–1970). Québec: Les Presses de l'Université Laval. 290 p.

Maugey, A. (1989) La poésie moderne québécoise. Montréal: Humanitas-nouvelle optique. 280 p.
Miron, G. (1996) L'Homme Rapaillé. Montréal: Typo. 260 p.
Miron, G., Gauvin, L. (1999) Écrivains contemporains du Québec: Anthologie. Montréal: Hexagone Typo. 595 p.
Renaud, J. (1978) Le Cassé, suivi du journal du cassé et autres nouvelles. Montréal: Parti Pris. 198 p.
Taché, J-C. (1871) Trois légends de mon pays ou l'Evangile ignore, l'Evangile prêché, l'Evangile accepté. Available at: https://numerique.banq.qc.ca/patrimoine/details/52327/2021896?docref=z1wWK4Ye2SNr5klghX2tpA. Access date: 15.12.2023.
Tremblay, M.-A. (1983) L'identité québécoise en peril. Sainte-Foy: Les Editions Saint-Yves. 289 p.
Tremblay, M. (2005) Les Belles-Soeurs. Montréal: Léméac. 151 p.
Vallières, P. (1968) Nègres blancs d'Amérique. Montréal: Parti pris. 472 p.
Zumthor, P. (1983) Introduction à la poésie orale. Paris: Seuil. 307 p.

References

Bahtin, M.M. (1979) Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. M.: Iskusstvo. (In Russ.)
Bulgakov, S.N. Filosofiya imeni [The philosophy of the name]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Sergij_Bulgakov/filosofija-imeni/. Access date: 10.11.2023.
Vejdle, V.V. (2002) Embriologiya poezii: Stat'i po poetike i teorii iskusstva [The embryology of poetry: Articles on poetics and art theory]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury. 456 p. (In Russ.)
Klokov, V.T. (2005) Francuzskij yazyk v Severnoj Amerike [French in North America]. Saratov: Izd–vo Saratovskogo universiteta. 400 p. (In Russ.)
Razumova, L.V., Kryazheva N. (2010) O roli yazyka v processe sociokul'turnoj identifikacii govoryashchego [On the role of language in the process of socio-cultural identification of the speaker] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya. Iskusstvovedenie. Vyp. 49. No. 34. Pp. 99–105. (In Russ.)
Andrès, B. (2007) La conquête des lettres au Québec [The conquest of letters in Quebec] (1759–1799). Québec: Presses de l'Université Laval. 740 p. (In French)
Barbaud, P. (1984) Le choc des patois en Nouvelle-France: Essai sur l'histoire de la francisation au Canada [The clash of patois in New France: Essay on the history of francization in Canada]. Montréal: Presses de l'université du Québec. 204 p. (In French)
Beauchemin, Y. (1974) L'Enfirouapé. Montréal: La Presse. 257 p. (In French)
Beaudoin, R. (1989) Naissance d'une litérature: Essai sur le mécanisme et les débuts de la literature canadienne francaise [Birth of a Literature: Essay on the Mechanism and Beginnings of French-Canadian Literature] (1850–1890). Montréal: Boréal Express. 211 p. (In French)
Beniamino, M., Gauvin, L. (2005) Vocabulaire des études francophones: Concepts de base [Vocabulary of French Studies: Basic Concepts]. Limoges: PUL. 210 p. (In French)
Biron, M., Dumont, F., Nardout-Lafarge, É. (2010) L'Histoire de la literature québécoise [The History of Quebec Literature]. Montréal: Boréal. 684 p. (In French)
Casgrain, H.-R. (1866) Le mouvement littéraire en Canada: Le Foyer canadien [The Literary Movement in Canada: The Canadian Home]. Vol. IV. Pp. 90–91.
Dion, L. (1998) La révolution déroutée [The revolution routed] 1960–1976. Montréal: Boréal. 324 p. (In French)
Dragnat, M. (2006) Michel Tremblay: Le « joual» dans Les Belles-soeurs [Michel Tremblay: The "joual" in The Sisters-in-Law]. Paris: L'Harmattan. 221 p. (In French)
Dumont, F. (1999) La Poésie québécoise [Quebec Poetry]. Montréal: Boréal. 127 p. (In French)
Gagnon, F.-M. (1977) Refus Global, projections libérantes. Montréal: Parti pris. 153 p. (In French)
Gauvin, L.(2000) Langagement, l'écrivain et la langue au Québec [Language, the writer and language in Quebec]. Montréal: Boréal. 254 p. (In French)
Godin, G. (1971) Les Cantouques [The Cantouks]. Montréal: Parti pris. 52 p. (In French)

Hare, J.E. (1971) Contes et nouvelles du Canada français [Tales and news from French Canada]: 1778-1859. Ottawa: Editions de l'Université d'Ottawa. Vol.1. 192 p. (In French)
Lalonde, M. (1974) Speak White // L'Hexagone. Montréal: L'appel des mots. Pp. 1–4. (In French)
Lemire, M. (2007) Le mouvement régionaliste dans la littérature québécoise [The regionalist movement in Quebec literature] (1920–1940). Montréal: Nota bene. 305 p. (In French)
Maugey, A. (1972) Les Poètes de la solitude. Poésie et société au Québec (1937–1970). Québec: Les Presses de l'Université Laval. 290 p. (In French)
Maugey, A. (1989) La poésie moderne québécoise [Modern Quebec poetry]. Montréal: Humanitas-nouvelle optique. 280 p. (In French)
Miron, G. (1996) L'Homme Rapaillé [The Shaved Man]. Montréal: Typo. 260 p. (In French)
Miron, G., Gauvin, L. (1999) Écrivains contemporains du Québec: Anthologie [Contemporary Writers of Quebec: Anthology]. Montréal: Hexagone Typo. 595 p. (In French)
Renaud, J. (1978) Le Cassé, suivi du journal du cassé et autres nouvelles [The Broken, followed by the Broken Journal and other news]. Montréal: Parti Pris. 198 p. (In French)
Taché, J-C. (1871) Trois légends de mon pays ou l'Evangile ignore, l'Evangile prêché, l'Evangile accepté [Three legends of my country where the Gospel is ignored, the Gospel is preached, the Gospel is accepted]. Available at: https://numerique.banq.qc.ca/patrimoine/details/52327/2021896?docref =z1wWK4Ye2SNr5klghX2tpA. Access date: 15.12.2023. (In French)
Tremblay, M.-A. (1983) L'identité québécoise en peril [Quebec identity in danger]. Sainte-Foy: Les Editions Saint-Yves. 289 p.
Tremblay, M. (2005) Les Belles-Sœurs [The Sisters-in-law]. Montréal: Léméac. 151 p. (In French)
Vallières, P. (1968) Nègres blancs d'Amérique [White Negroes of America]. Montréal: Parti pris. 472 p. (In French)
Zumthor, P. (1983) Introduction à la poésie orale [Introduction to oral poetry]. Paris: Seuil. 307 p. (In French)

Разумова Лина Васильевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры европейских языков Российского государственного гуманитарного университета
https://orcid.org/0000-0001-5225-0413
Адрес: 125047, Российская Федерация, Москва, Миусская площадь, д.6,
Эл. адрес: lina.razumova@mail.ru

Кряжева Надежда И. – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой славянских языков, университет Клермон Овернь, Лаборатория лингвистических исследований LRL EA999, Франция
https://orcid.org/0009-0007-9261-4681
Адрес: 63001, Клермон-Ферран Цедекс-1, Франция, Департамент славистики, UFR Языки, культуры и коммуникации, Авеню Карно – TSA 60401.
Эл. адрес: nadejda.kriajeva@uca.fr

Razumova Lina Vasilievna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of European Languages, Russian State University for the Humanities
https://orcid.org/0000-0001-5225-0413
Address: Miusskaya sq. 6, Moscow, Russian Federation, 125047
E-mail address: lina.razumova@mail.ru

Kriajeva Nadia I. – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Slavic Languages, University of Auvergne, LRL Laboratory for Language Research, EA999, France
https://orcid.org/0009-0007-9261-4681
Address: Slavonic Studies Department, Languages, Cultures and Communication UFR, 34 Avenue Carnot, Clermont-Ferrand Cedex-1, TSA 60401 63001
E-mail address: nadejda.kriajeva@uca.fr

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Для цитирования: *Разумова Л.В., Кряжева Н.И.* Устная речь как маркер Квебекской идентичности // Социолингвистика. 2024. № 3 (19). С. 97–117. DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-97-117

For citation: *Razumova, L.V., Kriajeva, N.I.* Oral speech as a marker of Quebec identity // Sociolingvistika. / 2024. No. 3 (19). Pp. 97–117. DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-97-117 (In Russ.)

The article was submitted 05.03.2024;
approved after reviewing 15.06.2024;
accepted for publication 11.09.2024.

ЯЗЫК И ОБРАЗОВАНИЕ

LANGUAGE AND EDUCATION

УДК 81’272 DOI:10.37892/2713-2951-3-19-118-134

ДВУЯЗЫЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПАРАГВАЕ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Валентина Канесе
Национальный Университет Асуньсона, Парагвай
Эстела Мари Перальта де Агуайо
Национальный Университет Асунсьона, Парагвай

Перевод с испанского – **А.А. Ануфриев, И.И. Челышева**

Социолингвистика вносит ценный вклад в преподавание языка. Она постулирует необходимость учитывать языковое разнообразие каждого ареала. Парагвай как двуязычное государство с 1994 г. перешел на постоянное двуязычное образование, в рамках которого на занятиях используются оба официальных языка – испанский и гуарани. На них ведется преподавание, и каждый язык является предметом изучения. В статье анализируется языковое законодательство Парагвая и официальные документы, регламентирующие процесс обучения в школах. Были предложены разные программы школьного обучения в зависимости от того, какой язык считается для учащихся родным, испанский или гуарани. Проведенные реформы оцениваются обществом неоднозначно. Хотя большинство парагвайцев двуязычны, что подтверждается приводимыми в статье статистическими данными, гуарани не обладает достаточным престижем в образовательной сфере. В ситуации, когда в Парагвае функционирует собственный вариант испанского, а гуарани представлен в нескольких формах (стандартный гуарани, смешанная форма jopara), необходимо сделать выбор варианта, приемлемого в школьном образовании. В данной работе выполнен обзор исследований, касающихся проблем языкового разнообразия, способствующего внедрению двуязычного обучения, а также рассмотрена проблематика, связанная с материалами для обучения, с подготовкой преподавателей.

Ключевые слова: *двуязычное образование, лингвистическая вариативность, билингвизм в Парагвае, язык гуарани, испанский язык*

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© В. Канесе, Э.М. Перальта де Агуайо, 2024

BILINGUAL EDUCATION IN PARAGUAY: SOCIOLINGUISTIC ASPECT

Valentina Canese
Universidad Nacional de Asunción, Paraguay
Estela Mary Peralta de Aguayo
Universidad Nacional de Asunción, Paraguay

Translation from Spanish by **A.A. Anufriev, I.I. Chelysheva**

Sociolinguistics makes a valuable contribution to language teaching. It postulates the need to take into account the linguistic diversity of each area. Paraguay, as a bilingual state, has switched to permanent bilingual education since 1994, within the framework of which both official languages, Spanish and Guarani, are used in the classroom. They are used for teaching and each language is a subject of study. The article analyzes the language legislation of Paraguay and official documents regulating the teaching process in schools. Different school curricula have been proposed, depending on which language is considered the native language of the students, Spanish or Guarani. The implemented reforms are assessed ambiguously by society. Although the majority of Paraguayans are bilingual, which is confirmed by the statistical data presented in the article, Guarani does not have sufficient prestige in the educational sphere. In a situation where Paraguay has its own version of Spanish, and Guarani is presented in several forms (standard Guarani, mixed form jopara), it is necessary to choose the version acceptable in school education. This paper reviews research on issues of linguistic diversity that facilitate the implementation of bilingual education and examines issues related to teaching materials and teacher training.

Keywords*. Bilingual education, language variation, bilingualism in Paraguay, Spanish, Guarani*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Valentina Canese, Estela Mary Peralta de Aguayo, 2024

1. Введение

Социолингвистика как дисциплина направлена на изучение языка в контексте его употребления; она соотносит собственно узус, ситуацию и прагматический контекст. Вместе с тем социолингвистика пытается понять, как внешние, в том числе социальные, факторы, такие как пол, возраст, профессия, социокультурный и образовательный уровень, происхождение, взаимодействуют с факторами внутрилингвистическими: функциональными, дистрибутивными, контекстуальными [López Morales, 2004].

Идеи Лабова [Labov, 1972] о взаимосвязи между языковой и социальной структурой, равно как и работы Фишмана [Fishman, 1972] о влиянии ситуаций на использование языка или его диалекта и Д. Хаймса [Hymes, 1974], который с позиций этнографии общения рассуждает о релевантности использования языка в обществе, оказали существенное влияние на формирование коммуникативных подходов для обучения языку.

По мнению С.М. Бортони-Рикардо, образовательная социолингвистика направлена на совершенствование педагогической практики, главным образом в отношении преподавания родного языка [Bortoni-Ricardo, 2005]. Эта дисциплина не ограничивается изучением внутренних проблем языка и исследует языковую вариативность. Таким образом, данная дисциплина дает возможность практиковать язык осмысленно, так как помогает учащимся адаптироваться к различным языковым и коммуникативным сценариям и при этом не обесценивает языковое разнообразие внутри сообщества.

В то же время образовательные учреждения не должны игнорировать социолингвистические различия, поскольку преподаватели и учащиеся должны осознавать, что в языке существует более чем один вариант / одна форма чего-либо, а знание особенностей контингента обучаемых имеет огромное значение для преподавания языка. Точно так же необходимо осознавать, что лингвистическая вариативность отражает социальное неравенство; описание вариативности должно быть адаптировано к этнографическому разнообразию аудитории.

Как утверждает Г. Эррера де Бет, признание существования вариантов в языковом узусе предполагает изменения в процессе преподавания, однако это варьирование не представляет собой препятствие в процессе обучения [Herrera de Bett, 2005]. При этом оно имеет решающее значение, поскольку вербальное взаимодействие носителей различных языковых вариантов играет важнейшую роль в образовательном процессе.

Статус языка неразрывно связан с престижем и возможностями его носителей, а также с функциями, которые он выполняет в обществе, независимо от того, используется ли он в административной, образовательной, юридической сферах или ограничен использованием в быту. Следовательно, престиж языка будет тем выше, чем выше социальный статус его носителей. По этой причине в некоторых сообществах языки коренных народов считаются рудиментарным элементом.

Определенные явления, например смешение кодов или языков в речи, могут оцениваться негативно в некоторых ареалах, где языки контактируют друг с другом. Результаты этого смешения могут быть расценены самими говорящими как «неадекватные или неправильные». Кроме того, считается, что некоторые региональные варианты обладают меньшим престижем по сравнению с более стандартными/нормативными.

2. Языковая ситуация в Парагвае

Согласно данным опроса, постоянно проводимого Национальным институтом статистики Парагвая (Encuesta Permanente de Hogares Continua), среди парагвайцев в возрасте пяти лет и старше в 2022 г. 34,4 % говорили дома в основном на испанском и гуарани; 33,4 % – на гуарани; 29,6 % – на испанском, 2 % говорят на других языках и 0,3 % не говорят вообще [INEP, 2022]. Таким образом, статистические данные подтверждают, что самая многочисленная группа – это двуязычные парагвайцы, чуть меньшее количество жителей использует только гуарани, на третьем месте по численности – те, кто говорит только на испанском. Кроме того, в стране, помимо гуарани, сохраняются 19 других индейских языков, на которых говорят коренные жители Парагвая. Следует отметить, что в Парагвае действует Закон «О языках» (Ley № 4251

«De Lenguas»), принятый в 2010 г., который устанавливает правила использования двух официальных языков (испанский и гуарани), гарантирует защиту языков и культур коренных народов на территории государства, а также признает язык жестов Парагвая. Парагвайский язык жестов был утвержден в ответ на пожелания сообщества глухих Законом № 6530/2020, официально признавшим язык жестов Парагвая.

При этом сложившееся в Парагвае двуязычие можно назвать асимметричным: хотя гуарани и используется большинством, сфера его функционирования чаще всего ограничена. Он преобладает в частной жизни, в особенности в семье и в повседневном бытовом общении, в то время как испанский язык изначально был и остается языком государственных институтов, образования, т.е. языком официального дискурса, что отчетливо иллюстрирует ситуацию диглоссии. По этому поводу В. Дитрих отмечает, что «в Парагвае нет двуязычия, а скорее сложная диглоссия, в рамках которой парагвайский гуарани является настоящим родным языком для большинства говорящих» [Dietrich, 1996].

Что касается языка образования, то испанский язык обладает престижем и высоко ценится родителями и учителями и, следовательно, считается более подходящим для преподавания. Между тем гуарани, несмотря на то, что ассоциируется с чувством национальной идентичности и патриотизма, вызывает неоднозначное отношение.

Следует отметить, что существуют несколько точек зрения относительно употребления гуарани. Одни выступают за чистый гуарани – адаптированный к нормам, но не нарушающий собственную структуру и языковую сущность. Другие считают предпочтительным общеупотребительный язык Парагвая, т.е. тот, который активно контактирует с испанским.

3. Двуязычие в современной парагвайской системе образования

В 1990-е годы в Парагвае произошли изменения в политической, социальной и образовательной сферах. Утверждение новой конституции в 1992 г. ознаменовало собой признание парагвайского двуязычия, поскольку в статье 40 был закреплен официальный статус испанского и гуарани. Развивая это положение, статья 77 предписывает обязательное использование обоих официальных языков в процессе преподавания и изучения любой сферы знаний, при этом преподавание должно основываться на родном языке учащегося. Таким образом, как испанский язык, так и гуарани должны стать и предметом преподавания, и языками преподавания. Впоследствии Закон об общем образовании (Ley General de Educación), принятый в 1998 г., постановил, что на начальном этапе обучения преподавание будет вестись на родном языке школьника. Второй официальный язык также будет вводиться в образование, но постепенно, по нарастающей.

Для осуществления этого принципа была задумана образовательная реформа с привязкой к социолингвистической проблематике. Министерство образования и культуры Парагвая утвердило Национальный план двуязычного образования (Plan Nacional de Educación bilingüe), который нашел конкретное воплощение в Программе поддержания двуязычного образования (Programa de Educación Bilingüe de Mantenimiento). При этом еще в 1983 г. была запущена модель Переходного двуязычного образования (Educación Bilingüe de Transición), для того чтобы моноязычные или начинающие двуязычные учащиеся освоили испанский язык.

Исследование, проведенное Н. Кривошеин де Канесе, подробно описывает результаты образовательных программ, применявшихся до реформы 1992 г. [Krivoshein de Canese, 1992]. Ситуация характеризовалась высоким процентом отчислений среди учащихся, не окончивших даже начальную школу, и низкой успеваемостью, особенно в сельской местности и в густонаселенных городских районах. В Программе переходного двуязычного образования говорилось, что при освоении основных коммуникативных навыков в первых трех классах начальной школы гуарани будет использоваться в устной форме, а испанский – в письменной форме. Самыми большими проблемами при этом были плохая подготовка учителей для двуязычного обучения, нехватка учебников для преподавания второго языка для билингвов, а также отсутствие согласия в обществе по поводу включения в систему образования второго языка, особенно если в этой функции выступал гуарани. Вызывала вопрос и практика преподавания гуарани как таковая [Krivoshein de Canese, 1989].

Согласно плану Министерства образования и науки [MEC, 2006] предусматривалось, что на начальных этапах два официальных языка применяются различным образом. Сначала будет использоваться родной язык учащихся, а второй будет добавляться постепенно. Следовательно, задействованы при преподавании различных предметов утвержденного учебного плана будут оба языка.

Министерство сделало выбор в пользу коммуникативного подхода, который «улучшал бы коммуникативные навыки учащихся, а не только знание языковых структур» [Ibid., 2006: 22]. Цель состояла в том, чтобы обеспечить освоение школьниками официальных языков и достижения коммуникативной компетентности, поскольку помимо лингвистических знаний предполагалось также знакомство с языковой ситуацией.

Министерство определило, что родным (первым) языком (L1) будет считаться тот, на котором ребенок лучше говорит на момент поступления в школу: это может быть как испанский, так и гуарани. Вторым языком (L2) будет тот, где уровень компетенции учащегося ниже. В

зависимости от родного языка в первых двух циклах[17] базового школьного образования устанавливаются две формы обучения: одна для говорящих на гуарани, другая для говорящих по-испански. В первом цикле родной язык будет использоваться в качестве языка обучения для всех дисциплин, а второй – для коммуникации. Во втором цикле родной язык будет продолжать использоваться так же, как и в предыдущем цикле, а второй, помимо коммуникативного аспекта, будет включен в обучение по некоторым дисциплинам [MEC, 2006]. Уже в третьем цикле и в средней школе оба языка будут использоваться в качестве преподаваемых языков и для преподавания в различных областях знания.

Эта инициатива с двумя программами, установленными для первых двух циклов, позволила достичь определенных результатов: более высокого уровня обучения, уменьшения случаев исключений из школы, улучшения общения между учащимися. Но вскоре программа, предназначенная для говорящих на гуарани, была свернута и заменена программой для говорящих по-испански из-за отсутствия учебных материалов на гуарани, недостаточной подготовки учителей, а также неприятия со стороны родителей и т.д. [Demelenne, 2007].

Впоследствии министерство предложило более гибкий вариант и вместо двух были введены три программы: программа A, где L1 – гуарани, программа B, где L1 – испанский, и двуязычная программа C. Решение о выборе программы принималось преподавательским сообществом и должно было реализовываться в учебном плане каждой образовательной организации.

Эти программы были осуществлены в нескольких пилотных/пробных вариантах, в которых их эффективность была подтверждена. Однако согласно исследованию, проведенному в рамках Национальной программы реформы образования, на общегосударственном уровне таких же результатов не наблюдалось, поскольку большинство учреждений выбрали программу B, которая подразумевает испанский язык в качестве первого.

Таким образом, наблюдаются те же трудности, что и в предыдущей модели: нет согласия по поводу того, какой вариант языка (как испанского, так и гуарани) будет использоваться в процессе обучения; отсутствует необходимый культурный контент в учебниках, не хватает пособий для программ обучения L1 и L2. К этому добавляется негативное отношение к включению языка гуарани в образовательную сферу, отсутствие полноценного диалога между

[17] Образовательная система в Парагвае состоит из трех уровней: первый уровень включает в себя начальное образование (EI – Educación Inicial) и базовое школьное образование (EEB – Educación Escolar Básica), второй уровень – это среднее образование (EM – Educación Media) и третий уровень соотносится с высшим образованием (ES – Educación Superior). Второй уровень EEB разделяется на три цикла, каждый из которых состоит из трех ступеней.

образовательными и чисто лингвистическими институциями, а также дефицит преподавателей-билингвов [PNTE, 2021].

4. Языковая вариативность и двуязычное образование в Парагвае

И испанский, и гуарани, на котором говорят на территории Парагвая, имеют варианты. Как упоминалось выше, гуарани можно разделить на чистый, или академический, и йопара (yopará). Испанский также представлен в стандартом и в собственно парагвайском варианте. Помимо этого, существуют варианты испанского языка и гуарани с разными пропорциями смешения одного с другим, образующие некодифицированный континуум.

Парагвайский испанский язык имеет определенные особенности, которые связаны с контактами как с гуарани, так и с идиомами соседних стран. При этом о парагвайском варианте испанского мало пишут, что подтверждает Б. Мелиа: «За пять столетий так и не было создано нормативной грамматики парагвайского испанского языка» [Meliá, 2004: 376]. Эта разновидность испанского обладает рядом отличий на лексическом уровне: здесь в меньшей степени используются игра слов и метонимия, видны проявления синтаксической интерференции с гуарани, выражающейся в отсутствии согласования по роду и числу в именной группе, прослеживается и фонетическая интерференция [Dietrich, 1996]. Местоименная система имеет тенденцию к к leismo (использование косвенного местоимения *le* вместо *lo*), наблюдается элиминация местоимений, предпочтение voceo (использование местоимения *vos* вместо *tu*). Также, помимо использования модализаторов из языка гуарани и двойного отрицания, можно отметить предпочтение говорящими глагольных перифрастических конструкций с семантикой будущего времени, в которых опущен вспомогательный глагол.

Парагвайский гуарани, названный так, для того чтобы отличить его от чистого гуарани и иезуитского гуарани (иезуитский, или миссионерский гуарани, – вариант гуарани, использовавшийся в XVII–XVIII вв. в период деятельности иезуитских миссий) описывался в различных грамматиках, пособиях и словарях, в основном двуязычных. Однако контакт с испанским благоприятствовал смешению обоих языков и привел к появлению языковой формы, известной как йопара (jopará на гуарани означает ‘смешение, чередование’), структура которого, согласно Люстигу, ближе к гуарани, чем к испанскому [Lustig, 1996]. Йопара имеет «наименьший престиж в лингвистическом спектре Парагвая. Для многих это не что иное, как выродившийся продукт злополучной встречи культур и языков» [Ibid.: 2].

Испанский и гуарани Парагвая в процессе взаимодействия склонны как к лингвистическому упрощению, так и к обогащению, осуществляемому посредством заимствований, которые способствовали языковым изменениям и в итоге повлекли за собой

«реорганизацию языкового материала или реинтерпретацию формального, семантического или практического характера» [Palacios, 2005: 41].

Министерство образования и науки заявило, что решение относительно языка и его разновидностей, используемых в процессе обучения, было принято с учетом функциональности для передачи лингвистических и культурных знаний. По этой причине варианты испанского языка и гуарани должны использоваться в соответствии с социолингвистической реальностью страны, чтобы быть понятными всем носителям данных языков» [MEC, 2006: 40]. Что касается вариантов гуарани, то в документах Министерства делается выбор в пользу парагвайского гуарани, который используется носителями языка в повседневном общении. Такое решение было принято, чтобы облегчить процесс обучения.

Предлагаемые преобразования были восприняты неоднозначно. Б. Мелиа критикует данную инициативу и утверждает, что ее перспективы сомнительны из-за «языковой концепции, с которой власти работали и работают, а также из-за авторитарного характера школьной языковой политики» [Meliá, 2004: 374]. Кроме того, он отмечает, что «школьный» гуарани ограничен стенами классной комнаты, поскольку он не соответствует потребностям говорящих на нем людей. Автор подчеркивает: «Создан “школьный” гуарани, не уважающий саму природу языка. Слова, вроде бы, из гуарани, а собственно языка гуарани нет. Без культуры, без традиции, без памяти и, следовательно, без будущего» [Ibid.].

Что касается испанского языка, то выбранная разновидность не уточняется, но подчеркивается, что, поскольку это язык с письменной традицией и устоявшимся статусом, трудностей в преподавании не возникает. То, что отличается от местного языка (lengua autóctona), что характеризуется традицией, которая носит скорее устный, чем письменный характер и практически не используется в формальной системе образования, требует «особого отношения к его использованию в классе» [MEC, 2006: 40]. По этому поводу Н. Кривошеин де Канесе (1989) уточняет, что в преподавании испанского языка как второго должен был бы использоваться стандартный испанский, но он может быть непонятен учащимся, поэтому в начале следует использовать разговорный испанский язык, таким образом будет учитываться языковое разнообразие, свойственное учащимся, но при этом, как отмечает исследователь, следует избегать смешения с гуарани.

5. Язык учебных материалов

В рамках реформы образования министерство отвечало за обеспечение школьными учебниками государственных или работающих по государственной программе школ. Подготовкой учебников занималась техническая группа, состоящая из специалистов в

различных областях и из частных издательств, консультирующихся с министерством [MEC CIIE, 2014]. Эти учебники распределяются по всей стране, т.е. доступны всему контингенту учащихся Парагвая.

Препятствием, отмеченным при разработке материалов, особенно учебников, был тот вариант гуарани, который должен был в них использоваться. Министерство оправдывалось тем, что по причинам, указанным выше, ему пришлось создавать терминологию для каждой области знаний [MEC, 2006]. Для решения данной задачи были предложены некоторые альтернативы: а) создавать термины на базе морфологических единиц самого языка гуарани; б) принять уже стандартизированные термины.

Все это не способствует продуктивному обучению, поскольку затрудняет понимание пособий: неологизмы и синтаксические структуры оказались слишком сложными, по мнению учителей, учащихся и родителей, поскольку они расходились с известным населению языком гуарани. Б. Мелиа подчеркивает, что учебники полны неологизмов, и критикует их: «Для секты посвященных представлен вариант языка для посвященных». В то же время он ссылается на содержащиеся в них технические моменты: «Гуарани в парагвайской школе и для парагвайцев не может быть профессиональным/отраслевым языком подобно английскому для двуязычных секретарей или для компьютерных инженеров» [Melía, 2004: 374]. Таким образом, тексты, подготовленные для преподавания гуарани, далеки от жизни, а терминологию, созданную ad hoc, пытаются навязывать, хотя она не приживается.

Ситуация, описанная исследователем, возникает, когда в образовательную систему вводится вариант языка, имеющий расхождения с вариантом, непосредственно используемым носителями. Естественно, такой вариант впоследствии может быть исключен из образовательной системы. Аналогичным образом в упомянутом выше исследовании опрошенные специалисты – эксперты Министерства образования и науки, члены Академий испанского языка и языка гуарани, преподаватели, участвующие в успешных образовательных программах, – подчеркивали дистанцию между привычным языком носителей и языком учебных материалов.

Что касается текстов на испанском языке, то они также расходились с узусом. В парагвайском испанском существует voseo (во втором лице единственного числа местоимение *vos* предпочтительнее, чем *tú*). Данная языковая реальность в учебных материалах не учитывается и в заданиях объяснения к упражнениям представлены в речевой парадигме tuteo (с использованием местоимения *tu*). Например, в учебнике для 2-го класса написано: Ordena del 1 al 4 los hechos ocurridos en cuento ‘Пронумеруй от 1 до 4 события, произошедшие в рассказе’;

Escribe en tu cuaderno de Comunicación ‘Запиши в свою тетрадь рабочую тетрадь’ [MEC, 2023: 25].

Таким образом, в пособиях используется языковая модель, тяготеющая к нормативному стандарту, далекому от языковой реальности страны и непривычному в парагвайской школе. Испанский язык Парагвая, который служит средством передачи знаний и средством общения между преподавателями и учениками, характеризуется voceo, но в учебниках и даже при проведении в экзаменов используется *tú*, местоимение, которое очень редко употребляется в повседневной речи.

В 2018 г. Министерством был утвержден документ «Lineamientos generales para la aprobación del uso de materiales educativos en contextos académicos del sistema educativo nacional» (‘Общие принципы для апробации использования учебных материалов в академической сфере в рамках национальной системы образования’). В документе оцениваются три аспекта: а) согласованность содержания и образовательного подхода в соответствии с учебным планом и уровнем/ступенью обучения; б) речевая адаптация с учетом коммуникативной компетентности учащегося; в) адекватность дизайна и верстки для понимания содержания [MEC, 2018: 8]. По второму аспекту перечисляются 12 параметров: использование языка исходя из его функциональности с учетом языковой реальности учащегося; соблюдение правил орфографии и грамматики; использование разнообразной лексики; ясность, точность и простота языка; языковая адаптация к когнитивному уровню учащихся; вежливая и адекватная речь; умеренное использование технических терминов; использование вербального и визуального языка без навязывания стереотипов любого рода; согласованность, сплоченность и адекватность; использование языка, учитывающего национальный социокультурный и межкультурный контекст. При этом указывается, что написание текста на языке гуарани регулируется положениями, утвержденными министерством и Академией языка гуарани[18].

Эти директивы касаются написания текстов для пособий, а также лексических, орфографических, прагматических и синтаксических вопросов. Что касается проблемы языковой вариативности, то ее описание выглядит размытым: не разъясняется, что понимают под «языковой функциональностью», как оценивается языковая реальность и социокультурный контекст обучающихся. Согласно формулировкам инструкций в Учебных тетрадях, недавно подготовленных министерством, языковая реальность учащихся не выглядит очевидной/понятной/доступной для описания. Ссылка на соблюдение руководящих принципов,

[18] Академия языка гуарани, созданная в 2012 г., выработала Грамматику языка гуарани (2018).

изданных самим министерством и Академией языка гуарани, означает, что речь идет именно о парагвайском гуарани.

6. Подготовка преподавателей

Для организации качественного образовательного процесса необходима соответствующая подготовка преподавательского состава. Двуязычное образование подразумевает, что преподаватели обладают достаточной лингвистической компетенцией для преподавания языка, а также базовыми знаниями в других научных областях. Они должны иметь адекватную академическую подготовку. Несмотря на то что гуарани имеет официальный статус, далеко не все преподаватели им владеют настолько, чтобы вести на нем преподавание. По этой причине для реализации программы двуязычного образования большинство учителей было вынуждено осваивать гуарани дополнительно.

Однако двуязычное образование осуществлялось без преподавателей-билингвов. Поэтому Н. Кривошеин де Канесе писала в 1998 г. о нехватке кадров для преподавания гуарани и испанского языка как второго. Недавнее исследование проблем двуязычного образования выявило тот же недостаток. Двадцать лет спустя подчеркивается, что подготовка преподавателей недостаточна: «...подготовка оказалась не на лучшем уровне. Программа для говорящих на гуарани, где гуарани имеет статус L1 (La modalidad guaraní hablante) не имела особого отклика: учителя не знали, как преподавать многие дисциплины» [MEC PNTE, 2021: 307]. Подчеркивается также, что преподаватели должны владеть языками, на которых они будут вести занятия, что имеет решающее значение для осуществления двуязычного обучения [MEC PNTE, 2021].

Таким образом, существующие пробелы в реализации программы двуязычного образования сводятся к недостатку методологической и дидактической компетентности. При этом имеет место недостаточная степень владения как испанским языком, так и гуарани.

Действующий проект Учебной программы Базового школьного образования первого и второго циклов для преподавателей (Curricular del profesorado de Educación Escolar Básica para le 1.° y 2.° ciclo) подразумевает выпуск профессиональных педагогов. В пункте 7 подчеркивается необходимость приобретения навыков, способствующих совершенствованию «процесса двуязычного обучения, уделяющего внимание как первому, так и второму языку обучающихся и учитывающего языковую реальность…» [MEC, 2020: 28]. В данную программу включены следующие модули: Стратегии понимания испанского языка и гуарани; Устное общение (испанский–гуарани); Творческое письмо (испанский–гуарани), Производство образовательных

и аудиовизуальных ресурсов (испанский–гуарани); Составление текстов по заданным образцам (испанский–гуарани).

Вышеупомянутая программа обучения предполагает конкретную сферу обучения, которая касается «знания системы испанского языка и гуарани для их преподавания» [Ibid.: 49]. Подчеркивается, что эта программа позволяет «критически подойти к изучению языковых систем испанского и гуарани с целью понять особенности обоих языков с разных точек зрения и применить эти знания в аудиторной практике [Ibid.]. Мы видим, что министерство настойчиво призывает к изучению лингвистической системы рассматриваемых языков.

Аналогичным образом, что касается устного общения, подчеркивается его важность для профессиональной практики: «Исходя из социолингвистической реальности нашей страны, будущие учителя имеют навыки повседневного использования испанского языка и языков гуарани. Однако для достижения коммуникативной компетентности им необходимо улучшить навыки понимания и устного общения» [MEC, 2020: 54]. Данное утверждение подчеркивает необходимость повышения продуктивных навыков будущих учителей.

Среди тех аспектов, которые необходимо совершенствовать, перечисляются фонетика, правописание, морфология, синтаксис и лексика. По поводу лексики подчеркивается «наличие заимствований в парагвайском испанском (не только из гуарани) и в парагвайском гуарани (не только из испанского)» [Ibid.: 127]. Это единственное упоминание именно о парагвайском испанском и парагвайском гуарани. Нет никаких упоминаний о лингвистическом разнообразии обоих языков или об их употреблении в процессе обучения.

Предлагаемая структура учебной программы, хотя и подразумевает двуязычную подготовку, развитие коммуникативной компетентности и металингвистического подхода, не уделяет достаточного внимания проблематике, связанной с лингвистическим разнообразием. Остается надеяться, что преподаватели пройдут основательную подготовку также и в этой сфере и будут пользоваться ей на своих занятиях.

Аналогичным образом литература, на которой основывается лингвистическая подготовка, ограничивается Испанской королевской академической грамматикой (Gramática de la Real Academia Española) и грамматикой Академии языка гуарани (Gramática de la Academia de la Lengua Guaraní). Следовательно, можно сказать, что программа основана лишь на лингвистических стандартах.

Преподаватель должен уметь адаптироваться к языковой модели, следовательно, должен осознавать вариативность/разнообразие вариантов собственного языка, будь то диатопические, диафазические и диастратические варианты, так как, осознавая идентичность преподаваемого языка или языка преподавания, он сможет объяснить учащимся разнообразные лингвистические

особенности, контексты использования, особенности соотношения реального и ожидаемого использования языка, т.е. вариативности и стандарта.

7. Заключение

С позиций образовательной социолингвистики настоятельно рекомендуется включать проблематику, связанную с вариативностью языка, в процесс преподавания языка. Парагвайское двуязычие обладает характеристиками, которые непосредственно наблюдаются при анализе контакта двух языков; оба языка претерпели изменения, которые реализуются на разных языковых уровнях. Однако языковая вариативность, свойственная каждому из них, пока не не изучается как должно в рамках образовательного процесса.

Решения относительно варианта языка, который должен использоваться в системе образования, касаются как парагвайского испанского, так и парагвайского гуарани. Испанский язык имеет определенную стандартизированную норму и богатую литературную традицию; но необходимо изучать парагвайский вариант испанского, чтобы осуществить полноценный лингвистический анализ.

Если говорить о гуарани, то дискуссия касается, прежде всего, противопоставления йопара и чистого гуарани – языку преподавания в школах, который воспринимается как испорченный и чуждый реальному узусу населения Парагвая. Данные противоречия проявляются и в разработке учебных материалов.

С другой стороны, подготовка преподавателей должна строиться с учетом языкового разнообразия, а не ограничиваться языковой вариативностью, описанной в грамматиках, поскольку этот редукционистский взгляд не позволяет продвигать принцип равенства и уважения к многообразию. Преподаватель, который не понимает неоднородности своего языка, не сможет научить ценить свое языковое сообщество и с уважением относится к многообразию языковых явлений.

Литература

Bortoni-Ricardo, S.M. (2005) Nós cheguemu na escola, e agora?: Sociolingüística & educação. São Paulo: Parábola. 263 p.

Constitución Nacional del Paraguay (1992). Artículos 74, 77, 140. Available at: https://www.cm.gov.py/wp-content/uploads/2020/02/constitucion-nacional-PARAINCISOC.pdf Access date: 20.01.2024

Demelenne, D. (2007) Educación bilingüe en Paraguay como ejemplo de transformación de las prácticas de enseñanza en un contexto pluricultural. Available at: https://docplayer.es/18010292-Educacion-bilingue-en-paraguay-como-ejemplo-de-transformacion-de-las-practicas-de-ensenanza-en-un-contexto-pluricultural.html. Access date: 17.01.2024.

Dietrich, W. (1996) El español del Paraguay en contacto con el guaraní. Available at: https://publications.iai.spk

berlin.de/servlets/MCRFileNodeServlet/Document_derivate_00002065/BIA_054_203_216.pdf Дата обращение: 18. 01.2024.

Fishman, J.A. (1972) The sociology of language: An interdisciplinary social science approach to language in society. Rowley: Newbury House, 1972. Pp. xiii, 250

Herrera de Bett, G. (2005) Sociolingüística y educación: Una perspectiva para abordar la diversidad lingüística en contextos sociales críticos // Páginas de la Escuela de Ciencias de la Educación. No.° 5. Diciembre 2005. Pp. 145–159

Hymes, D. (1974) Foundations in sociolinguistics: An ethnographic approach. Phildelphia: University of Pennsylvania Press. 245 p.

INEP (2022) – Instituto Nacional de Estadística Paraguay. 21 de febrero Día Internacional de la Lengua Materna. Available at: https://www.ine.gov.py/news/news-contenido.php?cod-news=1484#:~:text=Datos%20de%20la%20Encuesta%20Permanente,2%25%20habla%20en%20otros%20idiomas. Access date: 18. 01.2024.

Krivoshein de Canese, N. (1989) Documento de trabajo No.° 16. Educación Bilingüe para el Paraguay. Base. Investigaciones Sociales. Available at: https://www.baseis.org.py/wp-content/uploads/2014/03/1395154904.pdf. Access date: 18. 01.2024.

Labov, W. (1972) Sociolinguistic patterns. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 362 p.

López Morales, H. (2004) Sociolingüística. Madrid: Gredos. 423 p.

Lustig, W. (1996) Mba'éichapa oiko la guarani? Guarani y jopará en el Paraguay. Guaraní Ñandutí Rogue. Available at: https://www.staff.uni-mainz.de/lustig/texte/jopara2_lustig.pdf. Access date: 19. 01.2024.

Meliá, B. (2004) El estado del bilingüismo en el estado paraguayo (2003–2004). Derechos Humanos . Paraguay. Available at: https://core.ac.uk/download/pdf/35258077.pdf. Access date: 17. 01.2024.

MEC (2006) – Ministerio de Educación y Ciencias La educación bilingüe en la reforma educativa paraguaya. Asunción.

MEC CIIE (2014) – Ministerio de Educación y Ciencies. Centro de Investigación e Investigación Educativa. La lengua guaraní en el sistema educativo en las dos últimas décadas. Informe elaborado por Guttandin, F., González Alsina, C., Cañete, A. y Riquelme, L. Asunción.

MEC (2017) – Ministerio de Educación y Ciencias. Audiovisuales "Leo, pienso y aprendo" Clase IV PPAV. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=e7DLter2ePY. Access date: 18. 01.2024.

MEC (2018) – Ministerio de Educación y Ciencias. Resolución No.° 2060 Por la cual se establecen los lineamientos generales para la aprobación de los textos académicos del sistema educativo nacional. Available at: https://www.mec.gov.py/sigmec/resoluciones/2060-2018-PETTA.pdf. Access date: 17.01.2024.

MEC (2020) – Ministerio de Educación y Ciencias. Curricular del profesorado de Educación Escolar Básica para le 1.° y 2.° ciclo Available at: https:// https://www.renuevo.edu.py/ pdf/dceeb.pdf Access date: 19. 01.2024.

MEC PNTE (2021) – Ministerio de Educación y Ciencias. Proyecto Nacional de Transformación Educativa. Análisis del sistema educativo paraguayo. Diagnóstico del eje curricular en el contexto de la Educación Paraguaya. Columbia University. Available at: https://www.transformacioneducativa.edu.py/_files/ugd/39c664_e58f285042ac49abae5d2fc4bf69c9d0.pdf Access date: 19.01.2024.

MEC (2023) – Ministerio de Educación y Ciencias. Comunicación 2.° grado. Guía docente para el docente. Available at: https://www.mec.gov.py/cms_v2/adjuntos/19397?1676986376. Access date: 19. 01.2024.

Palacios, A. (2005) Lenguas en contacto en Paraguay: español y guaraní // Variedades lingüísticas y lenguas en contacto en el mundo de habla hispana. Pp. 35–43. Madrid: Ariel.

Paraguay (1998) Ley 1264/98. General de Educación. Available at: www.mec.gov.py. Access date: 17.01.2024.

Paraguay. (2014). Ley 4251 de Lenguas. Available at: http://www.spl.gov.py/es/application/files /6814/4724/2701/ley_de_lenguas.pdf. Access date: 17.01.2024.

References

Bortoni-Ricardo, S.M. Nós cheguemu na escola, e agora?: Sociolingüística & educação. [We arrived in school and now?] Sociolinguistics & education. San Paolo: Parable, 2005. 263 p. (In Port.)

Constitución Nacional del Paraguay (1992). Artículos 74, 77, 140. [National Constitution of Paraguay (1992). Articles 74, 77, 140] Available at: https://www.cm.gov.py/wp-content/uploads/2020/ 02/constitucion-nacional-PARAINCISOC.pdf Access date: 20.01.2024 (In Span.)

Demelenne, D. (2007) Educación bilingüe en Paraguay como ejemplo de transformación de las prácticas de enseñanza en un contexto pluricultura. [Bilingual education in Paraguay as an example of transformation of teaching practices in a pluricultural context.]. Available at: https://docplayer.es/18010292-Educacion-bilingue-en-paraguay-como-ejemplo-de-transformacion-de-las-practicas-de-ensenanza-en-un-contexto-pluricultural.html. Access date: 17.01.2024. (In Span.)

Dietrich, W. (1996) El español del Paraguay en contacto con el guaraní [Paraguayan Spanish in contact with Guarani]. Available at: https://publications.iai.spk-berlin.de/servlets/ MCRFileNodeServlet/Document_derivate_00002065/BIA_054_203_216.pdf. Access date: 18. 01.2024 (In Span.).

Fishman, J.A. (1972) The sociology of language: An interdisciplinary social science approach to language in society. Rowley: Newbury House, 1972. Pp. xiii, 250

Herrera de Bett, G. (2005) Sociolingüística y educación. Una perspectiva para abordar la diversidad lingüística en contextos sociales críticos. Páginas de la Escuela de Ciencias de la Educación. No.° 5. Diciembre 2005 [Sociolinguistics and education. A perspective for addressing linguistic diversity in critical social contexts. Pages of the School of Education Sciences. No. 5. December 2005]. Pp. 145–59 (In Span.)

Hymes, D. (1974). Foundations in sociolinguistics: An ethnographic approach. Phildelphia: University of Pennsylvania Press. 245 p.

INEP (2022) – Instituto Nacional de Estadística Paraguay. 21 de febrero Día Internacional de la Lengua Materna [National Institute of Statistics Paraguay. February 21 International Mother Language Day]. Available at: https://www.ine.gov.py/news/news-contenido.php?cod-news=1484#:~:text=Datos%20de%20la%20Encuesta%20Permanente,2%25%20habla%20en%20otros%20idiomas. Access date: 18. 01.2024. (In Span.)

Krivoshein de Canese, N. (1989) Documento de trabajo N.° 16. Educación Bilingüe para el Paraguay. Base. Investigaciones Sociales [Working Paper No. 16. Bilingual Education for Paraguay. Base. Social Research]. Available at: https://www.baseis.org.py/wp-content/uploads/2014/03/ 1395154904.pdf. Access date: 18. 01.2024. (In Span.)

Labov, W. (1972) Sociolinguistic patterns. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 362 p.

López Morales, H. (2004) Sociolingüística [Sociolinguistics]. Madrid: Gredos. 423 p. (In Span.)

Lustig, W. (1996) Mba'éichapa oiko la guarani? Guarani y jopará en el Paraguay. Guaraní Ñandutí Rogue [How's the guarantee happening? Guarani and Japará in Paraguay. Guaraní Feeling Rogue]. Available at: https://www.staff.uni-mainz.de/lustig/texte/jopara2_lustig.pdf. Access date: 19. 01.2024. (In Span.)

Meliá, B. (2004) El estado del bilingüismo en el estado paraguayo (2003–2004). Derechos Humanos. Paraguay [The state of bilingualism in the Paraguayan state (2003–2004). Human Rights. Paraguay]. Available at: https://core.ac.uk/download/pdf/35258077.pdf. Access date: 17. 01.2024. (In Span.)

MEC (2006) – Ministerio de Educación y Ciencias La educación bilingüe en la reforma educativa paraguaya. Asunción. [Ministry of Education and Science Bilingual education in Paraguayan educational reform. Asunción]. (In Span.)

MEC CIIE (2014) – Ministerio de Educación y Ciencies. Centro de Investigación e Investigación Educativa. La lengua guaraní en el sistema educativo en las dos últimas décadas. Informe elaborado por Guttandin, F., González Alsina, C., Cañete, A. y Riquelme, L. Asunción [Ministry of Education and Sciences. Educational Research and Investigation Centre. The Guaraní language in the educational system in the last two decades. Report prepared by Guttandin, F., González Alsina, C., Cañete, A. and Riquelme, L. Asunción]. (In Span.)

MEC (2017) – Ministerio de Educación y Ciencias. Audiovisuales “Leo, pienso y aprendo” Clase IV PPAV [Ministry of Education and Science. Audiovisuals “I read, I think and I learn” Class IV PPAV]. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=e7DLter2ePY. Access date: 18. 01.2024. (In Span.)

MEC (2018) – Ministerio de Educación y Ciencias. Resolución No.° 2060 Por la cual se establecen los lineamientos generales para la aprobación de los textos académicos del sistema educativo nacional [Ministry of Education and Science. Resolution No. 2060 Establishing the general guidelines for the approval of academic texts of the national education system]. Available at: https://www.mec.gov.py/sigmec/resoluciones/2060-2018-PETTA.pdf. Access date: 17.01.2024. (In Span.)

MEC (2020) – Ministerio de Educación y Ciencias. Curricular del profesorado de Educación Escolar Básica para le 1.° y 2.° ciclo [Ministry of Education and Science. Curriculum for Basic School Education teachers for the 1st and 2nd cycle]. Available at: https:// https://www.renuevo.edu.py/pdf/dceeb.pdf Access date: 19. 01.2024.

MEC PNTE (2021) – Ministerio de Educación y Ciencias. Proyecto Nacional de Transformación Educativa. Análisis del sistema educativo paraguayo. Diagnóstico del eje curricular en el contexto de la Educación Paraguaya [Ministry of Education and Science. National Educational Transformation Project. Analysis of the Paraguayan educational system. Diagnosis of the curricular axis in the context of Paraguayan Education]. Columbia University. Available at: https://www.transformacioneducativa.edu.py/_files/ugd/39c664_e58f285042ac49abae5d2fc4bf69c9d0.pdf Access date: 19.01.2024. (In Span.)

MEC (2023) – Ministerio de Educación y Ciencias. Comunicación 2.° grado. Guía docente para el docente [Ministry of Education and Science. Communication 2nd grade. Teacher's guide for the teacher]. Available at: https://www.mec.gov.py/cms_v2/adjuntos/19397?1676986376. Access date: 19. 01.2024. (In Span.)

Palacios, A. (2005) Lenguas en contacto en Paraguay: español y guaraní. Variedades lingüísticas y lenguas en contacto en el mundo de habla hispana [Languages in contact in Paraguay: Spanish and Guaraní. Linguistic varieties and languages in contact in the Spanish-speaking world]. Pp. 35–43. Madrid: Ariel. (In Span.).

Paraguay. (1998). Ley 1264/98. General de Educación [Law 1264/98. General Education.]. Available at: www.mec.gov.py. Access date: 17.01.2024. (In Span.)

Paraguay. (2014). Ley 4251 de Lenguas [Law 4251 on Languages.]. Available at: http://www.spl.gov.py/es/application/files/6814/4724/2701/ley_de_lenguas.pdf. Access date: 17.01.2024. (In Span.)

Канесе Валентина – доктор наук, директор Высшего института языков, Национальный Университет Асуньсона, Парагвай
https://orcid.org/0000-0002-1584-7322
Адрес: Парагвай, Асуньсон, Вашингтон, авеню Испании 1098 с
Эл. адрес: vcanese@fil.una.py

Перальта де Агуайо Эстела Мари – кандидат наук, доцент Высшего института языков, Национальный Университет Асуньсона, Парагвай
https://orcid.org/0000-0002-9108-0514
Адрес: Парагвай, Асуньсон, Вашингтон, авеню Испании 1098
Эл. адрес: emperalta@fil.una.py

Canese Valentina – DrSc, director of the Higher Institute of Languages, National University of Asuncion, Paraguay
https://orcid.org/0000-0002-1584-7322
Address: Spain Avenue St., Washington, Asuncion, Paraguay 1098
E-mail address: vcanese@fil.una.py

Peralta de Aguayo Estela Mary – PhM, assistant professor, Higher Institute of Languages, National University of Asuncion, Paraguay
https://orcid.org/0000-0002-9108-0514
Address: Spain Avenue St., Washington, Asuncion, Paraguay 1098
E-mail address: emperalta@fil.una.py

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Для цитирования: *Канесе В., Перальта де Агуайо Э.М.* Двуязычное образование в Парагвае: социолингвистический аспект / Пер. с исп. – А.А. Ануфриев, И.И. Челышева // Социолингвистика. 2024. № 3 (19). С.118–134. DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-118-134

For citation: *Canese, V., Peralta de Aguayo, E.M.* Bilingual education in Paraguay: sociolinguistic aspect / Transl. from Span. by A.A. Anufriev, I.I. Chelyshev // Sociolingvistika. 2024. No. 3 (19). Pp. 118–134. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-118-134

The article was submitted 10.01.2024;
approved after reviewing 18.04.2024;
accepted for publication 22.08.2024.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

SCIENTIFIC HERITAGE

УДК 811.133.1’276.45:811.111 DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-135-146

FRENCH ARGOTOLOGY IN RUSSIA IN THE FIRST QUARTER OF THE 21st CENTURY[19]

Tatiana I. Retinskaya
Orel State University named after I.S. Turgenev, Russian Federation
Thierry Ponchon
University of Reims-Champagne Ardenne, France

In the anniversary year of Eda Moiseevna Beregovskaya, it is important to note the continued interest in the study of both the features of social variability of the national language and the expressive capabilities of elements of a specific lexical continuum in literary and journalistic texts. The method of systematic description of French argotisms, which has no analogues in the world practice, proposed by the founder of the national school of argotology, has been repeatedly applied both to the characteristics of a certain sublanguage and to the comparative analysis of several social variants of the national language. Moreover, the scientific heritage of E.M. Beregovskaya contains an array of information on the development and testing of an algorithm for analyzing argotic units in the fabric of a literary text. The analysis allows the addressee to understand words of connivance in context and adequately assess the stylistic effect arising from their presence. The article also describes a convergent approach to the selection of areas of research (lexicological, linguostylistic, field research), which contributes to the inventory of linguistic facts and the identification of universal and specific features of the functioning of elements of argotic vocabulary. Special attention is paid to the followers of E.M. Beregovskaya, who implement individual projects for the study of substandard lexemes as part of the work of the International Research Laboratory of Orel State University named after I.S. Turgenev “Problems of Social and Territorial Heteroglossia”.

Keywords: *French argotology, International Research Laboratory of Orel State University named after I.S. Turgenev “Problems of Social and Territorial Heteroglossia”, algorithm for analyzing argotic vocabulary, argotography, field experiment*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Tatiana I. Retinskaya, Thierry Ponchon, 2024

[19] The article presents the intermediate results of the implementation of an individual project to study the problems of French argotology, carried out as part of the work of the International Research Laboratory of Orel State University named after I.S.Turgenev “Problems of Social and Territorial Heteroglossia”.

ФРАНЦУЗСКАЯ АРГОТОЛОГИЯ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА[20]

Татьяна И. Ретинская
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Российская Федерация
Тьерри Поншон
Реймский университет Шампань-Арденн, Франция

В юбилейный год Эды Моисеевны Береговской важно отметить неослабевающий интерес к исследованию как особенностей социальной вариативности национального языка, так и экспрессивных возможностей элементов специфического лексического континуума в художественном и публицистическом текстах. Не имеющая аналогов в мировой практике методика системного описания французских арготизмов, предложенная основателем отечественной школы арготологии, неоднократно применена как к характеристике отдельного субъязыка, так и к сопоставительному анализу нескольких социальных вариантов национального языка. Кроме того, в научном наследии Э.М. Береговской сосредоточен массив сведений о разработке и апробации алгоритма анализа арготических единиц в ткани художественного произведения, позволяющего адресату понять парольные слова в контексте и адекватно оценить стилистический эффект, возникающий от их присутствия. В статье дается характеристика конвергентного подхода к выбору направлений исследования (лексикологическое, лингвостилистическое, проведение полевых исследований), способствующего инвентаризации языковых фактов и выявлению универсальных и специфических черт функционирования элементов арготических вокабуляров. Отдельное внимание уделено последователям Э.М. Береговской, реализующим индивидуальные проекты исследования субстандартных лексем в рамках деятельности Международной научно-исследовательской лаборатории «Проблемы социального и территориального разноречия» Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

Ключевые слова: *французская арготология, Международная научно-исследовательская лаборатория «Проблемы социального и территориального разноречия» Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, алгоритм анализа арготического вокабуляра, арготографирование, полевой эксперимент*

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Т. И. Ретинская, Т. Поншон, 2024

Dedicated to the 95th anniversary of the birth of
Professor Eda Moiseevna Beregovskaya

1. Introduction

The beginning of a comprehensive analysis of French argot in Russia was made by the Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor Eda Moiseevna Beregovskaya

[20] В статье представлены промежуточные результаты реализации индивидуального проекта исследования проблем французской арготологии, осуществляемого в рамках деятельности Международной научно-исследовательской лаборатории «Проблемы социального и территориального разноречия» Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

(1929–2011). The founder of the Russian school of argotology developed a strategy for identifying the characteristic features of specific vocabulary which belongs to a social and professional group, and substantiated unified principles and a model for a comprehensive description of argotisms.

The first area is called linguostylistic by the specialist in Romance philology, and the second one is lexicological [Береговская, 2011]. The focus of the linguostylistic vector of research is the analysis of the existence of the argotic element in prose and poetic texts, identifying the role of argotisms as markers of the individual author's style and their significance for creating a variety of stylistic effects from the implementation of the aesthetic function of the argotic vocabulary to the unlocking the ludic potential of substandard lexical units. Within the framework of the lexicological area of argotological studies, argotisms recorded in lexicographic publications are inventoried, and the mechanisms of argotic word creation, argoreceptive concepts, semantic dominants and elements of tropological space are analyzed.

Followers of E.M. Beregovskaya continue to implement individual research projects on the components of the non-conventional lexical continuum as part of the work of the International Research Laboratory "Problems of Social and Territorial Heteroglossia" of Orel State University named after I.S. Turgenev. The researchers have noted that the processing of argotographic data precedes any description of the features of the existence of a sublanguage of a social or professional group. Argotic lexicography is considered a launching pad for detailed characterization of both general argot and corporate argot. Only a thorough studying of lexical units registered in dictionaries and word lists let us conduct a careful analysis of the typological features of the vast and diverse lexical periphery of the national language (for more details, refer to: [Ретинская, 2023а: 53–70]).

Developing the ideas of E.M. Beregovskaya and testing the ways of their elaboration, it is necessary to propose a third area of study in the field of argotology. This means an experimental trajectory of examining uncodified lexemes, based on collecting material in fieldwork environment, including a remote format. At the same time, the empirical background of the study can also be formed on the basis of the results of work "in the field" carried out by French sociolinguists. New French argotology research allows us to assert the effectiveness of a convergent approach to the choice of areas of study of both the sublanguage of the reference group and the systemic techniques that form French argot.

2. Elaboration of inventory algorithms and systematic description of the components of the non-conventional lexical continuum

In the first quarter of the 21st century, interest in the study of both the features of social variability of the national language and the expressive capabilities of elements of a specific lexical continuum in

literary and journalistic texts has not waned. Russian argotologists are improving the methodology for conducting field experiments, including the online participation of respondents; continuing the inventorization of semantic dominants, and systematizing nuclear and peripheral argotic units. They carry out a multi-aspect analysis of argotisms used by the authors of novels, stories, rap works, comics, newspaper and magazine articles, written texts of Internet communication, including a description of the techniques of textual explanation of the components of argotic vocabulary; study the specifics of the functioning of synonymous derivation as a systemic technique for updating the components of a non-conventional lexical fund.

2.1. Methodology for collecting language material and research methods

Representatives of the Russian school of argotology have developed a search vector for language material to conduct a comprehensive study of the uncodified version of the national language: from the analysis of specific lexemes recorded in lexicographic publications to a field study of the speech practice of the sublanguage users. National researchers often rely only on foreign authors' dictionaries, which do not always contain neologisms or information about the vitality of lexical units. It is worthwhile not only to study in detail the dictionary works in which argotic units are collected, but also to involve online informants of the studied reference group. A systematic approach to the inventory of linguistic facts will allow us to describe the specifics of the functioning of password units at full length and determine current trends and patterns of development of the analyzed sublanguage.

The choice of research methods depends on the characteristics of the social group and the results of argotography. Thus, a continuous sampling method is primarily used in the course of collecting and processing data to compare synchronic sections of the French youth argot. Lexemes selected from composite [Ретинская, 2022а; Tengour, 2013; Goudaillier, 2019] and thematic [Дебов, 2016; Дебов, 2022; Дебов, 2023; Debov, 2015; Debov, 2017; Debov, 2021] argot dictionaries of the indicated reference group, are analyzed. In some cases, we use a partial sampling method to extract words from online dictionaries (please refer to: [Curionaute; Le dictionnaire alternatif]), publishing youth argotisms on the regular. At the stage of verification of argotic units for their vitality and frequency of use, methods of remote field work are tested [Ретинская и др., 2020; Ponchon et al., 2021]. Laboratory members continue to develop online questionnaires and conduct structured online interviews. The "one from the other" method is worth mentioning (the term of A.S. Gerd: [Герд, 2006: 203]). The method contributes to both the decoding of password units and the identification of frequency and rare argotisms, as well as revealing typical characteristics of argot-speaking. It should be noted that the first work "in the field" was organized in 2007, the experimentation of which is the basis for annual field research (for more

details, refer to [Retinskaya, 2015a]). At the same time, the methods of taking field notes are extrapolated for experiments on collecting regionalisms (refer to: [Retinskaya, 2024]).

2.2. System analysis models of argotic vocabulary

The multi-aspect characteristic of the reference group of argotic vocabulary, first proposed by E.M. Beregovskaya, includes five components: 1) the volume of the lexical fund; 2) features of word formation; 3) semantic dominants; 4) synonymy; 5) imagery [Береговская, 2004]. Referring to this scheme, national argotologists continued to develop models for describing the substandard part of the French lexical fund. Thus, such constants as tropological space, features of functioning, speech portrait of the user of the argotic vocabulary are integrated into the complex analysis of the inventory components of the non-conventional continuum (for more details, refer to: [Ретинская, 2013a; Ретинская, 2013b; Кузьмина, 2022; Ретинская, 2023a; Retinskaya, 2014a; Retinskaya, 2015b]).

A great amount of data documented by both French and national argotographers allows us to focus on new research paradigms based on a detailed description of individual constants of a multidimensional analysis of the sublanguage of a social or professional group. Beyond all dispute, this kind of research includes a classification of the sources and mechanisms of argotic word creation, based on a comparison of argotisms of one or several synchronic sections. As examples, we will cite not only articles [Ретинская и др., 2020; Кузьмина, 2021; Коныгина и др., 2023; Кудрявцева, 2024; Retinskaya, 2014b; Retinskaya, 2021], but also a textbook [Ретинская, 2022b]. A number of publications present the results of describing semantic fields and dominants [Ретинская, 2023b; Retinskaya, 2017] and the main characterics of non-conventional synonyms [Ретинская, 2010; Фанарюк и др., 2023].

2.3. Algorithm for analyzing argotic units in the fabric of a literary text

The methodology for a comprehensive study of the lexical-stylistic subsystem in the system of a literary text was first proposed by E.M. Beregovskaya [Береговская, 1975]. Russian argotologists continue to test the algorithm for studying argotisms extracted from the literary texts (refer to: [Козельская, 2016; Retinskaya, 2018; Proskuryakova et al., 2022]). Thus, the model of a systematic description of non-conventional units in the fabric of a literary text contains the following constants:

1) determination of the theme of the work;

2) identification of argoreceptive realities and semantic dominants;

3) characteristics of the concentration and frequency of argotic units;

4) analysis of techniques for textual explanation of lexemes that are not included in the lexical system of the French literary language, and determination of their place in the author's and transmitted speech;

5) description of the functions of argotisms.

In the latest research, the presented algorithm for describing trends in the use of specific lexical units in the aesthetic function is supplemented by the classification of synonyms and the systematization of elements of tropological space [Высоцкая, 2024].

3. Conclusion

To conclude, in this article we have summed up the results of the work of Russian argotologists in the first quarter of the 21st century. The collected material, illustrating the peculiar features of the functioning of the elements of a specific lexical fund of the national language, should be used for further argotography (compilation of author's and thematic glossaries of argotic lexemes, creation of interactive online dictionaries of sublanguages of social/professional groups) and conducting new field experiments. Interaction with informants in a remote format makes it possible to carry out research on determining vitality and web mapping of core and peripheral units of the non-conventional lexical continuum.

Литература

Береговская Э.М. (1975) Социальные диалекты и язык современной французской прозы. Смоленск: СГПИ. 120 с.

Береговская Э.М. (2004) Пятиаспектный анализ профессиональных арго: (На материале арго французских авто- и мотогонщиков). Социальные варианты языка – III. Н. Новгород: НГЛУ. С. 205–209.

Береговская Э.М. (2011) Изучение французского арго в России // Французская арготология в России. Смоленск: Изд-во СмолГУ. С. 5–10.

Войнова Н.В. (2022) Заимствования из традиционного арго как источник формирования французского общего молодежного арго // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. Т. 22. Вып. 1. С. 30–36.

Высоцкая А.С. (2024) Модель системного описания арготизмов, инкорпорированных в ткань художественного текста: (На материале романа Клод Изнер «Sang dessus dessous») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 17 (2). С. 273–280.

Герд А.С. (2006) О лингвистическом подходе к понятию «жаргон». Слово в словаре и дискурсе: Сб. научн. ст. к 50-летию Харри Вальтера. М.: ЭЛПИС. С. 201–208.

Дебов В.М. (2016) Словарь аббревиатурных рифм французского рэпа. Иваново: Изд-во ИвГУ. 198 с.

Дебов В.М. (2022) Лексика лингала как рифмокомпонент французского рэпа: (К характеристике молодежного стихотворчества). Иваново: Изд-во ИвГУ. 202 с.

Дебов В.М. (2023) Африканизмы в рифмах французского рэпа: (К специфике молодежного стихотворчества XXI века). Иваново: Изд-во ИвГУ. 440 с.

Козельская Е.А. (2016) Рено Сешан: Возвращение поэта-арготье: (На материале альбома Renaud) // Риторика. Лингвистика. Вып. 12. Смоленск: Изд-во СмолГУ. С. 283–289

Коныгина Е.А., Козельская Е.А, Ретинская Т.И. (2023) Синонимическая субституция как специфический механизм арготического словотворчества: Особенности терминологической номинации: (На материале французского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 16 (1). С. 253–259.

Кудрявцева, Н.А. (2023) Англоязычные заимствования как источник формирования французского молодежного арго // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. Т. 23. Вып. 4. С. 346–351.

Кудрявцева Н.А. (2024) Метафорические переносы в речи современной французской молодежи: (На материале англоязычных заимствований) // Когнитивные исследования языка. № 1. С. 39–43.

Кузьмина О.А. (2021) К вопросу о конвергенции механизмов арготического словотворчества: (На материале новейшего синхронического среза французского молодежного арго) // Мир науки, культуры, образования. № 4 (89). С. 415–417.

Кузьмина О.А. (2022) Поликонстантный анализ французского молодежного арго // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. № 45 (1). С. 93–99.

Ретинская Т.И. (2010) Синонимика как компонент полиаспектного анализа французских профессиональных арго // Вестник Волгоградского государственного университета. № 2 (12). С. 131–136.

Ретинская Т.И. (2013a) Арго французских булочников и кондитеров // Риторика в свете современной лингвистики. Смоленск: Изд-во СмолГУ. С. 86–89.

Ретинская Т.И. (2013b) Арго французских отельеров и рестораторов // Риторика. Лингвистика. Вып. 10. Смоленск: Изд-во СмолГУ. С. 305–310.

Ретинская Т.И. (2022a) Словарь арго французской учащейся молодежи. 3-е изд. М.: ЛЕНАНД. 168 с.

Ретинская Т.И. (2022b) Французское молодежное арго: Опыт анализа механизмов словотворчества: Уч. пособие. Орел: Изд-во ОГУ им. И.С. Тургенева. 163 с.

Ретинская Т.И. (2023a) Французские профессиональные арго: Социолингвистический и функционально-стилистический анализ: Монография. 2-е изд., доп. М.: URSS. 288 с.

Ретинская Т.И. (2023b) Семантическая характеристика компонентов неконвенционального лексического континуума: Уч. пособие. Орел: Изд-во ОГУ им. И.С. Тургенева. 89 с.

Ретинская Т.И., Кузьмина О.А. (2020) Системные механизмы арготического словопреобразования: (На материале новейшего синхронического среза французского молодежного арго) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. Т. 30. Вып. 6. С. 1031–1036.

Ретинская Т.И., Войнова Н.В. (2020) Об одной из констант алгоритма микросоциолингвистического исследования // Социолингвистика. № 4 (4). С. 34–48. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-4-4-34-48.

Фанарюк К.А., Кузьмина О.А. (2023) Алгоритм инвентаризации синонимов французского молодежного арго:(На материале рэп-произведений) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 16. № 5. С. 1536–1540.

Curionaute. Décryptez le langage des jeunes et des ados. Available at: https://www.lecurionaute.fr/comprendre-langage-jeunes-ados-oklm. Access date: 22.01.2024.

Debov, V. (2015) Glossaire du verlan dans le rap français. P.: L'Harmattan. 444 p.

Debov, V. (2017) Rimes de rap français: Abréviations, sigles et acronymes. P.: L'Harmattan. 678 p.

Debov, V. (2021) Rimes romanes dans le rap français. P.: L'Harmattan. 706 p.

Goudaillier, J.-P. (2019) Comment tu tchatches ! Dictionnaire du français contemporain des cités. Nouvelle édition augmentée. P.: Maisonneuve et Larose. 304 p.

Kuzmina, O., Retinskaya, T. (2021) Couche synchronique la plus récente de l'argot français des jeunes (2010–2021): Systématisation de mécanismes de création lexicale // Synergies Europe. Vol. 16. Pp. 211–222.

Le dictionnaire alternatif. Available at: http://www.urbandico.com/. Access date: 17.01.2024.

Mongaillard, V. (2013) Le petit livre de la tchatche. Décodeur de l'argot des cités. P.: Editions First-Gründ. 165 p.

Ponchon, Th., Retinskaya, T., Voynova, N., Baghana, J., Karpenko, V. (2021) Élaboration d'une base empirique pour la cartographie web des argotismes communs des jeunes français // XLinguae. No. 4. Pp. 209–226. DOI: 10.18355/XL.2021.14.04.14

Proskuryakova, D., Ponchon, Th., Retinskaya, T., Baghana, J., Prokhorova, O. (2022) Les fonctions des argotismes dans l'œuvre de Faïza Guène // XLinguae. No. 4. Pp. 148–184. DOI: 10.18355/XL.2022.15.04.14

Retinskaya, T. (2014a) Analyse polyvalente de l'argot des agriculteurs français // Argot(s) et variations (coll. InnTrans) / J.-P. Goudaillier & E. Lavric (éds). Frankfurt am Main; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Warszawa; Wien: Éditions Peter Lang GmbH. Pp. 123–133.

Retinskaya, T. (2014b) Les français régionaux comme sources de formation des argots de métiers (sur l'exemple de l'argot des viticulteurs et producteurs de champagne) // Fonctions identitaires en situation diglossiques: Argots, dialectes, patois / A. Kacprzak & J.-P. Goudaillier (éds). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego. Pp. 163–169.

Retinskaya, T. (2015a) Argots français de métiers: une étude de terrain // Acta Universytatis Lodziensis. Folia Litteraria Romanica. Pratiques langagières périphériques / A. Woch (éd.). No. 10. Pp. 33–39. DOI: 10.18778/1505-9065.10.05

Retinskaya, T. (2015b) L'argot des poilus – procédés de formation d'unités argotiques, concepts dominants, fonctions majeures: Parlures argotiques et pratiques sportives et corporelles // Revue d'Etudes Françaises / J.-P. Goudaillier & D. Szabó (éds). No. 20. Budapest: Université Paris Descartes, Université Eötvös Loránd de Budapest. Pp. 211–216.

Retinskaya, T. (2017) Cartographie des argotismes de la dominante sémantique « Crise» (à partir de l'exemple de l'argot des agriculteurs français) // Argot et crises / M. Planelles Iváñez & J.-P. Goudaillier (éds.). Frankfurt am Main; Bern; Berlin; Bruxelles; New York; Oxford; Warszawa; Wien: Peter Lang Edition. Pp. 179–189.

Retinskaya, T. (2018) Cellule XIII de Jean Rogissart: Fusion des éléments du français hors norme // Linguistica. No. 58. Pp. 119–128. DOI: 10.4312/linguistica.58.1.119-128

Retinskaya, T. (2024) « De l'initié à l'initié»: Un procédé méthodologique de recueil et d'explication des formes onomastiques // La variation onomastique. Richesse onomastique de la vallée de la Loire / M. Tamine & S. Lejeune (éds). P.: Éditions L'Harmattan. Pp. 241–249.

Ribeiro, S. (2014) Dictionnaire Ados Français. P.: Éditions First. 399 p.

Tengour, A. (2013) Tout l'argot des banlieues. Le dictionnaire de la zone en 2600 définitions. P.: Les Éditions de l'Opportun. 732 p.

Valliet, B. (2018) Lexique ta mère. Tournai: Fortuna. 127 p.

Vincenti, A. (2017) Les mots du bitume. De Rabelais aux rappeurs, petit dictionnaire de la langue de la rue. P.: Le Robert. 221 p.

References

Beregovskaya, E.M. (1975) Social'nye dialekty i jazik sovremennoj francuzskoj prozy [Social dialects and the language of modern French prose]. Smolensk: Smolensk State Pedagogical Institute Publishing House. 120 p. (In Russ.)

Beregovskaya, E.M. (2004) Pyatiaspektnyj analiz professionalnykh argo: (Na materiale argo franczuzskikh avto- i motogonshchikov) [Five-aspect analysis of professional argot: (Based on the argot of French auto and motorcycle racers)] // Social language variants – III. N. Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistic University Publishing House. Pp. 205–209. (In Russ.)

Beregovskaya, E.M. (2011) Izuchenie francuzskogo argo v Rossii [Study of French Argot in Russia]. Francuzskaya argotologiya segodnya. Smolensk: Smolensk State University Publishing House. Pp. 5–10. (In Russ.)

Voynova N.V. (2022) Zaimstvovaniya iz tradicionnogo argo kak istochnik formirovanija francuzskogo obshchego molodezhnogo argo [Borrowings from the traditional argot as a source of the formation of French commun youth argot] // Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism. Vol. 22. Iss. 1. Pp. 30–36. (In Russ.)

Vysotckaya, A.S. (2024) Model' sistemnogo opisanija argotizmov, inkorporirovannyh v tkan' hudozhestvennogo teksta: (Na material romana Claude Izner «Sang dessus dessous») [A model of a systematic description of argot units incorporated in the fabric of the literary text: (Based on the novel «Sang dessus dessous» by Claude Izner)] // Phililogy. Theory & Practice. 17 (2). Pp. 273–280. (In Russ.)

Gerd, A.S. (2006) O lingvisticheskom podkhode k ponjatiju "zhargon" [About linguistic approach to the concept of "jargon"]. Slovo v slovare i diskurse. M.: ELPIS . Pp. 201–208. (In Russ.)

Debov, V.M. (2016) Slovar' abbreviaturnykh rifm [Abbreviated rhyme dictionary of the Frenchrap]. Ivanovo: Ivanovo State University Publishing House. 198 p. (In Russ.)

Debov, V.M. (2022) Leksika lingala kak rifmokomponent francuzskogo repa: (K harakteristike molodezhnogo stihotvorchestva) [Lingala vocabulary as a rhyme component of the French rap (about the characteristics of youth poetry)]. Ivanovo: Ivanovo State University Publishing House. 202 p.

Debov, V.M. (2023) Afrikanizmy v rifmah francuzskogo repa: (K specifike molodezhnogo stihotvorchestva XXI veka [Africanisms in the rhymes of the French rap (about the specifics of youth poetry of the 21st century)]. Ivanovo: Ivanovo State University Publishing House. 440 p.

Kozelskaya, E.A. (2016) Renaud Séchan: Vozvrashchenie poeta-argot'e: (Na material al'boma Renaud) [Renaud Séchan:Tthe return of the argot-poet: (On the material of the album Renaud)] // Rhetoric. Linguistics. Smolensk: Smolensk State University Publishing House. Vol. 12. Pp. 283–289. (In Russ.)

Konygina, E.A., Kozelskaya, E.A., Retinskaya, T.I. (2023) Sinonimicheskaja substitucija kak specificheskij mehanism argoticheskogo slovotvorchestva: Osobennosti terminologicheskoj nominatsii: (Na materiale francuzskogo jazyka) [Synonymic Substitution as a Specific Mechanism of Argotic Word-Making: Features of Terminological Nomination (By the Material of the French Language)] // Philology. Theory & Practice. Vol. 16. Iss. 1. Pp. 253–259. (In Russ.)

Kudriavtseva, N.A. (2023) Anglojazychnie zaimstvovanija kak istochnik formirovanija francuzskogo molodezhnogo argo [English-language borrowings as a source of formation of the French youth argot] // Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism. Vol. 23. Iss. 4. Pp. 346–351. DOI: 10.18500/1817-7115-2023-23-4-00-00. (In Russ.)

Kudriavtseva, N.A. (2024) Metaforicheskie perenosi v rechi sovremennoj francuzskoj molodezhi: (Na materiale anglojazychnih zaimstvovanij) [Metaphorical transfers in the modern french youth speech: (On the material of english-language borrowings)] // Cognitive Studies of Language. No. 1. Pp. 39–43. (In Russ.)

Kuzmina, O.A. (2021) K voprosu o konvergencii mehanismov argoticheskogo slovotvorchestva: (Na materiale novejshego sinhronicheskogo sreza francuzskogo molodezhnogo argo) [About the convergence of mechanisms of argotic word-creation: (Based on the material of the latest synchronous cut of the French youth argot)] // World of Science, Culture, Education. No. 4 (89). Pp. 415–417. (In Russ.)

Kuzmina, O. (2022) Polikonstantnyj analiz francuzskogo molodezhnogo argo **[**Polyconstant analysis of the French youth argot] // MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education. No. 45 (1). Pp. 93–99. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.45.1.10. (In French)

Retinskaya, T.I. (2010) Sinonimika kak component poliaspektnogo analiza francuzskih professionalnyh argo [Synonymity as a component of the French professional argots polyaspectual analysis] // Science Journal of Volgograd State University. No. 2 (12). Pp. 131–136. (In French)

Retinskaya, T.I. (2013a) Argo francuzskih bulochnikov i konditerov [Argot of French bakers and pastry chefs] // Rhetoric in the light of modern linguistics. Smolensk: Smolensk State University Publishing House. Pp. 86–89. (In Russ.)

Retinskaya, T.I. (2013b) Argo francuzskih otel'erov i restoratorov [Argot of French hoteliers and restaurateurs] // Rhetoric. Linguistics. Smolensk: Smolensk State University Publishing House. Vol. 10. Pp. 305–310. (In Russ.)

Retinskaya, T.I. (2022a) Slovar' argo francuzskoj uchashchejsja molodezhi [Dictionary of argot for French studying youth]. Ed. 3. M.: LIBROKOM. 168 p.

Retinskaya, T.I. (2022b) Francuzskoe molodezhnoe argo: Opyt analiza mehanismov slovotvorchestva [French youth argotv: Experience in analyzing the mechanisms of word creation]: Textbook. Orel: Orel State University Publishing House. 163 p. (In Russ.)

Retinskaya, T.I. (2023a) Frantsuzskie professional'nye argo: Sociolingvisticheskij i funkcional'no-stilisticheskij analiz [French professional argot: A sociolinguistic and functional stylistic analysis]: Monograph. Ed. 2, add. M.: URSS. 288 p. (In Russ.)

Retinskaya, T.I. (2023b) Semanticheskaja harakteristika komponentov nekonvencional'nogo leksicheskogo kontinuuma [Semantic characteristics of the components of the non-conventional lexical continuum]: textbook. Orel: Orel State University Publishing House. 89 p.

Retinskaya T.I., Kuzmina O.A. (2020) Sistemnye mehanismy argoticheskogo slovopreobrazovanija: (Na materiale novejshego sinhronicheskogo sreza francuzskogo molodezhnogo argo) [System mechanisms of argot word-formation: (Based on the latest synchronic stratum of the French youth argot)] // Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series. Vol. 30 (6). Pp. 1031–1036. (In Russ.)

Retinskaya, T.I., Voynova, N. (2020) Ob odnoj iz constant algoritma mikrosociolingvisticheskogo issledovanija [About one of the constants of the microsociolinguistic research algorithm]. Sociolinguistics. No. 4 (4). Pp. 34–48. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-4-4-34-48 (In Russ.)

Fanaryuk, K.A., Kuzmina, O.A. (2023) Algoritm inventarizacii sinonimov francuzskogo molodezhnogo argo: (Na materiale rep-proizvedenij) [Algorithm for the systematisation of synonyms in French youth argot: (On the material of rap works)] // Philology. Theory & Practice. Vol. 16. Iss. 5. Pp. 1536–1540. (In Russ.)

Curionaute. Décryptez le langage des jeunes et des ados [Deciphering the language of young people and teenagers]. Available at: https://www.lecurionaute.fr/comprendre-langage-jeunes-ados-oklm. Access date: 22.01.2024.

Debov, V. (2015) Glossaire du verlan dans le rap français [Glossary of slang in French rap]. P.: L'Harmattan. 444 p.

Debov V. (2017) Rimes de rap français: bréviations, sigles et acronymes [French rap rhymes: abbreviations, acronyms and initialisms]. P.: L'Harmattan. 678 p.

Debov V. (2021) Rimes romanes dans le rap français [Roman rhymes in French rap]. P.: L'Harmattan. 706 p.

Goudaillier, J.-P. (2019) Comment tu tchatches ! Dictionnaire du français contemporain des cités. Nouvelle édition augmentée [How you chat! Dictionary of contemporary French from the cities. New expanded edition]. P.: Maisonneuve et Larose. 304 p.

Kuzmina, O., Retinskaya, T. (2021) Couche synchronique la plus récente de l'argot français des jeunes (2010–2021): Systématisation de mécanismes de création lexicale [Most recent synchronic layer of French youth slang (2010–2021): Systematization of lexical creation mechanisms] // Synergies Europe. Vol. 16. Pp. 211–222. (In French)

Le dictionnaire alternatif [The Alternative Dictionary]. Available at: http://www.urbandico.com/. Access date: 06.02.2024.

Mongaillard, V. (2013) Le petit livre de la tchatche. Décodeur de l'argot des cités [The Little Book of Chat. Decoder of City Slang]. P.: Editions First-Gründ. 165 p.

Ponchon, Th., Retinskaya, T., Voynova, N., Baghana, J., Karpenko, V. (2021) Élaboration d'une base empirique pour la cartographie web des argotismes communs des jeunes français [Development

of an empirical basis for web mapping of common slang terms among young French people] // XLinguae. No. 4. Pp. 209–226. DOI: 10.18355/XL.2021.14.04.14 (In Russ.)

Proskuryakova, D., Ponchon, Th., Retinskaya, T., Baghana, J., Prokhorova, O. (2022) Les fonctions des argotismes dans l'œuvre de Faïza Guène [The functions of slang in the work of Faïza Guène] // XLinguae. No. 4. Pp. 148–184. DOI: 10.18355/XL.2022.15.04.14 (In Russ.)

Retinskaya, T. (2014a) Analyse polyvalente de l'argot des agriculteurs français // Argot(s) et variations (coll. InnTrans) [Versatile analysis of French farmers' slang // Slang(s) and variations (coll. InnTrans)] / J.-P. Goudaillier & E. Lavric (éds). Frankfurt am Main; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Warszawa; Wien: Éditions Peter Lang GmbH. Pp. 123–133. (In Russ.)

Retinskaya, T. (2014b) Les français régionaux comme sources de formation des argots de métiers (sur l'exemple de l'argot des viticulteurs et producteurs de champagne) // Fonctions identitaires en situation diglossiques: argots, dialectes, patois [Regional French as sources of formation of professional slang (on the example of the slang of winegrowers and champagne producers) // Identity functions in diglossic situations: slang, dialects, patois] / A. Kacprzak & J.-P. Goudaillier (éds). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego. Pp. 163–169. (In Russ.)

Retinskaya, T. (2015a) Argots français de métiers: une étude de terrain // Acta Universytatis Lodziensis. Folia Litteraria Romanica. Pratiques langagières périphériques [French slang of professions: a field study // Acta Universytatis Lodziensis. Folia Litteraria Romanica. Peripheral language practices] / A. Woch (éd.). No. 10. Pp. 33–39. DOI: 10.18778/1505-9065.10.05 (In Russ.)

Retinskaya, T. (2015b) L'argot des poilus – procédés de formation d'unités argotiques, concepts dominants, fonctions majeures: Parlures argotiques et pratiques sportives et corporelles // Revue d'Etudes Françaises [The slang of the poilus – processes of forming slang units, dominant concepts, major functions: Slang speech and sports and bodily practices] / J.-P. Goudaillier & D. Szabó (éds). No. 20. Budapest: Université Paris Descartes, Université Eötvös Loránd de Budapest. Pp. 211–216. (In French)

Retinskaya, T. (2017) Cartographie des argotismes de la dominante sémantique « Crise»: (À partir de l'exemple de l'argot des agriculteurs français) [Mapping of slang terms of the semantic dominant "Crisis": (Based on the example of French farmers' slang)] // Argot et crises / M. Planelles Iváñez & J.-P. Goudaillier (éds.). Frankfurt am Main; Bern; Berlin; Bruxelles; New York; Oxford; Warszawa; Wien: Peter Lang Edition. Pp. 179–189. (In Russ.)

Retinskaya, T. (2018) Cellule XIII de Jean Rogissart: Fusion des éléments du français hors norme [Cell XIII by Jean Rogissart: Fusion of the elements of non-standard French] // Linguistica. No. 58. Pp. 119–128. DOI: 10.4312/linguistica.58.1.119-128 (In French)

Retinskaya, T. (2024) « De l'initié à l'initié»: Un procédé méthodologique de recueil et d'explication des formes onomastiques ["From the initiate to the initiate": A methodological process for collecting and explaining onomastic forms] // La variation onomastique. Richesse onomastique de la vallée de la Loire / M. Tamine & S. Lejeune (éds). P.: Éditions L'Harmattan. Pp. 241–249. (In French)

Ribeiro, S. (2014) Dictionnaire Ados Français [French Teen Dictionary]. P.: Éditions First. 399 p.

Tengour, A. (2013) Tout l'argot des banlieues. Le dictionnaire de la zone en 2600 définitions [All the slang of the suburbs. The dictionary of the area in 2600 definitions]. P.: Les Éditions de l'Opportun. 732 p. (In French)

Valliet, B. (2018) Lexique ta mère [Your mother's lexicon]. Tournai: Fortuna. 127 p. (In French)

Vincenti, A. (2017) Les mots du bitume. De Rabelais aux rappeurs, petit dictionnaire de la langue de la rue [Words of the asphalt. From Rabelais to rappers, a small dictionary of the language of the street]. P.: Le Robert. 221 p. (In French)

Ретинская Татьяна Ивановна – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой романской филологии, руководитель Международной научно-исследовательской лаборатории «Проблемы социального и территориального разноречия» Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.
https://orcid.org/0000-0002-1369-1475
Адрес: 302026, Россия, г. Орел, ул. Комсомольская, 95.
Эл. адрес: tatret@mail.ru

Поншон Тьерри – доктор филологических наук, профессор Реймского университета Шампань-Арденн (Франция), старший научный сотрудник Лаборатории «Семиотика – Текстология – Компьютерная и корпусная лингвистика – История языка» Университета Париж-IV (Сорбонна), профессор Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.
https://orcid.org/0009-0003-7695-509X
Адрес: 51100, Франция, г. Реймс, ул. Габриель Вуазен, 11.
E-mail: thierry.ponchon@univ.reims.fr

Retinskaya Tatiana Ivanovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of Romance Philology, Head of Research laboratory Problems of Social and Territory Heteroglossia, Orel State University named after I.S. Turgenev.
https://orcid.org/0000-0002-1369-1475
Address: 95, Komsomolskaya st., Orel, Russia, 302026
E-mail address: tatret@mail.ru

Thierry Ponchon – Doctor of Philology, Associate professor, University of Reims-Champagne Ardenne, Research laboratory Meaning, Text, Computing, History (Sorbonne University), and Orel State University named after I.S. Turgenev.
https://orcid.org/0009-0003-7695-509X
Address: 11, rue Gabriel Voisin, Reims, France, 51100
E-mail address: thierry.ponchon@univ.reims.fr

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

For citation: *Retinskaya, T.I., Ponchon, T.* French argotology in Russia in the first quarter of the 21st century // Sociolingvistika. 2024. No. 3 (19). Pp. 135–146. DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-135-146

Для цитирования: *Ретинская Т.И., Поншон Т.* Французская арготология в России в первой четверти XXI века // Социолингвистика. 2024. № 3 (19). С. 135–146. (In Eng.) DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-135-146

The article was submitted 10.02.2024;
approved after reviewing 18.07.2024;
accepted for publication 15.09.2024.

УДК 81’23 DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-147-160

ПОНЯТИЯ «ЯЗЫК» И «ДИАЛЕКТ» В ПРИЛОЖЕНИИ К ИТАЛО-РОМАНСКОМУ АРЕАЛУ

Борис П. Нарумов
Институт языкознания Российской академии наук, Российская Федерация

Публикуемый фрагмент незавершенной монографии Б.П. Нарумова (1946–2007) посвящен соотношению языка и диалекта в итало-романском ареале и осмыслению этого соотношения в итальянской лингвистике второй половины XX в. В Италии функционирует общеитальянский литературный язык на тосканской диалектной основе, но хорошо сохранились и многочисленные территориальные варианты, традиционно именуемые диалектами. В Италии не принято именовать эти идиомы «диалектами итальянского языка», поскольку термин «итальянский язык» воспринимается как обозначение литературной нормы, сформировавшейся на основе тосканского диалекта. Именуется только литературная норма, сформировавшаяся на основе тосканского диалекта; предпочтительнее термины «диалекты Италии» или «итальянские диалекты». Диалекты не рассматриваются как производные от итальянского литературного языка; они представляют собой результат автономного развития народной латыни на соответствующей субстратной основе, значительно отличаются структурно и составляют неотъемлемую часть лингвистической идентичности большинства итальянцев. В работе анализируются основные понятия, используемые в итальянском языкознании для описания социолингвистической ситуации в Италии: общий язык, литературный язык, национальный язык, региональный итальянский. Проблема соотношения языка и диалекта представляется не как дихотомия, а как соотношение целого ряда регистров, которыми в той или иной мере владеют все итальянцы.

Ключевые слова: *итальянский язык, диалекты Италии, языковое варьирование, литературный язык, диглоссия*

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Б.П. Нарумов, 2024

CONCEPTS OF “LANGUAGE” AND “DIALECT” IN THE ITALO-ROMANCE AREA

Boris P. Narumov
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The published fragment of the unfinished monograph by Boris P. Narumov (1946–2007) is devoted to the interrelationship between language and dialect in the Italo-Romance area and the understanding of this relationship in Italian linguistics of the second half of the 20th centuriy. In Italy, there is a common Italian literary language based on the Tuscan dialect, but numerous regional varieties, traditionally called dialects, have also been well preserved. In Italy, it is not customary to call these idioms "dialects of the Italian language", since the term "Italian language" is perceived as a designation of the literary norm formed on the basis of the Tuscan dialect. Only the literary norm formed on the basis of the Tuscan dialect is named; the terms "dialects of Italy" or "Italian dialects" are preferable. Dialects are not considered derivatives of the Italian literary language: they are the result of the autonomous development of Vulgar Latin on a corresponding substrate basis, differ significantly structurally and constitute an integral part of the linguistic identity of most Italians. The paper analyzes the main concepts used in Italian linguistics to describe the sociolinguistic situation in Italy: common

language, literary language, national language, regional Italian. The problem of the relationship between language and dialect is presented not as a dichotomy, but as a relationship between a number of registers that to a certain extent all Italians know.

***Keywords**: Italian language, dialects of Italy, linguistic variation, literary language, diglossia*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Boris P. Narumov, 2024

1. Введение

Основная особенность социолингвистической ситуации в современной Италии заключается в одновременном функционировании такого количества языковых разновидностей, выделяемых по нескольким параметрам, которое намного превосходит количество разновидностей, выделяемых в любом другом ареале европейской Романии [Holtus et al.: 1983; Muljačić, 1990]. Итало-романский ареал дает богатый материал для разысканий в области вариационной лингвистики, и хотя в ней по существу снимается дихотомия «язык/диалект», заменяемая целой гаммой интерлектов, тем не менее данное противопоставление сохраняется и в лингвистических трудах, и в сознании говорящих, и в разного рода языковых идеологиях, что свидетельствует о чрезвычайной устойчивости некоторых концептов, унаследованных гуманитарной мыслью от языкознания XIX в.

Определение понятия итало-романского (или просто итальянского) ареала по праву считается наиболее спорным моментом в общей классификации романских идиомов [Zamboni, 1998]. Тем не менее состав итало-романской подгруппы может определяться очень просто: к ней относится вся совокупность романских идиомов, на которых говорят в Италии. Из этого ареала может исключаться Сардиния, но включаться Корсика, хотя для корсиканского «ведущим языком» является не итальянский, а французский [Челышева, 2001: 91].

Итальянские лингвисты выделяют на оси «язык – диалект» обычно четыре социогеографических разновидности: 1) стандартный итальянский язык; 2) региональный итальянский язык; 3) итальянизированный диалект или диалектное койне; 4) локальный диалект. Дж. Пеллегрини уточняет, что границы между разновидностями нечеткие и условные и при выделении разновидностей (именуемых часто регистрами) следует исходить не из фонетики, поскольку диалектное произношение может сохраняться и в региональном итальянском, а из морфологических особенностей, которые четко отделяют язык от диалектов [Pellegrini, 1975: 12].

Г. Берруто не считает возможным характеризовать как диглоссную языковую ситуацию в Италии, ибо о диглоссии принято говорить, когда используются значительно различающиеся между собой языковые разновидности, которые тем не менее принадлежат одной (диа)системе,

причем в повседневном общении используются и стандартный язык, и диалекты. Такую ситуацию автор предложил называть дилалией [Berruto, 1987: 57].

По мнению Г. Берруто, несмотря на взаимопроникновение в устной речи итальянского языка и диалектов, смешанных языковых образований в Италии не возникает. Нет гибридных систем, есть лишь гибридные тексты, но они являются результатом переключения кодов, поэтому каждую языковую форму в таких текстах можно приписать или итальянскому языку, или диалекту, используя морфологические критерии. Только итальянизация лексики позволяет считать, что структурная дистанция между итальянским литературным языком и диалектами в последние десятилетия уменьшилась [Berruto, 1988: 223; Berruto, 2000: 28–32]. Наряду с итальянизацией диалектов происходит формирование региональных и субрегиональных диалектных койне – частично итальянизированных диалектных разновидностей, базирующихся на диалекте регионального центра и лишенных наиболее заметных узколокальных признаков [Berruto, 1988: 223]. Процесс итальянизации более всего выражен именно там, где сформировались региональные диалектные койне: Ломбардия, Венето, Пьемонт, Кампания, Сицилия. По мнению Г. Санги, итальянизация диалектов делает их положение более стабильным в ситуации макродиглоссии [Sanga, 1981: 99].

Видный итальянский диалектолог К. Грасси также считает, что параллельное функционирование стандартного итальянского языка и локальных диалектных разновидностей ведет не к конвергенции между ними, а к умножению разновидностей как языка, так и диалектов, при том что непосредственный контакт наблюдается не между языком и диалектами, а между региональными устными разновидностями: городскими диалектами, субрегиональными койне [Grassi, 1993:307].

2. Понятие языка в итальянской лингвистике

В итальянском языкознании достаточно подробно разработано как общее понятие языка без дальнейших определений, так и различные частные понятия языка: общий, стандартный и т.д. Понятие языка может быть абсолютным и относительным. В абсолютном (структурном) смысле язык – любая вербальная система коммуникации, используемая той или иной коммуникативной общностью (например, в Пьемонте с этой точки зрения сосуществуют итальянский и пьемонтский языки) [Cortelazzo, 1969: 141].

В итальянистике, однако, термин «язык» традиционно используется в относительном смысле и обозначает такую вербальную систему коммуникации, которой подчинены в функциональном плане другие системы, именуемые диалектами [Berruto 1987: 77]. Язык, претендующий на роль подчиняющего языка, должен обладать некоторыми абсолютными

характеристиками, делающими его пригодным для этой цели. В [Grassi et al., 1997: 10] выделяются такие особенности «европейских языков», как жесткая кодификация, поддержка со стороны государственных органов, наличие престижных моделей узуса (включая художественную литературу), распространяемых через систему школьного образования. Для итальянской традиции характерно подчеркивание такой функции языка, как литературно-художественная; только наличие художественной литературы позволяет считать язык языком [Bruni, 1984: 59–60; Devoto, 1972: 44], поэтому можно сказать, что в Италии язык – это прежде всего литературный язык в изначальном смысле этого слова.

Для итальянистики нехарактерно уравнивание языка и диалекта во внутриструктурном плане, поскольку языком признается не любая лингвистическая система, а только нормированная и унифицированная, обладающая определенным социолингвистическим статусом и престижем. История становления литературного итальянского хорошо изучена, и в настоящее время не наблюдается приравнивания литературного языка к диалекту (флорентийскому, тосканскому), послужившему основой его формирования.

Рассмотрим некоторые ключевые понятия, используемые при описании языка.

Понятие общего языка (ОЯ). Как и в других отраслях романского языкознания, в итальянистике термин «общий язык» имеет два основных значения.

Во-первых, ОЯ может приравниваться к конкретной лингвеме – итальянскому литературному языку, именуемому также национальным; в таком случае выражения «общий язык», «литературный язык» и «национальный язык» становятся референциальными синонимами [Vitale, 1962: 5]. Л. Канепари выделяет устный ОЯ как такую разновидность, в которой отсутствуют морфосинтаксические «отклонения» от стандартного языка; фактически он используется лишь в речи актеров, дикторов и некоторых интеллектуалов, а остальные образованные итальянцы допускают в своей речи регионализмы, поэтому можно выделить также и региональные ОЯ [Canepari, 1975: 472–473].

Во-вторых, ОЯ может мыслиться как абстракция, как совокупность общих признаков, присутствующих в речи всех итальянцев и сочетающихся с региональными элементами [Poggi Salani, 1982: 121]. М. Берретта определяет ОЯ как некую усредненную разновидность («средний язык»), не маркированную диатопически, диастратически и диафазически и состоящую из панитальянских признаков. Эту совокупность он именует также italiano popolare ‘народным итальянским’, хотя речь идет не о конкретной лингвеме, а об общих элементах устных региональных разновидностей. ОЯ предстает как статистическая норма и как образец, на который более или менее ориентируется говорящий; этот язык можно назвать также «неостандартом». Поскольку средний итальянский язык нелегко выделить в качестве

немаркированной разновидности, автор сомневается, следует ли считать итальянский язык общего употребления подлинно языковой разновидностью или это только совокупность общих признаков, которые в речи всегда сочетаются с региональными признаками [Berretta, 1988: 776]. В целом, поскольку термин «общий язык» неоднозначен, целесообразность его применения в современных условиях, при наличии других, более точных, терминов, подвергается сомнению.

Понятие литературного языка (ЛЯ). В итальянском языкознании подробно изучен процесс формирования ЛЯ на основе флорентийского диалекта и выяснены причины его «возвышения» и последующего распространения в качестве ОЯ, а затем и национального языка Италии – причины как социального, так и чисто литературного, а также лингвистического порядка (больший консерватизм флорентийского, облегчающий релатинизацию лексики и принятие его в качестве ЛЯ образованными людьми) [De Mauro, 1989: XXIII–XXIV]. Мы обратим внимание лишь на один аспект ЛЯ, а именно на его письменный характер.

Благодаря осознанию глубоких различий между такими диамезическими (и одновременно диастратическими и диафазическими) разновидностями языка, как письменный и устный язык, для современной итальянистики нехарактерно отождествление исходной диалектной базы и ЛЯ, хотя последний первоначально именовался флорентийским или тосканским. Итальянский ЛЯ зародился в XII–XIII вв. именно как письменный язык в среде флорентийской буржуазии и в течение длительного времени использовался исключительно как язык деловой письменности и художественной литературы. Отличительной особенностью итальянской ситуации является глубокий разрыв между устным и письменным узусом, который начал преодолеваться лишь в XIX в. [Berruto, 2000: 9; Parlangeli, 1969: 748; Sanga, 1981: 93].

Языковой унификации Италии способствовало распространение именно письменной формы ЛЯ как той разновидности, которая поддается сознательной нормализации, а затем в качестве общего/стандартного/национального языка оказывает влияние и на устную речь, унифицируя до некоторой степени и ее [Koch, 1988: 344; Varvaro, 1989: 34; Walter, 1990: 38].

Понятие стандартного языка (СЯ). Несмотря на то что термин «стандартный язык» может показаться однозначным, в действительности он имеет разные значения [Poggi Salani, 1982: 122]. Г. Берруто выделяет три значения этого термина: 1) «типизированная абстракция» нормализованной и унифицированной разновидности, немаркированная по всем параметрам варьирования; 2) нормативная разновидность, кодифицированная в школьных учебниках и рассматриваемая как «правильный язык»; это СЯ де-юре; 3) языковая разновидность, обычно используемая образованными людьми; это СЯ де-факто, представляемый как образец для подражания [Berruto, 2000: 85]. Поскольку СЯ в последнем понимании достаточно широко распространен в среде образованных итальянцев, он может называться также ОЯ.

Однако по вопросу о возможности применения к ОЯ образованных людей термина «стандартный язык» высказываются сомнения, поскольку в их речи может наблюдаться легкая региональная окраска [Berruto, 1989: 9; Poggi Salani, 1982: 122]. Поэтому под СЯ в основном понимается все же некий идеальный язык, лишенный социальных и региональных коннотаций и описываемый в грамматиках [Canepari, 1975: 472; Grassi et al., 1997: 182]. Другой вопрос – на какую разновидность опираются авторы учебников и грамматик. В итальянской ситуации ответить на него, по-видимому, не представляет труда: поскольку кодификации подвергается прежде всего письменный язык, то в качестве образца «концептуальной письменности» берется традиция художественной литературы, узус «хороших авторов» [Koch, 1988: 344]. Вследствие этого понятие СЯ может отождествляться с понятием ЛЯ – языка, кодифицированного в грамматиках и учебниках, а также с понятием письменного языка [Sanga, 1981: 102].

В связи с абстрактным характером СЯ становится понятным утверждение об отсутствии прямых контактов между СЯ и локальными диалектными разновидностями; в действительности контактируют региональные разновидности устного итальянского языка и наиболее «высокие» диалектные разновидности: городские диалекты, субрегиональные койне [Grassi, 1993: 307].

Итальянские лингвисты не стремятся представить итальянский СЯ как диасистему, репрезентирующую основные особенности итало-романского ареала в целом, поскольку ее невозможно построить.

Понятие национального языка (НЯ). В отличие от понятий СЯ и особенно ОЯ, понятие национального языка получает более точное определение. НЯ предстает не как абстракция и не как некая совокупность лингвем, а как конкретная разновидность, та языковая система, которая признается в качестве символа нации и повсеместно используется, прежде всего, на письме и в официальной сфере общения [Berruto, 1974: 63]. Отличительной особенностью национального языка Италии является его моноцентричность, т.е. наличие де-юре одной-единственной нормы [Joseph, 1980: 133], даже если де-факто она реализуется как ряд региональных разновидностей. Г. Санга характеризует национальный язык Италии как «субпродукт» литературного языка, навязываемый господствующим классом (буржуазией) всему населению в качестве одного из условий экономической и политической интеграции страны [Sanga, 1981: 96–97]. В этих словах находит отражение тот факт, что формирование итальянского ЛЯ происходило задолго до консолидации Италии в единое государство-нацию, и для его превращения в национальный язык понадобилась лишь стандартизация письменного, а затем устного узуса, которая натолкнулась на значительные трудности из-за высокой степени языкового разнообразия на Апеннинском полуострове. В. Бласко Феррер отмечает такое свойство НЯ, как его статус референциальной модели – коммуникативного средства, обязательного для всех членов общества, хотя, указывая

на его происхождение, он следует упрощенному взгляду на национальный язык как на бывший диалект, приобретший новый статус благодаря историческим событиям и целенаправленной языковой политике [Blasco Ferrer, 1994: 11].

Понятие регионального итальянского языка (РЯ). Под региональным итальянским языком понимается множество конкретных реализаций ЛЯ в устной и в письменной речи в ситуации формальной коммуникации, в которых обнаруживаются местные особенности в основном фонетического и лексического (но не морфологического) характера. Иногда к региональным разновидностям прилагается термин «диалект»; «подлинными диалектами итальянского языка» объявляются именно его региональные разновидности [Berruto, 1989: 8, 9]. Т. Тельмон определяет региональные разновидности как «промежуточные диалектные системы», обладающие автономией и характеризуемые как конкретные, динамичные и сравнительно хорошо структурированные образования. Примером «нового диалекта» может служить региональный итальянский Рима, непосредственно производный не от местного варианта разговорной латыни, а от тосканского по происхождению общеитальянского языка, который в первой половине XVI в. вытеснил автохтонный местный диалект южного типа [Telmon, 2000: 97, 100]

3. Понятие диалекта в его соотнесении с понятием языка

В итальянистике сосуществуют понятия диалекта как объективной и как конвенциональной сущности. К. Грасси полагает, что, поскольку понятия языка и диалекта относятся к сфере гуманитарных и социальных наук, им невозможно дать формальное определение в терминах постоянных семантических признаков. Понятие диалекта может быть определено только в зависимости от цели конкретного исследования [Grassi, 1995: 22]. Диалект оказывается конвенциональным понятием не только в плане исследования, но и в плане культурно-языковой традиции: со времен Данте в Италии выделяются диалектные разновидности, соотносимые с историческими областями (Венето, Тоскана, Лаций, Сицилия и т.д.); многие из них в действительности являются, в терминологии Х. Клосса, диалектизованными языками [Joseph, 1980: 132]. Поэтому традиционное деление на языки и диалекты имеет чисто практическую и дидактическую ценность [Geckeler et al., 1992: 16, 17].

Вместе с тем тот же К. Грасси целью лингвогеографических исследований объявляет реконструкцию исторических процессов распространения волн инноваций, шедших из определенных центров, и столкновения разных влияний, породивших переходные зоны [Grassi, 1967: 35]. Иначе говоря, лингвогеографические методы исследования должны служить выявлению объективно существующих диалектных единств, обусловленных исторически.

Соотношение же диалектов как конвенциональных и объективных сущностей остается неясным. Некоторое разъяснение находим у Дж. Девото: диалектные ареалы и крупные диалектные группировки возникают в процессе описания, основанного лишь на отдельных инновациях и соответствующих изоглоссах; подлинным же объектом описания является множество vernacoli – локальных разновидностей, группируемых по сходным признакам и являющихся результатом не только процессов дифференциации, но и частичной региональной конвергенции [Devoto, 1972: 44]. Таким образом, конвенциональными сущностями являются прежде всего большие диалектные ареалы, выделяемые всего лишь по нескольким признакам, но именно такое понимание диалекта было разработано основоположником итальянской диалектологии Г.И. Асколи, и оказало очень сильное влияние на итальянскую диалектологию [Ascoli, 1882–1885].

В современной итальянистике не используется классическая схема сравнительно-исторического языкознания, согласно которой диалекты являются результатом распада общего языка-основы. Итальянские диалекты рассматриваются не как местные разновидности общеитальянского языка, а как автономные системы, ведущие свое происхождение от региональных вариантов разговорной латыни, наложившихся на древние италийские языки [Berruto, 2000: 5; Joseph, 1980: 137].

Уточнение отношений между диалектами и ЛЯ в генетическом плане привело к отказу от использования терминологического сочетания «диалекты итальянского языка». Предпочитают использовать выражение «итальянские диалекты», хотя Г. Берруто полагает, что первый термин оправдан в социолингвистическом и даже генетическом смысле (наличие генетического родства является само собой разумеющимся) [Berruto, 2000: 4]. Современные итальянские диалекты – это «диалекты, на которых говорят в Италии», в историческом плане они не «производны» от итальянского языка, хотя сами диалектофоны могут воспринимать свои диалекты как разновидности итальянского языка [Пизани, 1973: 3; Berruto, 1974: 64; Berruto, 2000: 5; Pisani, 1970: 22; Poggi Salani, 1982: 124]. Однако следует учесть, что итальянскими диалектами именуются диалекты не только Итальянской Республики, но и Республики Сан-Марино, швейцарских кантонов Тичино и Граубюнден, Корсики и полуострова Истрия. Это обусловлено тем, что между диалектными разновидностями, бытующими на названных территориях, и диалектами Италии устанавливаются генетические связи, первые рассматриваются как ответвление вторых

Для итальянского ареала характерны непервичные, производные диалекты, являющиеся результатом «культурной колонизации»; так, венецианский наложился на говоры Падуи, Триеста и Истрии, а тосканский – на корсиканский, идиомы Сардинии, довозрожденческий римский [Grassi, 1993: 13]. В результате возникли смешанные идиомы, нарушающие линейность

языковой эволюции от латыни к современным романским идиомам. По мнению Т. Тельмона, современную римскую языковую разновидность (romanesco) не следует называть диалектом, ибо она не является непосредственным продолжением местного диалекта латыни; если эту, тосканскую по происхождению, разновидность и называть диалектом, то диалектом именно итальянского языка; тогда можно сказать, что региональные разновидности итальянского языка являются новыми диалектами [Telmon, 2000, 97, 99].

Традиционно диалект представляется как автономная языковая система, находящаяся в генетическом родстве с доминирующим языком и выполняющая определенные коммуникативные функции в ограниченном географическом пространстве. В таком случае отсутствуют принципиальные различия между диалектом и языком в структурном плане; диалект противопоставляется языку или в классификационном плане [Parlangeli, 1969: 733], или в функционально-прагматическом плане [Grassi, 2000: 279; Le varietà, 1998: 34]. Диалект может быть разновидностью той же языковой системы, что и язык, но может быть и совершенно особой языковой системой, и тогда его можно считать полноценным языком, хотя и подчиненным ведущему [Berruto, 1974: 63]. Что же представляют собой в таком случае итальянские диалекты? Италия занимает особое положение в Романии, поскольку структурная дистанция между диалектами и между ними и СЯ столь велика, что большая часть диалектов рассматривается не в качестве локальных разновидностей итальянского, а как особые языковые системы, тем более что в Италии из-за запаздывания процессов языковой унификации диалекты до сих пор хорошо сохранились. Поэтому в итальянистике диалекты в принципе признаются полноценными языковыми системами, подлинными языками, развившимися из одного языка-предка – разговорной латыни [Benincà, 1994: 8; Berruto, 1988: 220].

Однако замечательным достижением итальянской вариационной лингвистики является отказ от манипулирования понятиями языка и диалекта как целостных гомогенных систем и обращение к анализу реальной языковой действительности, все разнообразие которой уже невозможно втиснуть в явно устаревшую дихотомию «язык/диалект». Ранее дихотомия «язык/диалект» нередко осмыслялась как общее противопоставление между письменной и разговорной речью, теперь же мы имеем дело с множеством «стандартных» и «субстандартных» разновидностей, с которыми взаимодействует диалект, представляемый уже не как единая языковая система, а как целая совокупность языковых разновидностей. Единство системы – догма сравнительно-исторической грамматики и диалектологии; в действительности же каждый живой говор обнаруживает диастратные и поколенческие различия, поэтому диалект должен изучаться как множество разновидностей, причем во взаимодействии с другими разновидностями, входящими в состав речевого репертуара диалектофона [Grassi et al.,1997: VI].

Наличие гаммы языковых разновидностей обусловлено лингвистической эволюцией двоякого рода: 1) итальянизацией диалектов и формированием региональных диалектных койне; 2) некоторой диалектализацией итальянского ЛЯ по мере его социализации среди широких масс населения. Этим обусловлено представление речевого репертуара итальянцев в виде континуума, крайними точками которого являются итальянский СЯ и локальный диалект. Что же касается промежуточных разновидностей, то их может выделяться самое разное количество, причем наблюдается постоянное увеличение числа разновидностей в работах лингвистов. Например, Г. Санга выделяет шестнадцать разновидностей начиная с англизированного итальянского языка и кончая локальными диалектами и арго [Sanga, 1981: 102]. Важно отметить, что структура речевого репертуара не зависит от того, считается ли подчиненный идиом диалектом (скажем, калабрийский) или языком (как в случае с сардинским или фриульским) [Berruto, 2000: 6].

В Италии отсутствует жесткое противопоставление между италофонами и диалектофонами, поскольку языковая компетенция индивидов включает в себя целую гамму разновидностей. Разновидности итальянского языка и диалектные разновидности сближаются между собой, и структурная дистанция между ними уменьшается. Важно отметить, что итальянисты констатируют отсутствие конфликта между итальянским языком и диалектами. Заслугой итальянских лингвистов является не разведение членов этой дихотомии до состояния языкового конфликта, а снятие ее путем постулирования промежуточных форм, в одних случаях образующих континуум, а в других – градатум.

Если ранее диалект определялся как пространственная разновидность языка, то теперь при его характеристике учитываются социальный и диафазический параметры. Диалект является принадлежностью низших социальных слоев и обладает невысоким социальным престижем или лишен его вовсе. Функционируя в пространственно и социально ограниченной общности людей, он используется премущественно в спонтанном устном общении, усваивается детьми от взрослых членов лингвосоциума, а не через систему школьного образования, обладает ограниченными лексическими ресурсами (хотя и не во всех сферах), характеризуется большей экспрессивностью и более тесной связью с социокультурной идентичностью лингвосоциума [Berruto, 1987: 72, 73]. К этому можно добавить такие свойства, как ненормированность, вариативность и отсутствие художественной литературы [Blasco Ferrer, 1994: 12], хотя последний признак не всегда наблюдается в итальянской ситуации [Cortelazzo, 1969: 27].

Примечательно, что, хотя итальянское государство до недавнего времени мало уделяло внимания языковым проблемам, юристы настаивали на юридической нерелевантности различия между языком и диалектом [Cortelazzo, 1988: 305]. Однако если некий идиом подвергается

нормализации и кодификации, он всегда именуется языком, и юридический статус вместе с вытекающими из него последствиями все же вводится в число признаков, отличающих язык от диалекта [Le varietà, 1998: 10].

Литература

Пизани В. (1973) Итальянские диалекты в историческом аспекте // Вопросы языкознания. № 6. С. 3–8.

Челышева И.И. (2001) Диалекты Италии // Языки мира: Романские языки. М: Academia. С. 90–146.

Ascoli, G.I. (1882–1885) L' Italia dialettale // Archivio Glottologico Italiano. Vol. VIII. Pp. 98–128.

Benincà, P. (1994) La variazione sintattica: Studi di dialettologia romanza. Bologna: Mulino. 260 p.

Berretta, M. (1988) Italiensch: Varietätenlinguistik des Italienischen / Linguistica delle varietà // Lexikon der Romanistischen Linguistik / Hrsg. von G. Holtus, M. Metzeltin, Ch. Schmitt. Tübingen: Max Niermeyer Verlag. Bd. IV. Pp. 762–774.

Berruto, G. (1974) La sociolinguistica. Bologna: Zanichelli. 158 p.

Berruto, G. 1987 Lingua, dialetto, diglossia, dilalia // Romania e Slavia Adriatica. Festschrift für Žarko Muljačić. Hamburg: H. Buske. Pp. 57–81.

Berruto, G. (1988) Italienisch: Soziolinguistik / Sociolinguistica. // Lexikon der Romanistischen Linguistik / Hrsg. von G. Holtus, M. Metzeltin, Ch. Schmitt. Tübingen: Max Niermeyer Verlag. Bd. IV. Pp. 220–230.

Berruto, G. (1989) Main topics and findings in Italian sociolinguistics // International Journal of the Sociology of Language. No. 76. Italian Sociolinguistics: Trends and Issues. Pp. 7–30.

Berruto, G. (2000) Le varietà del repertorio: Varietà diamesiche, diastratiche, diafasiche // Introduzione all'italiano contemporaneo: La variazione e gli usi / Sobrero A. (a cura di). Roma: Laterza. Pp. 3–92.

Blasco Ferrer, E. (1994) Handbuch der italienischen Sprachwissenschaft. Berlin: Schmidt. 320 p.

Bruni, F. (1984) L'italiano: Elementi di storia della lingua e della cultura. Torino: UTET . 527 p.

Canepari, L. (1975) Lingua e dialetto: Note critiche // Studi italiani di linguistica teorica ed applicata. No. 2–3. Pp. 469–480.

Cortelazzo, M. (1969) Avviamento critico allo studio della dialettologia italiana. 1. Problemi e metodi. Pisa: Pacini. 368 p.

Cortelazzo, M. (1988) Italienisch: Sprache und Gesetzgebung / Lingua e legislazione // Lexikon der Romanistischen Linguistik / Hrsg. von G. Holtus, M. Metzeltin, Ch. Schmitt. Tübingen: Max Niermeyer Verlag. Pp. 305–311.

De Mauro, T. (1989) Per una storia linguistica della città di Roma // Il romanesco ieri e oggi / De Mauro T. (a cura di). Roma: Bulzoni. Pp. XIII–XXXVI.

Geckeler, H., Kattenbusch, D. (1992) Einführung in die italienische Sprachwissenschaft. Tübingen: Niemeyer. IX. 163 p.

Grassi, C. (1967) Introduzione // Ascoli G. I. Scritti sulla questione della lingua. Milano: Silva Editore. Pp. VII–XLVIII.

Grassi, C. (1993) Italiano e dialetti // Introduzione all'italiano contemporaneo: La variazione e gli usi / Sobrero A. (a cura di). Roma: Laterza. Pp. 297–310.

Grassi, C. (1995) Teoria del dialetto // Dialetti e lingue nazionali: Atti del XXVII Congresso della SLI / Romanello M.T., Tempesta I. (a cura di). Roma: Bulzoni. Pp. 9–28.

Grassi, C., Sobrero, A., Telmon, T. (1997) Fondamenti di dialettologia italiana. Roma: Laterza. XV. 424 p.

Joseph, J.E. (1980) Linguistic Classification in Italy: Problems and Predictions // Language Problems & Language Planning. Vol. 4. No. 2. Pp. 131–140.

Koch, P. (1988) Italienisch: a) Externe Sprachgeschichte I // Lexikon der Romanistischen Linguistik / Hrsg. von G.Holtus, M. Metzeltin, Ch. Schmitt. Tübingen: Max Niermeyer Verlag. Bd. IV. Pp. 343–360.

Muljačić, Ž. (1990) Il caso italiano vs altri casi europei: Prolegomeni alla standardologia storica comparata. // Storia dell'italiano e forme dell'italianizzazione / Banfi E., Cordin P. (a cura di). Roma:Bulzoni. Pp. 9–20.

Parlangeli, O. (1969) Considerazioni sulla classificazione dei dialetti italiani // Studi linguistici in onore di Vittore Pisani. Brescia: Paideia. Vol. II. Pp. 715–760.

Pellegrini, G.B. (1975) Saggi di linguistica italiana: Storia struttura società. Torino: Boringuieri. 496 p.

Pisani V. (1970) I dialetti italiani nella storia // Atti del convegno dei dialetti d'Italia (13–14–15 dicembre 1969). Milano: Familia Meneghina. Pp. 56–64.

Poggi Salani, T. (1982) Sulla definizione d'italiano regionale // La lingua italiana in movimento. Firenze: Accademia della Crusca. Pp. 113–134.

Sanga, G. (1981) Les dynamiques linguistiques de la société italienne (1861–1980): De la naissance de l'italien populaire à la diffusion des ethnicismes linguistiques // Langages. Vol. 5. No. 61. Pp. 93–115.

Telmon, T. (2000) Varietà regionali // Introduzione all'italiano contemporaneo: La variazione e gli usi / Sobrero A. (a cura di). Roma: Laterza. Pp. 93–149.

Le varietà dell'italiano: Manuale di sociolinguistica italiana (1998) Roma: Bonacci. 323 p.

Varvaro, A. (1989) La tendenza all'unificazione dalle origini alla formazione di un italiano standard // L'italiano tra le lingue romanze. Roma: Bulzoni. Pp. 128–135.

Walter, H. (1990) La différenciation géographique en français et en italien // La linguistique. Vol. 26. Fasc. 2. Pp. 35–45.

Zamboni, A. (1998) La classificazione storica delle lingue romanze. IV. L'italo-romanzo // LRL. Bd. VII. Pp. 54–78.

References

Pisani, V. (1973) Italianskie dialekty v istoricheskom aspekte [Italian Dialects in historical aspect] // Voprosy jazykoznanija. No. 6. Pp. 3–8. (In Russ.)

Chelysheva, I.I. (2001) Dialekty Italii [Dialects of Italy] // Languages of the World. Romance Languages. M: Academia. Pp. 90–146. (In Russ.)

Ascoli, G.I. (1882–1885) L' Italia dialettale // Archivio Glottologico Italiano. [Dialectal Italy // Italian Glottological Archive]. Vol. VIII. Pp. 98–128. (In Ital.)

Benincà, P. (1994). La variazione sintattica: Studi di dialettologia romanza [Syntactic variation: Studies in Romance dialectology]. Bologna: Mulino, 1994. 260 p. (In Ital.)

Berretta, M. (1988) Italiensch: Linguistica delle varietà // Lexikon der Romanistischen Linguistik / Hrsg. von G. Holtus, M. Metzeltin, Ch. Schmitt. Tübingen: Max Niermeyer Verlag. Bd. IV. [Italian: Linguistics of varieties // Dictionary of Romance Linguistics / Edited by G. Holtus, M. Metzeltin, Ch. Schmitt. Tübingen: Max Niermeyer Verlag. Vol. IV]. Pp. 762–774. (In Ital.)

Berruto, G. (1974) La sociolinguistica [Sociolinguistics]. Bologna: Zanichelli. 158 p. (In Ital.)

Berruto, G. (1987) Lingua, dialetto, diglossia, dilalia // Romania e Slavia Adriatica. Festschrift für Žarko Muljačić [Language, dialect, diglossia, dilalia // Romania and Adriatic Slavia. Festschrift for Žarko Muljačić]. Hamburg: H. Buske. Pp. 57–81. (In Ital.)

Berruto, G. (1988) Italiano: Sociolinguistica // Lexikon der Romanistischen Linguistik / Hrsg. von G. Holtus, M. Metzeltin, Ch. Schmitt. Tübingen: Max Niermeyer Verlag. Bd. IV [Italian : Sociolinguistics // Lexicon of Romance Linguistics / Edited by G. Holtus, M. Metzeltin, Ch. Schmitt. Tübingen: Max Niermeyer Verlag. Vol. IV]. Pp. 220–230. (In Ital.)

Berruto, G. (1989) Main topics and findings in Italian sociolinguistics // International Journal of the Sociology of Language. No. 76. Italian Sociolinguistics: Trends and Issues. Pp. 7–30.

Berruto, G. (2000) Le varietà del repertorio. Varietà diamesiche, diastratiche, diafasiche // Introduzione all'italiano contemporaneo: La variazione e gli usi / Sobrero A. (a cura di) [The varieties of the

repertoire. Diamesic, diastratic, diaphasic varieties // Introduction to contemporary Italian: Variation and uses / Sobrero A. (ed.)]. Roma: Laterza, 1993. Pp. 3–92. (In Ital.)

Blasco Ferrer, E. (1994) Handbuch der italienischen Sprachwissenschaft [Handbook of Italian Linguistics]. Berlin: Schmidt. 320 p. (In Germ.)

Bruni, F. (1984) L'italiano: Elementi di storia della lingua e della cultura [Italian: Elements of the history of the language and culture]. Torino: UTET. 527 p. (In Ital.)

Canepari, L. (1975) Lingua e dialetto: Note critiche // Studi italiani di linguistica teorica ed applicate [Language and Dialect: Critical Notes // Italian Studies in Theoretical and Applied Linguistics]. No. 2–3. Pp. 469–480. (In Ital.)

Cortelazzo, M. (1969) Avviamento critico allo studio della dialettologia italiana. 1. Problemi e metodi [Critical introduction to the study of Italian dialectology. 1. Problems and methods]. Pisa: Pacini. 368 p. (In Ital.)

Cortelazzo, M. (1988) Italiano: Lingua e legislazione // Lexikon der Romanistischen Linguistik / Hrsg. von G. Holtus, M. Metzeltin, Ch. Schmitt. Tübingen: Max Niermeyer Verlag [Italian: Language and legislation // Lexicon of Romance Linguistics / Edited by G. Holtus, M. Metzeltin, Ch. Schmitt. Tübingen: Max Niermeyer Verlag]. Pp. 305–311. (In Germ.)

De Mauro, T. (1989) Per una storia linguistica della città di Roma // Il romanesco ieri e oggi [For a linguistic history of the city of Rome // Romanesco yesterday and today]. / De Mauro T. (edited by). Rome: Bulzoni. Pp. XIII–XXXVI. (In Ital.)

Geckeler, H., Kattenbusch, D. (1992) Einführung in die italienische Sprachwissenschaft [Introduction to Italian Linguistics]. Tübingen: Niemeyer. IX. 163 p. (In Ital.)

Grassi, C. (1967) Introduzione // Ascoli G.I. Scritti sulla questione della lingua. [Introduction // Ascoli G.I. Writings on the Question of Language]. Milan: Silva Editore. Pp. VII–XLVIII. (In Ital.)

Grassi, C. (1993) Italiano e dialetti // Introduzione all'italiano contemporaneo: La variazione e gli usi / Sobrero A. (a cura di) [Italian and dialects // Introduction to contemporary Italian: Variation and uses / Sobrero A. (ed.)]. Rome: Laterza. Pp. 297-310. (In Ital.)

Grassi, C. (1995) Teoria del dialetto // Dialetti e lingue nazionali: Atti del XXVII Congresso della SLI / Romanello M.T., Tempesta I. (a cura di) [Dialect theory // Dialects and national languages: Proceedings of the XXVII SLI Congress / Romanello M.T., Tempesta I. (eds)]. Rome: Bulzoni. Pp. 9–28. (In Ital.)

Grassi, C., Sobrero, A., Telmon, T. (1997) Fondamenti di dialettologia italiana [Fundamentals of Italian dialectology]. Rome: Laterza. XV. 424 p. (In Ital.)

Joseph, J. E. (1980) Linguistic Classification in Italy: Problems and Predictions // Language Problems & Language Planning. Vol. 4. No. 2. Pp. 131–140.

Koch, P. (1988) Italienisch: a) Externe Sprachgeschichte I. Lexikon der Romanistischen Linguistik [Italian: a) External Language History I. Dictionary of Romance Linguistics] / Hrsg. von G. Holtus, M. Metzeltin, Ch. Schmitt. Tübingen: Max Niermeyer Verlag. Bd. IV. Pp. 343–360. (In Germ.)

Muljačić, Ž. (1990) Il caso italiano vs altri casi europei: Prolegomeni alla standardologia storica comparata. // Storia dell'italiano e forme dell'italianizzazione [The Italian case vs other European cases: Prolegomena to comparative historical standardology. // History of Italian and forms of Italianization]. Banfi E., Cordin P. (eds.) Rome: Bulzoni. Pp. 9–20. (In Ital.)

Parlangeli, O. (1969) Considerazioni sulla classificazione dei dialetti italiani // Studi linguistici in onore di Vittore Pisani [Considerations on the classification of Italian dialects // Linguistic studies in honor of Vittore Pisani]. Brescia: Paideia. Vol. II. Pp. 715–760. (In Ital.)

Pellegrini, G. B. (1975) Saggi di linguistica italiana: Storia struttura società [Essays in Italian Linguistics: History and Structure of Society]. Turin: Boringhieri. 496 p. (In Ital.)

Pisani, V. (1970) I dialetti italiani nella storia // Atti del convegno dei dialetti d'Italia (13–14–15 dicembre 1969) [Italian dialects in history // Proceedings of the conference of Italian dialects (13–14–15 December 1969)]. Milan: Milanese Family. Pp. 56–64. (In Ital.)

Poggi Salani, T. (1982) Sulla definizione d'italiano regionale // La lingua italiana in movimento. Firenze: Accademia della Crusca [On the definition of regional Italian // The Italian language in motion. Florence: Accademia della Crusca]. Pp. 113–134. (In Ital.)

Sanga, G. (1981) Les dynamiques linguistiques de la société italienne (1861–1980): De la naissance de l'italien populaire à la diffusion des ethnicismes linguistiques [The linguistic dynamics of Italian society (1861–1980): From the birth of popular Italian to the spread of linguistic ethnicisms] // Langages. Vol. 5. No. 61. Pp. 93–115. (In Ital.)

Telmon, T. (2000) Varietà regionali // Introduzione all'italiano contemporaneo: La variazione e gli usi / Sobrero A. (a cura di) [Regional varieties // Introduction to contemporary Italian: Variation and uses / Sobrero A. (ed.)]. Rome: Laterza. Pp. 93–149. (In Ital.)

Le varietà dell'italiano: Manuale di sociolinguistica italiana [Varieties of Italian: A Manual of Italian Sociolinguistics] (1998) Rome: Bonacci. 323 p. (In Ital.)

Varvaro, A. (1989) La tendenza all'unificazione dalle origini alla formazione di un italiano standard // L'italiano tra le lingue romanze [The tendency towards unification from the origins to the formation of a standard Italian // Italian among the Romance languages]. Rome: Bulzoni. Pp. 128–135. (In Ital.)

Walter, H. (1990) La différenciation géographique en français et en italien [Geographic differentiation in French and Italian] // La linguistique. Vol. 26. Fasc. 2. Pp. 35–45. (In French).

Zamboni, A. (1998) La classificazione storica delle lingue romanze. IV. L'italo-romanzo [The historical classification of the Romance languages. IV. Italo-Romance] // LRL. Vol. VII. Pp. 54–78. (In Ital.)

Нарумов Борис Петрович (1946–2007) – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института языкознания РАН.
Адрес: 125009, Россия, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1/12.
Эл. адрес: chelirin@gmail.com

Boris Petrovich Narumov (1946–2007) – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.
Address: Bolshoi Kislovsky Lane, 1/12, Moscow, Russia, 125009
E-mail address: chelirin@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Для цитирования: *Нарумов Б.П* Понятия «язык» и «диалект» в приложении к итало-романскому ареалу // Социолингвистика. 2024. № 3 (19). С. 147–160. DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-147-160

For citation: *Narumov B.P* Concepts of "language" and "dialect" in the Italo-Romance area. // Sociolingvistika. 2024. No. 3 (19). Pp. 147–160. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-147-160

The article was submitted 10.03.2024;
approved after reviewing 16.07.2024;
accepted for publication 20.09.2024.

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ
CRITICS AND REVIEWS

УДК 811.133.1’276 DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-161-164

Рецензия

Ретинская Т.И. Французские профессиональные арго: Социолингвистический и функционально-стилистический анализ: Монография. М: ЛЕНАНД, 2023. 284 с.

Рецензируемая монография Ретинской Т.И. «Французские профессиональные арго: Социолингвистический и функционально-стилистический анализ» дает комплексное описание профессиональных французских арго и свидетельствует, что арготология представляет собой перспективную отрасль современного языкознания, способную обогатить науку новыми знаниями не только о французском языке, имеющем давнюю богатую традицию научного изучения, но и о человеческом языке в целом с точки зрения реализации его когнитивно-номинативного потенциала.

Специалистам известно, что французская лексика описана достаточно хорошо с самых разных позиций: исторических, функционально-семантических, ономасиологических, словообразовательных и др. Во всех этих случаях, однако, речь идет об описании общеупотребительной лексики, представляющей *langue commune*. И все установленные исследователями закономерности, принципы систематизации, рубрики и разряды возможных классификаций являются результатом работы именно с этим лексическим материалом – общеупотребительной лексикой.

В этом отношении лексика арго, как правило, оставалась в стороне от магистральных дорог лексикологических описаний. А между тем она представляет собой значительный пласт словаря французского языка, релевантный в нескольких отношениях: в плане ее соответствия/несоответствия основным структурным, функциональным и семантическим закономерностям, свойственным общеупотребительной лексике; установления таких закономерностей, свойственных исключительно или преимущественно арготической лексике; выявления когнитивных оснований арготической номинации, в частности, связанных с особенностями региональных и национальных реалий и менталитета. Всё перечисленное можно рассматривать как обширную программу будущих арготологических исследований, значительным вкладом в которые является рецензируемая монография Т.И. Ретинской – представителя Смоленской научной школы арготологии профессора Э.М. Береговской.

Автор монографии проделал над материалом колоссальную работу, которую с полным основанием можно назвать комплексной и всеобъемлющей. Следует особо отметить

многообразие используемых источников, к которым относятся не только традиционные лексикографические (словари, глоссарии), но и текстовые сообщения, размещенные на веб-форуме французских фермеров, а также полевые записи устной речи двух профессиональных групп – виноградарей и виноделов. Последнее заслуживает специального упоминания, поскольку именно эта профессиональная среда является одной из наиболее релевантных в плане национальной специфики, национального менталитета, учитывая высокий авторитет французского виноделия в мире и, соответственно, ту роль, которую оно играет в жизни французского общества, что не может не отражаться в его языке.

Таким образом, одной из сильных сторон монографии Т.И. Ретинской является богатейший материал – лексика французских профессиональных арго, которая до сих пор в таком целостном виде не становилась предметом многостороннего, комплексного изучения.

Столь же важна и сама комплексность подхода к отобранному материалу, позволяющая представить специфику профессиональных арго, их отличие от общеупотребительной лексики практически во всех рассмотренных аспектах. Так, словообразовательные характеристики французских профессиональных арго показывают большое разнообразие структурных моделей и их сочетаний, свойственных именно арготической лексике. Важно при этом, что, как отмечает автор, «каждое из профессиональных арго обладает своим набором системных и спорадических моделей словопроизводства» (с. 138). Судя по приводимым примерам, словообразовательная модель понимается в монографии достаточно широко, не будучи ограничена традиционными рамками морфологии, при том, что собственно морфологические модели арготических единиц обращают на себя внимание большим богатством, разнообразием и даже, пожалуй, причудливостью.

Большой интерес представляют результаты лексико-семантического исследования профессиональных арго. Ключевым здесь является понятие лексико-семантического поля, внутри которого выделяются семантические доминанты и синонимические ряды. Многочисленные примеры арготизмов, приведенные в монографии, убедительно свидетельствуют о большом потенциале креативности, реализующемся посредством различных семантических механизмов, прежде всего – метафоры и метонимии. В связи с этим нельзя не отметить обращающую на себя внимание лингвистическую меткость и тонкий юмор, лежащий в основе арготического словотворчества. Например: *autoroute, rails de chemin de fer* (арго парикмахеров), *gueulard* (арго шахтеров), *cow-boys* (арго налоговых служащих) и т.п.

Т.И. Ретинская говорит о четырех ведущих функциях арго: репрезентативной, людической, эмотивной и криптолалической. Представляется, что приводимые автором примеры тропологических перифраз-загадок (*Paganini de la manette des gaz* – арго летчиков военно-

морской авиации, *trait d'union entre le jour et la nuit* – арго шахтеров, *C'est Montmartre !* – арго художников) можно с полным основанием рассматривать как проявление еще одной функции арготизмов – поэтической. Это особенно наглядно проявляется при описании арго виноградарей и виноделов, в котором, по словам автора, отражается «извечное стремление… к карнавализации жизни и языковая идеология, проникнутая духом иронического балагурства» (с. 226). В связи с этим важно отметить, что в описании профессиональных арго автор выходит за пределы лексикологии, поскольку область арго гораздо шире. Яркие примеры однофразовых юморесок, как их называет автор монографии, существенно дополняют характеристику арго, напр.: *Il saluerait une buchotte, Le vent est d'Avenay !*

Проделанная Т.И. Ретинской работа по изучению и описанию французских профессиональных арго, позволяющая «представить детализированную картину функционирования как профессионального субъязыка, так и любого социального диалекта» (с. 253), является безусловно важным вкладом в развитие французской арготологии, лексикологии, лингвостилистики, лингвострановедения, лингвокультурологии и т.д. Поскольку профессиональные арго характеризуют человека прежде всего в трудовой деятельности, их описание дает представление об особенностях французского национального менталитета в этой сфере. Насколько позволяют судить многочисленные примеры – яркие, выразительные, остроумные – французы предстают перед нами как люди, которые любят и умеют трудиться, знают цену хорошо сделанной работе и получают от нее удовольствие. Это тоже важный вывод из рецензируемого издания.

В целом, у нас есть все основания констатировать, что монография Т.И. Ретинской вносит важный вклад во французскую арготологию, существенно обогащая наши знания о современном французском языке и его функционировании.

О.В. Раевская,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Раевская Ольга Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
https://orcid.org/0009-0009-3230-7692
Адрес: 119192, Россия, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4
Эл. адрес: oraev@list.ru

Raevskaya Olga Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
https://orcid.org/0009-0009-3230-7692
Address: Lomonosovsky Prospekt, 27, Building 4, Moscow, Russia, 119192
E-mail: oraev@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Для цитирования: *Раевская О.В.* [Рецензия] *Ретинская Т.И.* Французские профессиональные арго: Социолингвистический и функционально-стилистический анализ: Монография. М: ЛЕНАНД, 2023. 284 с. // Социоллингвистика. № 3 (19). С. 161–164. DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-161-164

For citation: *Raevskaya, O.V.* [Review] *Retinskaya, T.I.* French professional argot: A sociolinguistic and functional stylistic analysis: Monograph. Ed. 2, add. M.: URSS, 2023. 288 p. // Sociolingvistika. No. 3 (19). Pp. 161–164. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-161-164

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Раевская О.В., 2024

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Raevskaya, O.V., 2024

The article was submitted 13.05.2024;
approved after reviewing 02.08.2024;
accepted for publication 25.09.2024.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

К ЮБИЛЕЮ Д.Ф.Н., ПРОФ. И.И. ЧЕЛЫШЕВОЙ

IN HONOR OF THE ANNIVERSARY OF IRINA I. CHELYSHEVA, DOCTOR IN PHILOLOGY, PROFESSOR

20 сентября 2024 года исполнилось 70 лет отечественному учёному-романисту Ирине Игоревне Челышевой. Ирина Игоревна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий отделом индоевропейских языков Института языкознания РАН. Ирина Игоревна работает в Институте языкознания РАН с 1980 года, поступив в сектор романских языков после окончания аспирантуры на филологическом факультете МГУ и защиты кандидатской диссертации. В настоящее время И.И. Челышева является специалистом мирового уровня в области романского языкознания, талантливым организатором науки, преданным своему делу преподавателем.

И.И. Челышева родилась 20 сентября 1954 г. в Оренбурге. В 1977 г. закончила романо-германское отделение филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, а в 1980 г. аспирантуру при кафедре романского языкознания филфака МГУ. В 1981 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Релатинизация лексики французского и итальянского языков», а в 1998 г. – докторскую диссертацию "Становление литературного языка Италии: к типологии формирования романских литературных языков».

И.И. Челышева добилась впечатляющих результатов в обширной сфере своих научных интересов. В её более чем двухстах научных работах изучены вопросы формирования итало-романского языкового ареала с учетом разнообразия диалектов и языков; рассмотрены проблемы становления и развития итальянского литературного языка, рассмотрена языковая ситуации в современной Италии; проведены сопоставительные исследования итальянского и русского языков; в работах по общей романистике исследованы проблемы формирования и разделения романской языковой общности; типологические особенности романских языков в сравнительно-историческом плане (в том числе, на материале миноритарных языков); в

исследованиях по истории литературных языков изучены проблемы формирования и функционирования различных типов текстов в Средние века; рассмотрена специфика языковых значений ключевых лексем в литературных языках Средневековья; исследованы вопросы текстологической истории рукописей; изучен и опубликован ряд рукописных материалов из российских архивов; в работах по социолингвистике исследованы проблемы статуса миноритарных романских языков, языкового законодательства, формирования норм миноритарных языков.

И.И. Челышева автор и соавтор шести крупных монографий. Так, в томе «Романские языки» серии «Языки мира», издаваемой Институтом языкознания, ею написаны десять из двадцати шести статей, посвящённых отдельным романским языкам. Ирина Игоревна на высоком уровне владеет несколькими современными романскими языками, а также старыми их формами и латынью, что воплотилось в создании значительного числа научных и художественных переводов.

Ирина Игоревна показывает впечатляющие результаты в научно-педагогической работе. Она является профессором Российско-итальянского учебно-научного центра РГГУ, профессором кафедры итальянского языка МГЛУ, профессором Словацкого Католического университета (г. Ружомберок, Словакия).

Её лекции слушают аспиранты Института языкознания РАН, ею созданы авторские лекционные курсы по ряду тем: история итальянского языка, история французского языка, сравнительная грамматика романских языков, итальянская диалектология, социолингвистика, введение в романское языкознание, старопровансальский язык и др. Ирина Игоревна преподавала также в МГУ, МГИМО, Свято-Тихоновском Православном университете.

Под руководством И.И.Челышевой успешно защищены семь кандидатских диссертаций. В качестве приглашённого лектора она читала лекции в университетах Рима, Милана, Варшавы, в Румынской Академии Наук.

Поступив на работу в Институт языкознания в 1980 году, в 1995 году Ирина Игоревна стала заведующей сектором романских языков, а в 2004 возглавила отдел индоевропейских языков. В сфере научно-организационной работы И.И. Челышева неоднократно была руководителем и исполнителем проектов по грантам РГНФ и РФФИ, по Программам Фундаментальных исследований ОИФН РАН, сопредседателем (совместно с В.Я. Порхомовским) Комиссии РАН по истории литературных языков РАН. Ирина Игоревна – член редколлегии журнала «Вопросы филологии», журнала «Лингвистика и методика преподавания иностранных языков». Она также является председателем диссертационного совета Д 002.006.02 Института языкознания РАН.

И.И. Челышева награждена почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации.

В данной публикации к юбилею Ирины Игоревны мы остановились на наиболее ярких её достижениях, поскольку охватить их все было бы непросто. Но, даже читая данное достаточно сжатое изложение, нельзя не поразиться тому, что всё перечисленное выше является результатом таланта и трудолюбия только одного человека. Мы, сотрудники Института языкознания, а также члены редколлегии журнала «Социолингвистика», много раз становились свидетелями широкой эрудиции И.И. Челышевой, слушая её доклады на конференциях, круглых столах, заседаниях Учёного совета. Ирина Игоревна прекрасно владеет риторическими средствами русского языка, что делает её выступления особенно увлекательными и эстетически значимыми. Мы ценим её чувство ответственности за сотрудников возглавляемого ею отдела, её способность принять взвешенное решение в сложной ситуации, готовность квалифицированно ответить на вопрос, её активное участие в жизни всего Института языкознания РАН. В личном общении Ирина Игоревна известна нам как прекрасный собеседник, хороший слушатель, обладатель великолепного чувства юмора.

Искренне желаем Ирине Игоревне Челышевой успехов в научной, педагогической, организационной деятельности! Мы желаем ей и впредь искать, и находить истину, покоряя вершины познания.

О.А. Гулыга
старший научный сотрудник
Института языкознания РАН

ТРЕБОВАНИЯ И РЕКОМЕНДАЦИИ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «СОЦИОЛИНГВИСТИКА»

Требования и рекомендации к оформлению статей

1. Материалы представляются в электронном формате статьи.
2. Обязательно представление следующей информации:

2.1. Сведения об авторе статьи (в конце статьи), включающие фамилию, имя, отчество полностью, ученую степень и ученое звание, контактную информацию (место работы и должность автора, почтовый адрес организации, контактный телефон, e-mail). Сведения представляются на русском и английском языках.

2.2. Аспирантам необходимо представить рекомендацию научного руководителя к опубликованию статьи, заверенную в отделе кадров.

Основные требования

1. Объем статьи –- 32 000 знаков с пробелами, максимальный объем статьи – 1 п.л. (40 000 с пробелами).
2. В статье должны содержаться следующие элементы издательского оформления:

- Индекс УДК;
- Заглавие. Подзаголовочные данные (на русском и английском языках);
- Фамилия, имя, отчество автора; ученое звание, ученая степень; должность и место работы (на русском и английском языках); адрес электронной почты;
- Аннотация на русском и английском языках.
- 5–8 ключевых слов и/или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой) (на русском и английском языках).
- Текст статьи.
- Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с правилами, принятыми в журнале, а также список References.
- При необходимости – примечания, приложения, иллюстрации.

Требования к заглавиям статей

- Заглавия научных статей должны быть информативными;
- в заглавиях статей можно использовать только общепринятые сокращения;
- в переводе заглавий статей на английский язык не должно быть транслитерации с русского языка (кроме непереводимых названий собственных имен, приборов и др. объектов, имеющих собственные названия). Это требование распространяется на авторские аннотации и список ключевых слов.

Требования к оформлению сведений об авторе

- Указание фамилии, имени, отчества автора (авторов).
- указание ученого звания и ученой степени;
- представление данных о должности и месте работы с указанием адреса организации и электронной почты автора.

Образец

Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, Российская Федерация

Адрес: 125009 Российская Федерация, г. Москва, Большой Кисловский пер., 1/1.
Эл. адрес: socioling@mail.ru

Ivanov Ivan Ivanovich − Doctor of Philology, Professor, Senior researcher of the Research Center on Ethnic and Language Relations, Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Address: Bolshoy Kislovsky per. 1/1, 125009 Moscow, Russian Federation.
E-mail: socioling@mail.ru

Требования к аннотации

В аннотации не должно быть общих слов, увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Она должна отражать существенные результаты работы, быть лаконичной (150–160 слов), не содержащей второстепенной информации, структурированной (следовать логике описания результатов в статье).

Требования к оформлению списка ключевых слов

Список ключевых слов на русском и английском языках состоит из 5–8 ключевых слов и/или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой).

Требования к тексту статьи

Текст статьи представляется на русском или на английском языке в соответствии с требованиями к авторским оригиналам в электронном формате.

Текст статьи необходимо структурировать. Структурирование подразумевает деление текста на смысловые части. Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок. Если исследование имеет характер эксперимента, то структурировать статью допускается по модели, традиционной для публикаций в международных изданиях: Введение, Методика, Результаты и обсуждение, Выводы.

Требования к авторским оригиналам в электронном формате:

- материал должен быть представлен в формате Microsoft Word с расширением *.rtf или *.docx;
- шрифт Times New Roman, кегль 14, междустрочный интервал для текста статьи – 1,5, для всех остальных разделов статьи – одинарный интервал;
- поля страницы по 2 см с каждой стороны;
- имя файла должно быть набрано латиницей и содержатт фамилию автора (например: Ivanova.docx).

Требования к оформлению текста:

- Шрифт гарнитуры Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе древнерусских, церковнославянских, греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно прислать в электронном письме вместе с файлом статьи.
- Строки внутри одного абзаца не должны переводиться вручную («мягкий» ввод, пробелы, табуляции и пр.).
- Использование разрядки как способа выделения не допускается.
- Переносы не допускаются.

Требования к оформлению библиографических ссылок

Внутритекстовые ссылки на пристатейный список литературы приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится

цитата, то страница или диапазон страниц, например [Виноградов, 2017: 47] или [Виноградов, 2017: 47–48].

Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Иванов, 1987: 83; Петров, 1995: 213–218]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Виноградов, 1984; Виноградов, 1997].

При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Звягинцев, 2010а; Звягинцев, 2010б].

Если авторов два или три, то упоминается фамилия только первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае использования русскоязычного источника, «et al.» – в случае использования источника на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Национальные языки…, 1994].

Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке в круглых скобках приводится сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: (РПНГ, т. 8, с. 75) или (ОГРГС, с. 7) (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников).

Оформление списка литературы

Пристатейный список литературы, озаглавленный как Литература, не нумеруется и составляется в алфавитном порядке. Он должен быть оформлен согласно ГОСТ Р 7.1-2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания. Если описываемая публикация имеет DOI, его указание обязательно. Фамилия и инициалы автора выделяются курсивом.

В списке сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке, затем – работ на иностранных языках. Список литературы должен свидетельствовать о том, что автор знаком с отечественной и зарубежной научной литературой по теме статьи, поэтому рекомендуется включать в библиографический список не менее чем 10 позиций. Не допускаются ссылки на анонимные источники (например, Wikipedia). Источники и словари оформляются отдельным списком по алфавиту (с указанием принятых сокращений) в соответствии с требованиями, которые предъявляются к оформлению списка литературы.

Источник в списке литературы должен быть оформлен в следующем порядке:

- ФИО автора (выделяется курсивом);
- год издания работы в скобках (только цифры);
- заглавие работы;
- название журнала или сборника (если это статья из журнала или сборника материалов), без кавычек;
- выходные данные, исключая год: для журнала – номер и страницы статьи; для сборника статей, материалов конференции – город и название издательства.

В выходных данных монографий, учебников, сборников материалов конференций указываются данные ответственного редактора, название издательства, общее количество страниц.

Если даются ссылки на работы одного автора, которые изданы в один год, то используются буквенные индексы (a, b, c и т. д.). Например: 2014a, 2014b.

При оформлении интернет-источника (научного, индексируемого) в списке литературы указываются: автор (если есть); год публикации (если указано); название статьи; указание на электронную форму публикации – [Электронный ресурс]; полное название сайта (портала); точная ссылка на упоминаемый документ (Режим доступа:); указать дату обращения.

Примеры описания

Статья из журнала

Биткеева А.Н. (2018) Развитие языков Российской Федерации: динамика, проблемы, прогнозы. Вопросы филологии. № 1(61). С. 31–37.

Материалы конференции

Михальченко В.Ю. (2018) Национально-языковая политика и языковые конфликты. Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Сборник материалов научного семинара. Ч. 1. Языки в аспекте лингвострановедения. М.: МГИМО. С. 12–13.

Книга (монография, сборник)

Михальченко В.Ю. (1984) Проблемы функционирования и взаимодействия литовского и русского языков. Вильнюс: Мокслас. 224 с.

Языковая политика в контексте современных языковых процессов (2015). Отв. ред. А.Н. Биткеева. М.: Азбуковник. 471 с.

Интернет-ресурс

Жукоцкая А.В. (2009) Феномен идеологии. Режим доступа: http://service.ebooksearch.webfactional.com/en. Дата обращения: 12.11.2019.

Оформление REFERENCES

Пристатейный список литературы в латинском алфавите, озаглавленный как REFERENCES, составляется в порядке полностью идентичном Списку литературы. REFERENCES помещается после списка литературы.

Обязательно добавляется указание на оригинальный язык публикации, напр. (In Russ.).

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

авторы (имена не транслитерируются), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация)/название источника на другом языке (в оригинале) [перевод названия источника на английский язык — парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке.

Для журналов, издающихся на русском и английском языках, ссылка дается на английскую версию журнала.

Образец

Author, A.A., Author, B.B., Author, C.C. Транслитерированное название публикации [Перевод названия на английский язык]. Транслитерированное название журнала, 2019, Vol. 7, no. 2, Pp. 34–40.

Для транслитерации рекомендуем использовать систему на сайте http://www.translit.ru

Примеры описания

Статья из журнала

Bitkeeva, Aysa. N., Wingender, Monika and Mikhalchenko, Vida Yu. (2009) Prognozirovanie i iazykovoe mnogoobrazie v Rossiiskoi Federatsii: sotsiolingvisticheskii aspect [Language prognosis and language diversity in the Russian Federation: sociolinguistic aspect]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Issue 2, Iazykoznanie, Pp. 6–23. (In Russ.). DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1.

Статья из электронного журнала

Lamazhaa, Ch. K. (2014) Zasaianskie tuvintsy: obraz zhizni, tsennosti, idealy [Tuvans beyond the Sayan Mountains: way of living, values and ideals]. The New Research of Tuva, no. 3 [online]. Available at: https://nit. tuva.asia/nit/article/view/138. Access date: 01.11.2019. (In Russ.).

Материалы конференции

Golovko, E.V. (2016) Sovremennaia iazykovaia politika i problema sokhraneniia iazykovogo i kul'turnogo raznoobraziia v Rossiiskoi Federatsii [Present-day language policy and problem of preservation of language and cultural diversity in the Russian Federation]. Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii "Sohranenie i razvitie yazykov i kul'tur korennyh narodov Sibiri". Abakan, Pp. 9–12. (In Russ.)

Здесь приведено полное описание конференции вместе с транслитерированным и переведенным на английский язык названием статьи. Основная часть (кроме авторов) включает: название конференции на языке оригинала (в транслитерации, если нет ее английского названия). Выходные данные (место проведения конференции, место издания, обозначение страниц) должны быть представлены на английском языке.

Книга (монография, сборник)

Borgoyakova, T.G. (2002) Sotsiolingvisticheskie protsessy v respublikakh Iuzhnoi Sibiri [Sociolinguistic processes in the republics of the South Siberia]. Abakan, Khakass State University Press. 166 p. (In Russ.)

Yazykovaya politika v kontekste sovremennyh yazykovyh processov. Ed. by A.N. Bitkeeva. Moscow, 2015. 471 p.

Интернет-ресурс

Pravila Tsitirovaniya Istochnikov (Rules for the Citing of Sources). Available at: http://www.scribd.com/ doc/1034528/. Access date: 07.02.2011.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ | SCIENTIFIC JOURNAL

СОЦИОЛИНГВИСТИКА | SOCIOLINGVISTIKA

№ 3 (19)

2024

Главные редакторы | Editors-in-chief

В.М. Алпатов* | *Vladimir M. Alpatov
(академик РАН, д.ф.н., Институт языкознания РАН) | (Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

А.Н. Биткеева* | *Aysa N. Bitkeeva
(д.ф.н., Институт языкознания РАН) | (DSc in Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

Редактор | Editor
В.И. Меркулова | *V.I. Merculova*
(Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева) | (Oryol State University named after I.S. Turgenev)

Редактор английских текстов *С.В. Кириленко* | Translation into English *S.V.Kirilenko*

Компьютерная верстка | Desktop publishing
О.С. Корявкина | *O.S. Koryavkina*
(Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева) | (Oryol State University named after I.S. Turgenev)

Дата выхода: 30.10.2024 | Published 30.10.2024
Формат 60x84/8. Усл. Печ. л. 21.62 | Format 60x84/8. Printed sheets 21.62

Учредители, редакция, издатели:
Институт языкознания Российской академии наук, 2020
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2020
Founders, editors, publishers:
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2020
Oryol State University named after I.S. Turgenev, 2020

Адрес редакции: 125009 Российская Федерация, Москва, Б. Кисловский пер. 1/1

Editorial address: 125009 Russian Federation, Moscow, B. Kislovsky per. 1/1